ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2013

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msps.su

Редакционный совет:
А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертес (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*
Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*
Художественный редактор: *Людмила Иванова*
Верстка: *Валерия Козак*
Фото: *О. Начинкин*

Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке Института «Открытое общество» (HESP), Стокгольмского института переходной экономики (SITE), Фонда Чарльза Стюарта Мотта, группы компаний «Рольф».

Содержание

№ 1 (61) 2013

К читателю 5

Семинар

Историческая память и гражданская позиция
Александр Даниэль 7
Дискуссия 18

Тема номера

Приоритеты общества и шансы оппозиции
Алексей Макаркин 26

Страницы истории

От «Солидарности» к самоуправлению
Наталья Брыжко 30

Точка зрения

«Новая Европа» – границы, параметры и место в мире
Андрей Зубов 43

Бестиарий. Стало меньше студентов? Ну и что?
Джампаоло Панса 53

Концепция

Общество и воспитание
Эрнст-Йорг фон Штудниц 57

Российское образование

Конкурентоспособны ли российские университеты?
Татьяна Кастуева-Жан 63

«Не для школы, а для жизни учимся»
Андрей Колесников 76

Наше гражданское наследие

О значении синонимов в связи с вопросом об изучении языка...
Александр Трачевский 86

Гражданское общество

«Родительские стратегии» и гражданские практики
Татьяна Шманкевич 92

Книги

Маркс вверх ногами
Максим Трудолюбов 99

Региональное книжное обозрение
Юлия Гранат 103

Контрапункт
Владимир Рыжков 106

Nota bene

Кое-что о Лондоне
Лев Аннинский 113

Моральные уроки советской истории
Юрий Карякин 116
Лен Карпинский 119

В оформлении этого номера журнала использованы работы авторов из Австрии, Великобритании, Германии, Португалии, США, Уругвая, Швейцарии

К читателю

Юрий Сенокосов, главный редактор журнала «Общая тетрадь»

Предлагаю вспомнить об **этическом** содержании задаваемых нами часто конкретных моральных вопросов «как жить?» и «что делать?». То есть о таком понятии, как «общественное благо», когда этика как учение о морали с ее главным вопросом «что это такое — общественное благо?» становится значимой для любой области человеческой деятельности, в любом конце мира.

А разве не так в нашем обществе, где большинство граждан продолжают давать взятки, но при этом сетуют, что все вокруг нарушают законы и лгут? Об этом пишут в Интернете, говорят по телевизору, критикуют, разоблачают. А если не только критиковать и разоблачать? Можно ли предложить что-то позитивное, некую альтернативу?

Все мы знаем — слышали от других или сами пытались заниматься, скажем, спортом или играть на каком-то инструменте, рисовать и т.д. То есть **знаем**, что такое натренированное тело, поставленный голос, глаз художника, ухо музыканта, обоняние парфюмера... повара. Обо всех этих талантах нам известно, как известно и то, каким трудом достигается результат, когда видим, например, выступающего во время олимпийских игр спортсмена или слушаем игру известного пианиста. Чем больше разных талантов — тем интереснее жить.

И то же самое относится к области естественных и социальных наук, когда мы узнаем после вручения нобелевских и других наград об очередных выдающихся открытиях и достижениях в физике, биологии, экономике... Человек — трудолюбивое, пластичное, увлекающееся существо. Но мы редко задумываемся о том, что такое настоящий талант, в том числе и талант общения, обеспечивающий создание творческого коллектива, идет ли речь о театре, оркестре, успешной бизнес-компании, университете, школе. Не говоря уже о таланте общественного деятеля-гражданина.

Можно ли при этом подтолкнуть каким-то **образом** еще в детстве со школьной скамьи ученика к тому, чтобы он начал думать о своем таланте, помочь ему раскрыть свое дарование? Я не случайно выделил слово «обра-

зом», потому что именно с рассказа о цветовом образе, музыкальном и т.д. как раз и начинается, я уверен в этом, процесс самостоятельного думания, если педагог находит соответствующие примеры.

Приведу цитату из очерка В. Набокова о Гоголе, где говорится о цвете. «До появления его [Гоголя] и Пушкина русская литература была подслеповатой. Формы, которые она замечала, были лишь очертаниями, подсказанными рассудком; цвета как такового она не видела и лишь пользовалась истертыми комбинациями слепцов-существительных и пособачьи преданных им эпитетов, которые Европа унаследовала от древних. Небо было голубым, заря алой, листва зеленой, глаза красавиц черными, тучи серыми и т.д. Только гений Гоголя (а за ним Лермонтов и Толстой) увидел желтый и лиловый цвета. То, что небо на восходе солнца может быть бледно-зеленым, снег в безоблачный день густо-синим...»*.

Как и в том случае (я продолжаю мысль о раскрытии таланта), если учитель заинтересует учащихся рассказом, например, о том, чем арифметика отличается от алгебры и почему появилась алгебра. Или — о разнице между геометрией и тригонометрией, учитывая, что она тоже не с неба свалилась, ее ведь тоже изобрел в свое время думающий человек по фамилии Лобачевский.

А кто поможет учителям, у которых пробудился интерес **именно к проблемам** гражданского общества и общественного блага? Что может предложить им общество? Какие убедительные аргументы и положительные примеры о важности преподавания предмета современного гражданского образования? Если наши ответы на вопросы «что делать?» и «как жить?» сводятся обычно к повторению стереотипов, мифов, иллюзий, надежд.

Сегодня все говорят о культуре, но культура от лат. *cultus* — почитание, а почитают и культивируют, как известно, в современной России только деньги. Тогда как нужно учиться *практиковать сложность общественной гражданской жизни*, когда деньги хотя и имеют значение, но не являются единственной ценностью. Поэтому я и начал с общественного блага, то есть с этики, которая немыслима без обсуждения человеческих добродетелей, о которых когда-то писал еще Аристотель. А именно что добродетель, как всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру, надо рассматривать не просто, чтобы знать, что она такое, но и чтобы знать, каким путем она достигается, если мы хотим не только понимать ее, но и сами быть добродетельными. Без этого — похвального качества души — добродетель останется лишь механическим свойством, что фактически мы и видим сегодня.

Добродетелей много, как и наук и талантов, но у всякого настоящего таланта есть цель, и эта цель всегда некое благо. Из этого и следует исходить в поисках ответа на вопрос, что значит практиковать сложность гражданской жизни. То есть не только думать об этом, но и практиковать, учитывая, что ни одна наука и ни одно великое открытие не появляются и не существуют ради обмана, коррупции и насилия.

** Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Пер. с англ. — М.: Независимая газета, 1996. — С. 88.*

Александр Даниэль, член правления общества «Мемориал»

*Историческая память и гражданская позиция**

Обращаясь к теме исторической памяти, хочу подчеркнуть, что речь в моем выступлении пойдет не об истории как таковой, не об исторических фактах, а именно об исторической памяти. История, исторические факты — это то, что происходило когда-то, и в той реальности. А историческая память — это то, что происходит у нас в головах, и сегодня. Более того, в каждой голове — своя историческая память, а коллективной исторической памяти, национальной исторической памяти в реальности не существует. Это не более чем умозрительное построение, или, как сейчас модно говорить, конструкт. Это способ формирования коллективной идентичности через отношение к значимому для этой идентичности прошлому. Прошлое является для исторической памяти материалом. И конструирование исторической памяти — это отбор фактов, их встраивание в те или иные контексты и в конечном счете выстраивание национальных образов прошлого. Опять-таки «национальные образы прошлого» — это тоже конструкт, ибо они существуют только в индивидуальном сознании, а каждое индивидуальное сознание воссоздает образ прошлого по-своему. Тем не менее можно вычленить какие-то общие стереотипы, которые редко наблюдаются в чистом виде, но которые представляют собой основу для индивидуальных вариаций.

Если мы хотим описать сегодняшнюю память о сталинизме, то должны определить, что понимаем под сталинизмом. Я предлагаю говорить о сталинизме, как о совокупности, я бы даже сказал, системе определенных политических практик. За время своего существования эта система практик, конечно, меня-

** Выступление на семинаре Школы в Зеленогорске 13 февраля 2013 года.*

лась, но при этом она сохранила ряд принципиальных родовых черт. Этот набор родовых черт сформировался отнюдь не после прихода к единоличной власти конкретного политического деятеля — Иосифа Джугашвили-Сталина, а много раньше, как минимум с октября 1917 года. А многие вообще считают, что этот набор определялся традицией, сложившейся еще в царской России, задолго до революции.

Кроме того, эти политические практики вовсе не кончились 5 марта 1953 года, со смертью Иосифа Виссарионовича. В измененном виде они продолжали определять нашу общественную политическую и культурную жизнь.

Главную родовую черту сталинизма я бы определил так: это политическое насилие, исходящее от государственной власти и рассматриваемое как универсальный инструмент решения всех общественных, политических и социальных задач. Классическая же модель сталинизма в узком смысле слова, то есть режима, который существовал в СССР с 1929 по 1953 год, в годы единоличной диктатуры И.В. Сталина, — это та модель, в которой государственное насилие осуществляется в форме массового террора.

Поэтому когда мы рассуждаем о сталинизме, то прежде всего называем террор как системообразующий фактор, и это правильно. Но ведь судьбы тех, кого он коснулся, судьбы расстрелянных и отправленных в лагеря — это только одна сторона медали. Быть может, не менее важный вопрос — это воздействие террора на тех, кого сами репрессии непосредственно не коснулись. Каково наследие террора и ГУЛАГа с этой точки зрения?

Важная его часть — перманентный страх перед всемогуществом государства, укоренившийся в сознании большинства людей. И дело даже не в том, что люди интуитивно уверены — и эту уверенность очень трудно преодолеть, что власть может сделать с ними все, что угодно. Гораздо важнее то, что где-то в подсознании сохраняется представление, что власть ***имеет на это право***. И далеко не факт, что это представление о всемогуществе и полноправии государства, о бессилии и бесправии отдельной личности совсем ушло из нашего сознания.

Еще одно важное последствие террора — ***атомизация*** общества, разобщенность людей, искоренение из общественных отношений чувства человеческой солидарности, разрушение всех горизонтальных связей, вплоть до семейных. Понятно, что разрушить их полностью очень трудно, но за время террора они, конечно, подверглись колоссальной эрозии.

Собственно говоря, именно в этом — в огосударствлении общества — и был смысл социального инжиниринга, предпринятого коммунистическим руководством. Разумеется, в полном объеме выполнить такую задачу невозможно. Даже такие утописты, как Оруэлл и Замятин, рисующие картины невероятного и невозможного тотального контроля, понимали, что этот контроль все равно не может не давать сбоев. Но, пожалуй, из всех тоталитарных обществ Советский Союз дальше других продвинулся по этому пути.

Говоря о социально-психологических последствиях террора, я бы отметил еще возделанную им ***почву для ксенофобии***. Я имею в виду не национальную ксенофобию, по крайней мере не только национальную, а ксенофобию как мощное стихийное и опять же почти бессознательное отторжение всего чужого, иного, выходящего из ряда. Или, другими словами, ксенофобию как продолжение конформизма, а агрессивный национализм как продол-

жение ксенофобии. Замечательный польский публицист Адам Михник, наблюдая за процессами, происходившими на территории Восточной Европы и бывшего Советского Союза, уже довольно давно дал точную формулу национализма как высшей стадии коммунизма.

И еще три важных аспекта сталинизма, о которых в последнее время мало говорят, но которые никак нельзя упускать из вида.

Это ***социология*** сталинизма, социология сталинистского общества. Сталинизм — это общество социального неравенства и строгой социальной иерархии. Пропасть между «начальством» и «работягами» в этом обществе, на мой взгляд, была больше, чем пропасть между «буржуями» и «пролетариями» при современном ему капитализме.

Это ***положение с гражданскими свободами*** в обществе. Понятно, что зэки бесправны, а вольные? А рабочие на заводах, а колхозники в деревне, а ученые в своих НИИ и КБ, а литераторы и художники в своих «творческих союзах»? Сталинизм — это общество всеобщего бесправия.

Это ***экономика*** сталинизма. Сталинизм — это общество национальной бедности, чтобы не сказать нищеты.

Казалось бы, что в этих трех аспектах уникального? История знает и кастовые общества, и общества, в которых, как сказано где-то у братьев Стругацких, о правах человека и не слыхали, а рассказать — так не поверили бы. И бедных стран история знает сколько угодно, да и современность тоже.

Дело, однако, в том, что в сталинистском обществе каждая из этих трех характеристик имеет свою особенность, которая ее как бы корректирует и даже инверсирует. И в результате сталинизм становится явлением исторически уникальным.

Взять социальное неравенство. Колоссальная стратификация, возникновение номенклатурного класса, почти не имеющего аналогов в истории. Но при всем том — как корректива этого неравенства — мощнейший социальный лифтинг. Нигде и никогда не делались такие карьеры, как при Сталине, с такой скоростью и с такими поразительными взлетами (как и падениями, впрочем). И, кстати, лифтинг этот был обеспечен в значительной степени террором.

Всеобщее бесправие, когда член политбюро или министр находились в таком же положении, что и колхозник (даже худшем, потому что на виду у Хозяина). И знание об этой своеобразной «справедливости» перед лицом возможной внезапной катастрофы тоже формирует некий образ прошлого.

Дальше — чудовищная бедность. Но при этом — индустриализация, а после войны страна вообще выходит на уровень сверхдержавы. Ну, если быть совсем точным, — начинает выходить: реально статуса сверхдержавы СССР достиг уже при Хрущеве. Но в национальной памяти произошел некий сдвиг, легкая аберрация, и достижение этого статуса все равно приписывается Сталину. И, может быть, правильно приписывается: к 1953 году все предпосылки для перехода к статусу сверхдержавы были созданы, включая атомную бомбу. Оставалось только создать МБР и прорваться в космос, что, впрочем, одно и то же.

Что касается статуса сверхдержавы и национального процветания, то здесь у сталинистов есть точная фраза, которую они любят повторять и которая вполне адекватно описывает сделанное в этом отношении их кумиром: «Сталин принял страну с сохой, а оставил ее с атомной бомбой». Они почему-то приписывают эту фразу Черчиллю;

Роберт Лонго. Без названия (акула № 7). 2008

на самом деле Черчилль этого не говорил, и источниковедческие исследования выявили, откуда она взялась, из каких контаминаций была собрана. Дело в том, что атомная бомба, конечно, замечательная штука, с ее помощью можно сделать массу полезных вещей, например сжечь город и так далее. Но вот ни одного, самого завалящего поля не вспашешь, а материальных ресурсов на это уходило столько, что страна в конце концов надорвалась. Это к вопросу о сверхдержаве и процветании.

А теперь давайте все-таки перейдем к теме памяти о сталинизме. Сначала — несколько слов о том, как эта память формировалась.

Критика культа личности была начата при Хрущеве и Хрущевым, но одновременно сверху был наложен строгий запрет на любые попытки анализа и осмысления сталинизма как системного явления. Собственно, само слово «сталинизм» было под запретом — из-за крамольного суффикса, намекающего на системный характер явления. Поэтому это слово не пропускали в печать, цензура вычеркивала его из печатных текстов, а устное употребление этого термина в публичных выступлениях считалось признаком нелояльности. В основном, конечно, пользовались партийным эвфемизмом «культ личности».

Что касается послехрущевской эпохи, то в течение двух с лишним десятилетий сталинизм вообще никак не назывался: ни сталинизмом, ни культом личности, ни сталинщиной. Его не восхваляли, его не порицали, о нем просто не упоминали. Это не значит, что коллизия исчезла, наоборот, она обострилась до предела, но была полностью вытеснена из официального дискурса, оставшись только в художественной литературе и кинематографе в виде аллюзий и намеков. Но, правда, этими аллюзиями и намеками наша художественная литература была насыщена очень густо.

Куда же делась та память, которая ограниченно функционировала при Хрущеве и была вытеснена из официального дискурса и культуры при Брежневе? Она ушла в неофициальную культуру, в самиздат, в диссидентскую мысль. Культура самиздата насквозь пронизана пафосом антисталинизма. Именно вокруг дискуссии о сталинизме начало формироваться то небольшое, но очень активное сообщество, которое потом назвали диссидентским. А когда во второй половине 60-х годов советский самиздат начал наполняться текстами протестов против начавшихся тогда политических преследований, и поэтому, казалось бы, прямого отношения к сталинизму не имеющих, то в этих текстах постоянно звучала мысль о недавнем трагическом прошлом, как основании для сегодняшней озабоченности и протеста. То есть о необходимости осмысления и преодоления сталинизма в сегодняшнем дне. Так эту тему формулировали диссиденты 1960-х. Они апеллировали к историческому опыту, к необходимости его освоения и преодоления. Приведу всего одну цитату из «Гражданского обращения» — воззвания, составленного А.С. Есениным-Вольпиным и призывающего граждан на «митинг гласности», первый правозащитный митинг, прошедший на Пушкинской площади в Москве 5 декабря 1965 года. От этой даты отсчитывается обычно история правозащитного движения в СССР. Вот что говорится в этом воззвании о том, почему необходимо «выйти на площадь»: «*В прошлом беззакония властей стоили жизни и свободы миллионам советских граждан. Кровавое прошлое призывает нас к бдительности в настоящем. Легче пожертвовать одним днем*

покоя, чем годами терпеть последствия вовремя не остановленного произвола».

Я мог бы привести еще десятки подобных цитат из правозащитных документов и самиздатской публицистики 1960-х, но ограничусь этой, она, по-моему, достаточно убедительна.

Здесь присутствует британский историк и социолог, Мэри Маколи, с которой у нас давняя дискуссия на эту тему. Некоторое время назад Мэри опубликовала интереснейшую статью, где говорилось о том, что, строго говоря, совсем не доказано, что адекватная историческая память является необходимым условием нормального функционирования гражданского общества. И поэтому, может быть, лучше отложить вопросы, связанные с прошлым, и сосредоточиться на сегодняшних гражданских проблемах? (Простите, Мэри, я, возможно, утрирую вашу мысль из-за необходимости быть кратким.)

Я согласен с Мэри, эта связь действительно никем не доказана. Никто не показал, что не может существовать общество, просто забывшее о прошлом. И что оно не может процветать и развиваться. Более того, есть опровергающие примеры. Есть Италия, которая благополучно забыла о своем фашистском прошлом и строит свою идентичность как гражданской нации на двойной основе — как нации, возникшей в XIX веке благодаря Возрождению и Гарибальди и воссозданной в 1943 году, в ходе антифашистской борьбы. О 22 годах правления Муссолини, о том, что итальянский фашизм не был откуда-то занесен, что он вырос на вполне отечественной почве, в сегодняшней Италии предпочитают не вспоминать. И ничего, страна живет, нормальная европейская страна. Или вот Испания, которая долгое время ухитрялась не вспоминать ни о трагедии гражданской войны, ни о франкистском терроре — и опять-таки вроде как все в порядке с этой Испанией, если не считать нынешнего экономического кризиса. Так что Мэри Маколи, наверное, права, и помнить о прошлом совершенно не обязательно.

Мое возражение Мэри состоит в том, что в России это почему-то не проходит. Почему-то у нас всякое продвижение к политической свободе, к гражданской свободе обязательно тесно связано с осмыслением прошлого, без этого ничего не продвигается. Такая вот корреляция. Я не уверен, что смог бы объяснить этот феномен, я просто констатирую: в России дела обстоят именно так и по-другому не получается.

Вернемся к истории нашей памяти о сталинизме. Что произошло с ней после того, как она была вытеснена из официального пространства? Она разделилась на два потока.

Первый — это «память-воспоминание», личная или семейная память о терроре, коснувшемся самого носителя памяти или его близких. Она существовала очень долгое время подспудно, воспринимаясь как запретное или полузапретное знание. Эту память не афишировали, ее не выносили за пределы узкого круга близких друзей и родственников, от нее оберегали детей. Эта память была предметной, фактографической и предельно конкретной. Рефлексия, анализ, осмысление в ней почти не присутствовали.

И другой поток — это память интеллигенции, диссидентская память. Вот в рамках диссидентской памяти, самиздата рефлексия как раз вовсю развивалась. Это мемуары, историческая публицистика, переводы западных исследований, попытки собственного анализа, собственного осмысления. И сверх того романы, новеллы, стихи, поэмы, авторская песня — художественная литература. И в течение двадцати лет

эти два потока — память-воспоминание и память-рефлексия — существуют, почти между собой не пересекаясь.

Была грандиозная попытка консолидации национальной памяти, попытка совмещения этих двух потоков. Я говорю о труде Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», которому автор дал в качестве определения жанра подзаголовок «Опыт художественного исследования». Это попытка соединить конкретные воспоминания людей, пострадавших от террора, воспоминания членов их семей с мощным историческим осмыслением. Я не исключаю, что если бы в 1967 году, когда работа Солженицына была окончена, или хотя бы в 1973-м, когда книга вышла на Западе, она стала бы широко известна в СССР, то, может быть, мы имели бы сегодня состоявшуюся и устойчивую память о советской эпохе. Но этого не случилось. Хотя работа Солженицына подпольно распространялась в Советском Союзе довольно широко и дошла до тысяч людей — но все же не до миллионов.

Следующая попытка консолидации памяти — это эпоха перестройки. И полузапретные воспоминания, личные и семейные, и рефлексия, которая раньше была прерогативой диссидентской публицистики, — все это вылилось на страницы перестроечной прессы. И эффект, надо сказать, был сильный. Проблема советского прошлого моментально стала одной из главных, если не центральной общественной проблемой. Это же неслыханное дело: где и когда еще в истории человечества многие десятки тысяч людей собирались на митинги под лозунгом «Откройте нам историческую правду!»?

Мы, конечно, понимаем, что массы интересовали не исторические проблемы как таковые. Интерес к советской истории был связан с простой корреляцией — с проблемой легитимности существующего режима. Вопрос: когда этот режим был преступным? Об это ломались копья с 1987 по 1991 год. Стал ли он преступным в 37-м или в 30-м? Или, может быть, в 22-м? В конце концов дошли до того, чтобы считать его преступным с 25 октября 1917 года. И когда эта мысль стала распространяться, произошел августовский путч 1991 года (между прочим, даже в манифесте ГКЧП нашлось место вопросу об отношении к советскому прошлому!). А на следующий день после подавления путча, 21 августа, массы потеряли всякий интерес к исторической проблематике. Отчасти это было связано с крахом экономики, но отчасти с тем, что проблема уже была решена. О чем там говорить? Коммунистический режим пал, чего его изучать?

Суд истории у нас не состоялся ввиду неуверенности истцов в том, кто же, собственно, является ответчиком

И вообще, 1990-е годы прошли при странном ощущении, не то чтобы выраженном словесно, а скорее принятом по умолчанию почти всеми общественными и культурными силами, в том числе и самыми либеральными: будем считать, что на следующий день после 24 октября 1917 года наступило 22 августа 1991 года. А что было в промежутке? А ничего не было — черная дыра. Давайте забудем этот кусок отечественной истории как страшный сон и не будем о нем думать. И многим это нравилось.

Жан-Мишель Баския. Без названия. 1988

А дальше происходит следующее. В начале 1990-х власть испытывает дефицит легитимности, не уверена в ней, не понимает, откуда ее корни, на какую преемственность опираться. То ли Столыпина, то ли Петра Великого, то ли Иосифа Виссарионовича. Михаила Сергеевича никто серьезно не воспринимал. С другой стороны, население России — подчеркиваю, именно России, в республиках все было несколько по-другому — испытывает острый дефицит идентичности. Население не понимает: кто мы такие? Вроде бы были мы вчера советским народом, это понятно, что такое. Дефиницию, конечно, построить затруднительно, брежневское «новая историческая общность» — это не дефиниция; но интуитивно-то все понятно: только что строили светлое будущее, все было нормально. А стали кем? Населением самого большого обломка Советского Союза? Как-то

плоховато для национальной идентификации. Естественно, начались поиски идентификации через прошлое. От Столыпина стали вести генеалогию власти, от Петра Великого. Помните, что было на символике партии «Демократический выбор России», самой нашей либеральной партии? Медный Всадник у нее на символике, вот кто. А главный культурный герой, конечно же, Столыпин.

Но для масс это все-таки далековато: и Медный Всадник, и Столыпин — на общее прошлое не тянут. Поэтому подспудно, незаметно вырастала простая идея, она и властью культивировалась для восполнения дефицита своей легитимности, и снизу вырастала — как способ восполнить дефицит идентичности: идея великой и вечной России.

А коль скоро наша Россия — великая и вечная, то она великая и вечная всегда, в частности и в советскую эпоху. И стала тут у нас национальная идентичность понемногу прирастать советской эпохой. И, в частности, сталинским периодом, куда тут деться?

А там-то, в сталинском прошлом, главный образ, который никуда не уходил: образ великих побед и свершений, и в первую очередь, конечно, победа в Великой Отечественной войне. И вот этот образ Великой Победы столкнулся с образом террора. И оказалось, что эти образы в сознании народа очень плохо друг с другом совмещаются.

Вокруг самой картины террора, как образа нашего национального прошлого, тоже возникали и возникают довольно сложные коллизии. Как, например, разделить злодеев и праведников внутри этого исторического процесса? А массовому сознанию это необходимо? Чтобы освоить историческую трагедию, что, люди должны отождествить себя с одной из этих ролей? Лучше всего, конечно, с добром, но можно и со злом, как это сделали немцы, чтобы отмежеваться от этого зла. Но как? Секретари обкомов в августе 1937-го подписывали расстрельные приговоры пачками в качестве членов троек. А к ноябрю 1938-го половина из них уже сама расстреляна. Они кто: жертвы или палачи? Те же самые секретари обкомов, кем они вообще остались в национальной памяти? Безусловными злодеями? Не получается. Да, они подписывали документы о массовых расстрелах; но они же ходили по стройкам, организовывали детские сады и больницы...

Всякие легенды ходят о тех старых секретарях обкомов, руководителях 1930–1940-х. Скажем, в Норильске чтут память о восстании заключенных Норильлага в 1953 году, и в то же время кого помнят в Норильске как порядочного человека? Конечно же, генерал-лейтенанта МГБ М. Завенягина, начальника металлургического комбината и Норильлага. То есть границы между жертвой и палачом размыты, роли не распределены. Я бы сформулировал это так: суд истории не состоялся ввиду неуверенности истцов в том, кто же, собственно, является ответчиком.

Заметим, что у наших соседей в Восточной Европе — от Украины до Польши и Балтии — таких тяжелых проблем нет. Они обозначают советский режим как оккупационный, себя идентифицируют с жертвами или с борцами, как, например, в Литве, или с теми и другими одновременно. И никогда не идентифицируют себя с палачами. Собственных местных палачей они просто определяют как коллаборационистов, и всем становится хорошо и комфортно. Я опускаю вопрос о том, насколько такой способ распределения ролей находится в соответствии с реальным историческим знанием. Казалось бы, выход найден, и новая националь-

ная идентичность строится без проблем.

То, о чем я сейчас говорил, относится к внутренней, так сказать, противоречивости памяти о терроре. Но главная коллизия, связанная с этой памятью, — внешняя, и я ее уже называл. Это, конечно, противоречие между памятью о терроре и памятью о войне. Грубо говоря, это противоречие выглядит примерно так. Если государственный террор был преступлением, то кто преступник? Государство? Сталин, возглавлявший государство? Но ведь мы победили в борьбе с нацизмом, в борьбе с абсолютным злом. И, стало быть, мы не можем быть подданными преступного режима. Мы, наоборот, великая страна, олицетворение всего доброго, что есть в мире. Именно под предводительством Сталина мы одолели Гитлера. Победа — это эпоха Сталина. Но и террор — это эпоха Сталина. Как примирить эти два образа прошлого?

На самом деле, конечно, эта оппозиция «победа — террор» во многом искусственна, она как раз результат того, что называется исторической политикой, то есть сознательных и целенаправленных усилий власти. Вся штука в том, что та память о войне, которая конструируется усилиями государства уже лет пятьдесят, — это память всего об одном дне 9 мая 1945 года, дне стихийного выброса национальных эмоций по всей стране. Радость наступления мира. А сегодня конструируется иная картинка, картинка, больше связанная с днем 24 июня 1945 года — с Парадом Победы на Красной площади, когда бравые гвардейцы бросают германские штандарты к подножию мавзолея, под ноги Генералиссимуса. Вот эта картинка внедряется активно, а не память о тяготах войны.

Настоящая память о войне — та, которая складывалась сразу после 1945-го, та, которую хранит наша культура, прежде всего литература и опять-таки кинематограф, — была не такой. Посмотрите на литературу и кинематограф 1950–1960-х годов, посвященные войне. По крайней мере в ее культурном преломлении она совершенно четко антисталинская. И никакого противоречия этой памяти с памятью о терроре не возникало. Это результат эволюции образа войны в течение сорока примерно лет, начиная с 1965 года. И, конечно, это результат ухода ветеранов, которые были носителями все-таки живой памяти. Теперь фронтовиков почти не осталось, скорректировать коллективный образ сейчас некому.

Вот и возникло в результате противоречие между двумя пластами национальной памяти, между двумя образами прошлого.

В завершение — коротко об исторической политике. Мне кажется, что ее на самом деле нет. Есть оживившийся в конце 1990-х и начале 2000-х интерес элиты — новой, постъельцинской элиты — к исторической проблематике, есть попытки играть на этом поле. Это связано, видимо, с интуитивным, а может быть, и сознательным пониманием ее важности для консолидации, для национальной идентичности. Но есть абсолютное непонимание того, что такое системная историческая политика. Все действия нынешнего руководства, с 1999-го и до сегодняшнего дня, свидетельствуют о том, что ни системного подхода к исторической политике, ни реальной попытки концептуального ее осмысления на экспертном уровне нет.

И еще. Начиная примерно с 2007 года мы наблюдаем время от времени спонтанно прорывающуюся в действиях и выступлениях первых лиц государства в той или иной степени антисталин-

скую риторику. Это посещение Путиным мемориального кладбища на Бутовском полигоне. Это выступление Медведева в Твиттере 30 октября 2009 года, в День памяти жертв политических репрессий. Это одобрение им в феврале 2011 года программы Совета по гражданскому обществу, той программы, которая известна публике как «программа десталинизации». Добавим сюда недавнее высказывание Путина о том, что эту программу следовало бы сделать федеральной целевой, после чего, естественно, все ведомства моментально навострили уши, по понятным причинам. На самом деле это все происходит на уровне символических жестов и сигналов. Как когда-то учил нас в «Мемориале» Владислав Юрьевич Сурков, страна у нас управляется главным образом жестами и сигналами, что тоже, конечно, важно и полезно...

Почему же все-таки с 2007–2008 годов власти потребовалась антисталинская риторика? Да просто дело в том, что возникло принципиально новое явление. Я назвал бы это явление «новым сталинизмом». Начиная с 1953 года и до совсем недавнего времени сталинизм как таковой не был идеологически оформлен как политическое течение, как политический проект, говоря современным языком. Это были скорее некоторые смутные настроения: в среднем чиновном классе это была ностальгия по твердой руке, а в низах в форме симпатий к Сталину выражались чаще всего протестные настроения.

А вот сейчас ситуация изменилась. Выросли и оформились политические силы, которые готовы переформатировать сталинизм как актуальную политическую идеологию и провозгласить ее средством спасения России.

Чтобы вы поняли, о чем я говорю, посмотрите, например, на Сергея Кургиняна, всем вам известного. Я его знаю с середины 1970-х. Талантливый, яркий, способный организатор, ни капельки не сумасшедший, абсолютно трезвый человек. Предельный циник — это другой вопрос. А его неистовство — так он же недаром театральный режиссер!

В последнее время такого рода люди, как он, стали представлять собой некую политическую силу, к тому же претендующую на то, чтобы консолидировать радикальную оппозицию справа, прежде всего националистов. Ведь современный политический сталинизм — это довольно забавная вещь. И вот мне кажется, что руководители страны потому считают нужным прибегать время от времени к антисталинской риторике, что чувствуют эту опасность справа, этот наш национальный вариант неонацизма. То есть поймите меня правильно: я не отказываю лидерам нашего государства в искренности, вполне возможно, что они искренне не любят Иосифа Виссарионовича и его методы, не исключаю этого. Но это их личные мотивы и они не так интересны. Интересно — почему? Мне кажется, именно по той причине, о которой я сказал. Они понимают прекрасно, что, с одной стороны, их собственная пропаганда державности порождает сталинистов, их система ценностей, краеугольный камень которой — приоритет интересов государства над правами личности, порождает сталинистов. А с другой стороны, они понимают, что для значительной части оппозиционно настроенных людей, властной державности, консерватизма, реакционности — совершенно недостаточно. Вполне возможно, что под знаменем с профилем усатого человека могут реально объединиться какие-то серьезные силы, которые их сметут. А чтобы избежать такого риска, стоит подстраховаться.

Дискуссия

Вероника Васина, *руководитель пресс-службы регионального отделения организации «Военно-спортивный союз М.Т. Калашникова», Кабардино-Балкарская республика:*
— В нашей республике живут народы, которые очень хорошо помнят о репрессиях, они чтут эту память и очень бережно к ней относятся. У нас есть балкарский музей. Очень страшно там находиться даже мне, хотя я русская. Вопрос такой: каким образом народ может исцелиться от подобной боли и оставить прошлое в прошлом, но при этом не забыть о нем.

Александр Даниэль:
— Мне кажется, что прежде всего нужно пережить в сознании эту трагедию во всей ее полноте. Так, как Шекспир в своих хрониках отрефлексировал историю войны Алой и Белой роз, и эта война стала частью английского исторического сознания. Мне кажется, что только так: через осмысление. Просто надо это слово — «осмысление» — понимать как внесение смысла.
Как это сделать? В «программе десталинизации»», о которой я упомянул, есть много предложений.
Кстати, социологи тогда же, в 2011-м, опрашивали людей по поводу этой самой программы и по поводу отдельных ее компонентов. Вы помните, вокруг этой программы средства массовой информации подняли шум до небес. Нас обвиняли во всех смертных грехах, вплоть до разжигания гражданской войны. Так вот, согласно результатам опросов, программа в целом встретила довольно серьезное неприятие. Но при этом каждая отдельная компонента программы — увековечение памяти жертв, облегчение доступа в архивы, социальная помощь реабилитированным и т.д. — приветствуется. Вот такое у нас общественное сознание, немножечко сюрреалистическое.
Мне кажется, что все-таки главное для России — правовая оценка событий прошлого. Никуда от этого не деться. Раньше я так не думал, а теперь думаю.

Кирилл Орешкин, *исполнительный директор первой Санкт-Петербургской гуманитарно-технологической корпорации:*
— Лев Рубинштейн, поэт и публицист, в одной из последних статей, рассуждая о природе фашизма, выделяет некую общую черту, свойственную любому виду фашизма. Это намеренное культивирование в

обществе всеобщей ненависти. Неважно, к чему эта ненависть. Она может быть к лицам другой национальности, к сексуальным меньшинствам, классовая ненависть или ненависть к внешним или внутренним врагам. Мы сейчас видим в нашем государстве как раз такой процесс — возбуждение ненависти. Многие принятые Государственной думой законы направлены на это. Мы можем видеть, кого сейчас нужно ненавидеть по этим законам. Это либералы, это западные демократии и так далее. Одновременно под видом возрождения памяти о Победе начинается обсуждение вопроса о возвращении названия Сталинграду его исторического как бы имени. Мы видим автобусы с ликом Сталина на лобовом стекле к празднику. Из вашего доклада я понял, что существует и другая тенденция...

Александр Даниэль:
— Понимаете, когда нам в телевизоре объясняют, что страна окружена внешними врагами, а внутри действует «пятая колонна», прикинувшаяся гражданскими организациями, и что эта «пятая колонна» дошла до такого безобразия, что людей на Болотную площадь выводит по заказу Госдепа, то ясно, что эта модель мироздания просто скопирована с пропагандистских моделей конца 30-х годов, эпохи Большого террора. И понятно, что эти модели порождают сталинистское мировоззрение. Но ведь то же самое телевидение показывает и антисталинистские передачи. Почему-то считается, что телевидение их не пропускает, — это не так. И Солженицына экранизируют, и Шаламова, и передачи вполне приличные. А одновременно идут гламурные передачи типа «Сталин Lite» и так далее, по существу сталинистские. Получается, что наше ТВ предлагает два противоположных проекта осмысления прошлого, так? Так-то оно так; но человек, которому современный политолог расскажет про заговор Госдепа и ЦРУ против России и про пятую колонну, — он какую из двух исторических версий предпочтет? Понятно, что просталинскую.

Михал Фурманек, *бренд-менеджер мэрии г. Люблина, Польша:*
— Я хотел задать несколько провокационный вопрос. Как мы все знаем, понимание войны различается людьми даже на уровне номенклатуры. Для вас это Великая Отечественная война, для нас это Вторая мировая. У нас, конечно, понимания разные, но следствия на самом деле похожи. И меня очень волнует один вопрос, я его всегда хотел задать. Какое место в вашей исторической памяти занимают события, которые имели место в конце войны? Имеется в виду наступление Красной армии на Берлин и массовые (мне надо найти слово, потому что я его всегда забываю) изнасилования. [Смех в зале] Это совершенно не смешно. На самом деле это касается двух миллионов женщин, которые были изнасилованы советскими солдатами, наступавшими на Берлин. Какое это занимает место в вашей исторической памяти? Не помнить об этом кажется слишком неправильным.

Александр Даниэль:
— Вопрос очень конкретный. И отвечу я на него очень конкретно. Эта тема крайне непопулярна в российском обществе. Мне известна на самом деле только одна дискуссия вокруг этого сюжета, связанная с личностью и мемуарами Льва Зиновьевича Копелева, писателя-фронтовика, который был арестован весной 1945 года за попытку пресечь мародерство и насилие. Он довольно долго сидел в лагере за проявление, не помню, не то буржуазного, не то абстрактного гуманизма к врагу. Вот вокруг судьбы Копелева довольно много дискуссий. А о проблеме как таковой почти нет публикаций в российском информационном пространстве.

Андрей Захаров, *редактор журнала «Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре»:*
— Если позволите, я два слова буквально добавлю. Михаил, мы, наверное, пока не готовы обсуждать эту тему, но тем не менее подспудно обсуждение идет. Потому что на русском языке сейчас появляется немецкая мемуаристика, касающаяся последнего этапа войны. Там пишут об этом много. Да, конечно, когда Энтони Бивор несколько лет назад опубликовал свою фундаментальную работу «Падение Берлина» и посвятил целую главу этой проблематике, был большой скандал. И российская печать отзывалась на эту публикацию достаточно однозначно. Забыли, что Бивор — очень хороший историк, его просто клеймили как русофоба и врага великого подвига советского народа. Я думаю, что пройдет еще немножко времени, и эта тема будет обсуждаться.

Константин Ершов, *депутат муниципального совета муниципального образования «Купчино», Санкт-Петербург:*
— Спасибо большое «Мемориалу» за ту работу, которую он ведет, и вам, Александр, за это выступление. Вы сказали, что 25 октября 1917 года, по сути, официально является началом нашего государства. То есть юридически так получается, потому что наше государство, Российская Федерация, — правопреемник СССР. А РСФСР, как известно, свою правопреемственность относительно Российской империи отвергла. Все ждали тогда созыва Учредительного собрания. И хотя большевики препятствовали участию в нем партий, выборы в Собрание все же пришлось устроить, а потом его разогнали. Ясно, что нужен судебный процесс или какая-то процедура, чтобы вернуть страну в правовое поле, но как это можно сделать?

Александр Даниэль:
— Я не думаю, что правовая оценка должна быть дана в виде суда над режимом. Идея такого суда не очень принимается обществом. У нее довольно слабые правовые основания. Вы считаете, что государство будет судить само себя? Вряд ли. Поэтому мне кажется, что наиболее эффективным был бы иной путь. Сейчас он кажется утопическим, но в иной политической атмосфере мог бы быть не утопией. Вот что это

за путь: не один грандиозный политический процесс, а целая цепь судебных разбирательств, каждое из которых посвящено совершенно конкретному событию. Несмотря на закрытость архивов (более того, вновь закрывается то, что было открыто), мы тем не менее уже достаточно много знаем о терроре. Мы знаем почти все про каждую массовую операцию Большого террора. Есть документальные ответы на большинство вопросов: кто конкретно был инициатором данной массовой операции (например, операции по репрессированию «жен врагов народа» или «латышской операции»), какие конкретно члены политбюро подписали инициирующее постановление ЦК, кто конкретно в НКВД организовывал эту операцию, какие приказы были отданы, чьи подписи стояли под приказами, кто был ведущим исполнителем, сколько человек по данной операции было арестовано, сколько из них расстреляно, сколько было отправлено в лагерь и т.д. Этого вполне достаточно, чтобы провести судебный процесс по данной массовой операции. Например, по так называемой кулацкой операции, начиная от постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 1 июля 1937 года и изданного во исполнение этого постановления оперативного приказа наркома внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля того же года, то есть судебный процесс об убийстве около 400 тысяч человек («антисоветских элементов») и незаконном лишении свободы примерно такого же числа людей. Мне не кажется, что это такой уж мелкий сюжет. Такие процессы можно провести по факту инициирования, организации и проведения всех массовых операций по нацио-

нальным линиям; по январскому приказу 1930 года и соответствующих постановлений политбюро о раскулачивании. Такой процесс можно провести по, например, постановлению Президиума Верховного Совета СССР о «повторниках» от февраля 1947 года и по результатам исполнения этого приказа. Он не такой кровавый, но затронул огромное количество людей. Ну, Катынь напрашивается. Это единственная попытка, когда пытались нечто подобное сделать. И так далее... По депортациям, по каждой из депортаций можно отдельно установить инициаторов, организаторов и основных исполнителей. Понятно, что каждый такой процесс не может заканчиваться приговором, потому что основные обвиняемые умерли. Но судебная правовая оценка этим действиям может и должна быть дана. Причем, как мне кажется, она должна быть тройственной. Эта оценка должна быть дана с точки зрения советского законодательства того времени — раз. С точки зрения сегодняшнего российского законодательства — два. И с точки зрения международного права — три. Если бы у нынешнего правительства было желание провести хотя бы несколько таких процессов, то это было бы грандиозно. Все правовые сложности можно было бы учесть и решить, я в этом убежден. Но у властей нет такого желания.

Андрей Захаров:
— Позвольте уточняющий вопрос: до какого уровня должно доходить обнародование фамилий виновных в репрессиях. До самого низового? Расстрельные команды мы должны поименно знать или нет?

Александр Даниэль:
— Нет, мне так не кажется. Мне кажется, что мы должны рассмотреть те репрессивные акции и кампании, которые проводились во всесоюзном масштабе, соответственно инициирование, организацию и исполнение этих кампаний на всесоюзном уровне. Таким образом, инициаторами того же 407-го приказа оказываются те несколько членов политбюро, которые подписали телеграмму о постановлении политбюро от 1 июля 1937 года. Главными организаторами и собственно исполнителями, по-видимому, оказываются два человека — Ежов и Фриновский. А больше и не надо. Зачем? Нам ведь не так важно знать, сколько было преступников, а важно то, что они ***были***. Ведь в чем специфика нашей памяти? У нас есть жертвы, но жертвы чего? Жертвы цунами? Жертвы черной оспы? С чего у нас вдруг стало в течение 17 месяцев на 740 000 человек меньше в живых, а еще примерно столько же оказались за колючей проволокой? Это было преступление, точнее цепь преступлений, в которых были конкретные потерпевшие, то есть жертвы, и были субъекты преступления — тоже вполне конкретные люди. Не важно, сколько их было. Важно, что речь идет о преступлении. Вот это должно быть наконец разъяснено. Как только это станет понятно людям, как только по этому поводу будет понимание, что это была не жертва на алтарь отечества, а преступление, связанное с мас-

совым убийством и массовым лишением людей свободы, вот тогда, мне кажется, мы сможем иметь адекватную национальную историческую память.

Виталий Сергеев *(Оренбург)*:
— За последние два года РПЦ исключила из святцев имена 36 новомучеников, при исследовании дел которых выяснилось, что в ходе допросов во время репрессий они давали показания против других людей. Считаете ли вы, что в этом Русская православная церковь дает обществу пример объективного и морального подхода к истории?

Александр Даниэль:
— Отвечу с вашего позволения. Первое. Насколько мне известно, утверждение о том, что РПЦ исключила кого-то из святцев — это некоторое смелое обобщение. Мы можем говорить только о том сегодня, что в православном календаре на 2013 год из перечня поминаемых новомучеников исчезли, по-моему, 35 имен.
Почему они исчезли? Я спрашивал об этом у отца Георгия Митрофанова, который входит в комиссию по канонизации Московской патриархии; правда, это было еще в конце октября 2012 года. Он сказал, что ему ничего не известно о какой-то деканонизации и что вообще нет такой традиции в Русской православной церкви, нет такой практики, нет такого прецедента. То же самое пишет диакон Андрей Кураев в своем блоге. Странная какая-то история. Можно ли сказать, что это Православная церковь исключила их из святцев, я не знаю. Насколько мне известно, и по сей день нет никакого официального разъяснения от патриархии, как это произошло.
Есть уже? Ну, тогда, Андрей, может быть, вы лучше меня скажете по фактам. А я скажу только о своей позиции.
Мне кажется, что вопрос о канонизации и деканонизации — это вопрос церковный, мне здесь суждение произносить не место, и как человеку, не имеющему отношения к внутренней жизни РПЦ, и как просто неверующему в конце концов. Понимаете, с моей — светской — точки зрения, нельзя осуждать несчастных людей, которые в условиях чудовищного давления, шантажа, может быть под пытками, оговорили себя и других. А вопрос о том, заслуживают ли они исключения из списка новомучеников, — это вопрос к Церкви, я не могу на него ответить.

Андрей Зубов, *политолог, историк, профессор МГИМО(У):*
— Попробую объяснить эту историю с деканонизацией. Да, дело в том, что разъяснение было. Кстати говоря, отчасти все, что произошло, это следствие, к сожалению, вторичной, а иногда и первичной засекреченности архивов. Канонизация новомучеников, особенно если речь идет не о 1917–1920 годах, там никаких проблем нет, а о 1930–1940 годах, происходит в результате анализа в том числе документов арестов и допросов. И когда документы снова засекречивают-

ся, процесс канонизации во многих случаях должен был остановиться. Потому что если закрыты документы, то как можно судить о том, как вел себя человек на допросе? А в канонизации очень важен вот какой момент. Если человек никого не оклеветал и от Бога не отрекся, тогда все понятно. Если человек сам себя оклеветал, сказал, что он был английским шпионом, учитывая пытки, на это не обращают внимания. Но когда человек выдает живых... Иногда бывало так, что человек выдает кого-то, но эти люди уже умерли или были за границей, тогда это не страшно. Но ежели он выдавал людей, которых завтра заберут и, скорее всего, завтра будут также пытать и мучить, это считалось несовместимым с канонизацией, потому что он сделал то, что христианину делать нельзя. Он обрек на страдание и, возможно, на смерть других людей. Как раз в этих случаях, как мне объясняли на комиссии, новые данные показали, что эти люди, к сожалению, не могли оставаться в списках.

Александр Даниэль:
— А кто принимал решение?

Андрей Зубов:
— Это решение всегда принимает Синод. Комиссия по канонизации только дает рекомендации, а Синод Русской православной церкви рассматривает их. Канонизация не происходит без решений Синода, и их затем должен утверждать Архиерейский собор Русской православной церкви. Скажем, Архиерейский собор, который только что окончился, утвердил несколько канонизаций.
Вообще в Церкви случаи деканонизации бывали и раньше. Была даже двойная канонизация, или реканонизация, Анны Кашинской. Не надо думать, что Церковь живет только какими-то мистическими озарениями. И вот, собственно говоря, ситуация с деканонизацией связана с этим. Но, поскольку новомученики и исповедники канонизированы как известные, так и неизвестные, как было прямо сказано на Соборе 2000 года, где произошла канонизация соборных новомучеников и исповедников, канонизируют не конкретных только людей, хотя их перечисляют, их называют, но и всех тех, кто нам неизвестен, кто пострадал во время гонений, которые сохранили веру в Бога, исповедали эту веру, не отягчили судьбы ближних, а скорее помогали по мере сил другим людям. Скажем, во времена голодомора кого мы знаем? Но среди них есть масса людей, которые отдавали свою жизнь, чтобы сохранить жизнь своих детей, родственников, а часто и чужих людей. И это мученики, безусловно, мученики Православной церкви, хотя их не расстреливали за веру.

Александр Даниэль:
— Спасибо, Андрей Борисович, это важное разъяснение. Я даже не знал, что такое официальное разъяснение уже было. Я хотел бы в связи с проблемой закрытости архивов похвастаться. В январе «Мемориал»

выиграл очень важный судебный процесс в Верховном суде, связанный с вопросом о доступности архивов. Вы знаете, что у нас в 1992 году был издан закон о предельном сроке закрытости в 75 лет. Эта закрытость может быть установлена по разным основаниям: из-за грифа секретности, из-за того что документ содержит личную, или медицинскую, или на худой конец государственную тайну, еще какой-нибудь охраняемый законом секрет. Но прошло 75 лет — и какие бы ни были когда-то основания для закрытия, изволь открывать документ. Таким образом, у нас сейчас уже должны были бы открываться документы 1938 года. Но еще несколько лет назад мы столкнулись с потрясающей трактовкой этого закона ведомствами ФСБ, МВД и, между прочим, Госархивом. Замечательная логика, вот послушайте! Тезис первый: закон о предельном сроке был принят в 1992 году. Тезис второй: закон обратной силы не имеет. Значит, закон распространяется только на те документы, которые были изданы ***после 1992 года***. Эту трактовку мы много лет оспаривали в судах.

И наконец в январе Верховный суд подтвердил нашу правоту, правда, сделал это в очень осторожных формулировках: мол, такая-то, такая-то и такая-то тайны не являются законным основанием для отказа в рассекречивании. Все-таки хоть маленькая, но победа. Правда, мы еще не знаем, как ведомства будут это судебное решение исполнять, — может быть, еще какие-нибудь отговорки найдутся. Ну, поживем — увидим.

Алексей Макаркин, первый вице-президент Центра политических технологий

Приоритеты общества и шансы оппозиции

Известно, что российское общество за последние 25 лет изменилось в существенно меньшей степени, чем, например, экономика. Хозяйство страны конца советского периода и его нынешнее состояние — это две разные экономические модели. И если в экономике эксперты отмечают усиление влияния государственных институтов, то данный процесс все равно происходит уже в рамках совершенно другой экономической модели — рыночной экономики.

Но про общество этого не скажешь: основные его приоритеты, ценности, по сути, остались прежними, хотя скорректировалось их содержание.

Каковы в настоящее время, если говорить о российской политике в контексте развивающихся социальных процессов, основные запросы общества к власти, к политическому классу? Первый очень значимый запрос — справедливость. Второй — безопасность. И третий — нравственность. То есть граждане хотели бы, чтобы наше общество было существенно более справедливым, комфортным и внутренне безопасным и чтобы в нем повысился «градус нравственности». Учитывают ли власть и оппозиция, апеллируя к обществу, эти запросы и ожидания? Безусловно, но, разумеется, по-разному.

Что касается внутренней безопасности, то никто не отрицает необходимости эффективных правоохранительных органов, борьбы с криминалом. Однако между властью и оппозицией здесь есть очень значимые разногласия, хотя общество они не очень волнуют. Например, какова должна быть роль правоохранительных органов в политической сфере? Большинство россиян эта тема непосредственно не затрагивает, они довольно спокойно, отстраненно и равнодушно относятся к этому очень острому для оппозиции вопросу. Ну да, думает «простой человек», кого-то там арестовывают, преследуют, но это не касается общества в целом. Граждане с большим трудом представляют свое личное

участие в какой-то крупной акции протеста и конфликт с представителями органов правопорядка. Разве что если цены и тарифы подскочат до такой степени, что платить будет невозможно, но об этом люди стараются не думать. Оппозиция же усиленно пытается использовать проблематику правопорядка, чтобы показать не просто неэффективность власти в вопросах безопасности, но и злоупотребление ресурсом правоохранительных органов.

Остаются две области ожиданий общества: справедливость и нравственность. В конце 2011 года оппозиция выдвинула проблему справедливости как идею главным образом резкой критики правящей элиты за ее отказ обеспечить справедливые условия реализации избирательных прав оппозиционных сил. Были в ходу и другие обвинения, в том числе в коррупционности бюрократии.

Но что произошло позже? Вспомним: ЕР — партия жуликов и воров! Во-первых, оппозиция, обвинив власть в несправедливости в контексте выборов, не предлагала альтернативных подходов к концепту справедливости, по крайней мере в социальной сфере, которая волнует население куда больше, чем политические проблемы. Около половины россиян в конце 2011 и начале 2012 года в той или иной степени симпатизировало оппозиционным акциям протеста. Требование справедливости их волновало, но в более широком понимании, чем сосредоточенное на избирательной кампании, политической конкуренции, свободе СМИ и т.д. Оппозиция очень разная, внутренне конфликтная. И с точки зрения большинства общества у нее не было внятной программы в сферах образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, с проблемами которых граждане сталкиваются буквально каждый день. Это объективная проблема — оппозиция еще может договориться по проблематике политических свобод и прав человека, хотя и здесь есть принципиально разные подходы (например, признавать ли полковника Квачкова политзаключенным). Но в социально-экономической сфере приоритеты различных оппозиционных сил диаметрально противоположны, поэтому они стараются не концентрировать внимания на разногласиях.

Второй проблемой, с которой столкнулась оппозиция, стала утрата инициативы. Произошло это по вполне понятным причинам. Оппозиции так и не удалось достигнуть ни организационного, ни идейного единства. Изначально отсутствовали общепризнанные легитимные представительные органы. Для организаторов акций огромное количество участников стало, судя по всему, большой неожиданностью, и они не очень понимали, как этим всем можно управлять. В итоге инициатива была утрачена. А избранный позднее координационный совет оппозиции стал предметом очередных разногласий.

Что делает в ответ власть? Для нее очень проблематичен и неудобен тогда был симметричный ответ, то есть ужесточение борьбы с коррупцией как путь к социальной справедливости. Антикоррупционный тренд обозначился позже, да и то особой динамичностью не отличался.

Поэтому власть обратилась к теме политической стабильности и безопасности. Вся избирательная кампания по выборам президента строилась на необходимости защиты от оппозиции, которая расшатывает политическую систему, неконструктивна, пытается навязать чужие обществу ценности, да еще связана с иностранными государствами. Эта тема в ходе избирательной кампании сработала. Но с безопасностью у нас тоже не все ладно, если говорить, например, о преступлениях против личности, проблематике иммиграции, терроризме...

Сегодня власть обращается к обществу с повесткой дня, связанной с укреплением нравственности. Принимаются региональные законы против пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений. Активно продвигается закон о защите чувств верующих. Мгновенно был принят «антимагнитский» закон, чтобы «спасти» наших детей от злых американцев.

Насколько эффективны пропагандистские акции власти? С одной стороны, в тактическом плане, эффективны. Опросы показывают, что законодательные акты, принятые с целью или укрепления государственной безопасности, например об иностранных агентах, или для обеспечения нравственности, пользуются поддержкой большинства россиян. Есть разные цифры. Кстати, по-моему, самой большой поддержкой как раз пользуется законопроект о защите религиозных чувств: 82 процента россиян, согласно опросу ВЦИОМа, выступает за ужесточение наказаний за оскорбление религиозных чувств. Интересно при этом, что 43 процента опрошенных, по данным «Левада-Центра», считают приговор Pussy Riot несправедливым, так как девушек, по их мнению, нужно было осудить на существенно более длительный срок.

Итак, успехи властной пропаганды вроде очевидны. Оппозиция к этому оказалась не готовой, по крайней мере в том, что как-то касается проблем нравственности. Здесь власть перехватила тактическую инициативу, навязала свою повестку дня и сделала это вполне эффективно.

Но в долгосрочном плане, на мой взгляд, ситуация выглядит иначе. Дело в том, что в иерархии сфер нравственности, справедливости и безопасности нравственность представляется наименее насущной для россиян, чем справедливость. Другое дело, что, пока социально-экономическая ситуация относительно стабильна, претензии граждан не приводят к желанию серьезно изменить политическую систему и, главное, самим приложить к этому какие-то усилия. Но если экономическая ситуация будет осложняться, то при всех условностях аналогий возникнет примерно такой же фактор, что в середине 80-х годов. В то время советская власть так же активно педалировала темы безопасности и нравственности. Соответственно, в рамках борьбы за государственную безопасность все оппоненты режима обвинялись в том, что они являются агентами империализма. А в рамках борьбы за нравственность преследовали всяких неформалов, рок-музыкантов и прочих носителей нетрадиционной культуры. И то и другое пользовалось достаточно высокой поддержкой общества. Но когда нефтяные цены упали, на повестке дня оказались совершенно другие вопросы, тема борьбы за нравственность перестала быть актуальной. Главной стала тема справедливости, на которой тогда сыграла очень активно оппозиция, продвигая вопросы о коррупции, привилегиях и так далее.

Конечно, все исторические аналогии относительны. Никогда ничего не повторяется в точности. Но тенденции, на мой взгляд, очень близки. Поэтому если благополучию, основанному примерно на тех же факторах, что и в СССР, придет конец, то справедливость, понимаемая прежде всего как материальный достаток, может оказаться серьезной проблемой для власти и полем политической игры для оппозиции. Думаю, что власти это прекрасно понимают, поэтому акции, направленные против оппозиции, во многом имеют превентивный характер, чтобы на всякий случай ее существенно ослабить.

Почему наша власть не относится к оппозиции так же, как, допустим, в странах западной политической культуры? Потому что там власть сама может стать

Бэнкси. Сегодня конец распродажи. 2006

оппозицией в результате очередных парламентских выборов. Поэтому соблюдаются политические приличия, все понимают, что любые репрессивные действия могут быть обращены против их инициаторов (я здесь не затрагиваю вторую причину демократического характера правил политической игры — сильное гражданское общество и влиятельные СМИ). В России же действует принцип: власть есть власть, оппозиция есть оппозиция, и они не могут поменяться местами. И для оппозиции, чтобы она спокойно себя чувствовала, главное — не стремиться к власти. Она рассматривается властью как фактор не очень приятный, хотя, разумеется, допустимый, пока занимается, как у нас говорят, конструктивной критикой. Допустим, предлагает уменьшить НДС. Это можно обсудить, хотя вряд ли здесь власть пойдет навстречу, но это вполне обсуждаемо.

Но оппозиция, которая у нас серьезно активизировалась в 2011 году, выдвинула претензии на власть. И власть это восприняла как нарушение правил игры. Соответственно в отношении такой оппозиции власть не ощущает себя связанной какими-то рамками правил, этики, да и права тоже. Фактически она воспринимает оппозицию не как оппонента, а как врага, против которого надо играть, по сути, на уничтожение или хотя бы на радикальное ослабление.

Поэтому сейчас задача оппозиции — сохранить свои позиции, не рассыпаться. Задача для нее вполне реальная, хотя, конечно же, власть хотела бы сделать все, чтобы оппозицию маргинализировать. И вторая задача — предложить обществу консенсусную программу, то есть как-то объединить либеральные и левые идеи, попытаться синтезировать либеральные идеи в сфере политики и прав человека с идеями справедливости, в том числе социально-экономической. Получится или не получится — другой вопрос.

Наталья Брыжко, историк, публицист (Польша)

От «Солидарности» к самоуправлению

В 1970-е годы, во время правления Эдварда Герека, благодаря иностранным кредитам Польша переживала период относительного благополучия. Уровень жизни в стране был относительно высок. Однако это длилось недолго. Социалистическая командно-распределительная экономика не справлялась с обслуживанием задолженности. Долг увеличивался, доходы падали, снабжение становилось все хуже, приближался кризис. Прорыв недовольства произошел в 1976 году[1]. Правительство ввело тогда резкое повышение цен, вследствие чего снова начались забастовки. Массовые протесты в Радоме и на заводе «Урсус» под Варшавой закончились репрессиями. Как и в предыдущие годы, власти ПНР предпочитали конфронтацию с обществом, поскольку проведение радикальных реформ в существовавшей системе было невозможным. Все предыдущие попытки реформировать систему заканчивались лишь перетасовкой кадров на верхушке партийной структуры и введением чисто внешних, «фасадных», изменений. Тем временем росло социальное недовольство, которое выражалось не только в очередных волнах забастовок, но также в создании оппозиционных структур вне официальной системы, как это происходило в начальный период становления коммунистической системы.

В 1976 году рождается одна из важнейших в истории ПНР нелегальных оппозиционных организаций — Комитет защиты рабочих (Kimitet Obrony Robotnikyw — KOR), первоначально созданный с целью оказания помощи репрессированным участникам протестов в Радоме и на заводе «Урсус», а затем сыгравший ключевую роль в создании «Солидарности» и событиях 80-х годов. Были созданы и другие центры подпольной оппозиции: нелегальные издательства, региональные и общепольские структуры антикоммунистического движения,

объединения интеллектуалов, выступавших за свободу и независимость, организации по защите прав человека и гражданских свобод, а также рабочие движения, отстаивающие легализацию свободных профсоюзов.

Интеллектуальные круги объединялись с рабочим движением. Одним из главных идейных руководителей объединенных действий рабочих и интеллигенции был в то время Яцек Куронь[2]. Гражданское общество формировалось в оппозиции к тоталитарной власти, что таило для нее возрастающую угрозу. Ухудшение экономической ситуации привело к росту социального недовольства, а характерная для так называемого герековского периода пропаганда успеха вызывала раздражение и протест против мистификации действительности. Социальному взрыву предшествовало оживление в культурной жизни страны.

Настроение общества, его недовольство политической и экономической действительностью как в объективе фокусировалось в литературе, а также в кинематографии, театре, рок-андерграунде, на сцене кабаре. В 80-е годы польские артисты особенно активно включились в борьбу против коммунистического режима.

Протесты 1980 года

Летом 1980 года, после очередного повышения цен и введения регламентации продажи ряда продуктов питания, Польшу захлестнула волна забастовок. Начались они в июле на предприятиях городов Свидника и Люблина. Затем протесты распространились на всю страну, и в августе 1980 года забастовку объявили действовавшие тогда нелегально «Свободные профсоюзы Побережья» на Гданьской судоверфи. Забастовщики потребовали восстановления уволенных рабочих, деятелей непризнаваемых властью профсоюзов — Леха Валенсы[3] и Анны Валентинович[4], а также повышения зарплаты, установления памятника жертвам событий, названных «Декабрь 1970 года». Лех Валенса, находившийся среди рабочих, оккупирующих завод, взял на себя руководство забастовкой. К бастующим гданьским судостроителям стали присоединяться рабочие других предприятий страны. Сопротивление носило уже не только экономический характер, Это уже была борьба против существующей системы. Протесты по сравнению с предыдущими годами были более массовыми и организованными. Вскоре забастовку объявили судоверфи в городах Щецине и Гдыне, причем в Гдыне была создана первая свободная типография. В течение нескольких дней забастовка охватила около трехсот предприятий. В Гданьске сформировался Межзаводской стачечный комитет, который принимал решения о дальнейшем ходе забастовки и о переговорах.

Советниками бастующих рабочих стали представители интеллектуальных кругов. Бастующих поддерживали журналисты, ученые, артисты. В костелах шли богослужения за благополучие протестующих. К бастующим заводам присоединились и некоторые университеты. Основную роль

координатора сыграл Комитет защиты рабочих. Бастующие не ограничивались требованиями улучшения условий жизни. Одним из главных требований стало признание свободных, независимых от партийных структур профсоюзов, а также отмена цензуры.

«Солидарность»

На этот раз коммунистическая власть не решилась применить силу, поскольку протесты очень быстро охватили всю страну и носили организованный характер. Власть поначалу пыталась разбить солидарность бастующих, вступая в переговоры с отдельными стачкомитетами на предприятиях и предлагая им повышение зарплаты. Имели место попытки дискредитировать протестующих, спровоцировать массовые беспорядки и прочее. Опасаясь очередных провокаций со стороны власти, МСК Гданьской судоверфи потребовал запретить продажу алкоголя в Трехградье.

Любые попытки противодействовать протестам были безуспешны. В конечном итоге власть была вынуждена начать переговоры с бастующими и подписать так называемые Августовские соглашения (31.08.1980), предусматривавшие, в частности, создание независимой профсоюзной организации — независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность», во главе с электриком из Гданьска — Лехом Валенсой. В течение нескольких месяцев свою волю стать членом организации изъявили более 9 миллионов человек. В то же время многие члены ПОРП в знак протеста против действий коммунистического режима отказывались от партийных билетов и присоединялись к движению «Солидарность». Параллельно с профсоюзом «Солидарность» появились и другие организации, такие как «Независимое объединение студентов» и «Солидарность крестьян». Однако в руках правящей партии оставались силовые инструменты, которые могли быть использованы для удержания власти. Эдвард Герек вынужден был уйти в отставку. Его место занял Станислав Каня, а затем, с октября 1981 года (за два месяца до введения военного положения), — генерал Войцех Ярузельски.

Одним из главных факторов освободительного порыва поляков и движущей силой борьбы за более достойный государственный строй стала католическая церковь, а также связанные с ней события. Во-первых, влияние и авторитет кардинала Вышиньского[5], а затем избрание в 1978 году папой римским поляка — Кароля Войтылы. В 1979 году он, уже как Иоанн Павел II, совершает паломничество в Польшу. Прибытие папы римского стало общенациональным событием. В торжествах приняли участие миллионы людей, не только исповедующие католицизм, но и представители других конфессий и неверующие. Церковь, влияния которой не удалось уничтожить даже во время сталинского террора, в течение многих лет являлась альтернативой для официальной власти и ее пропаганды.

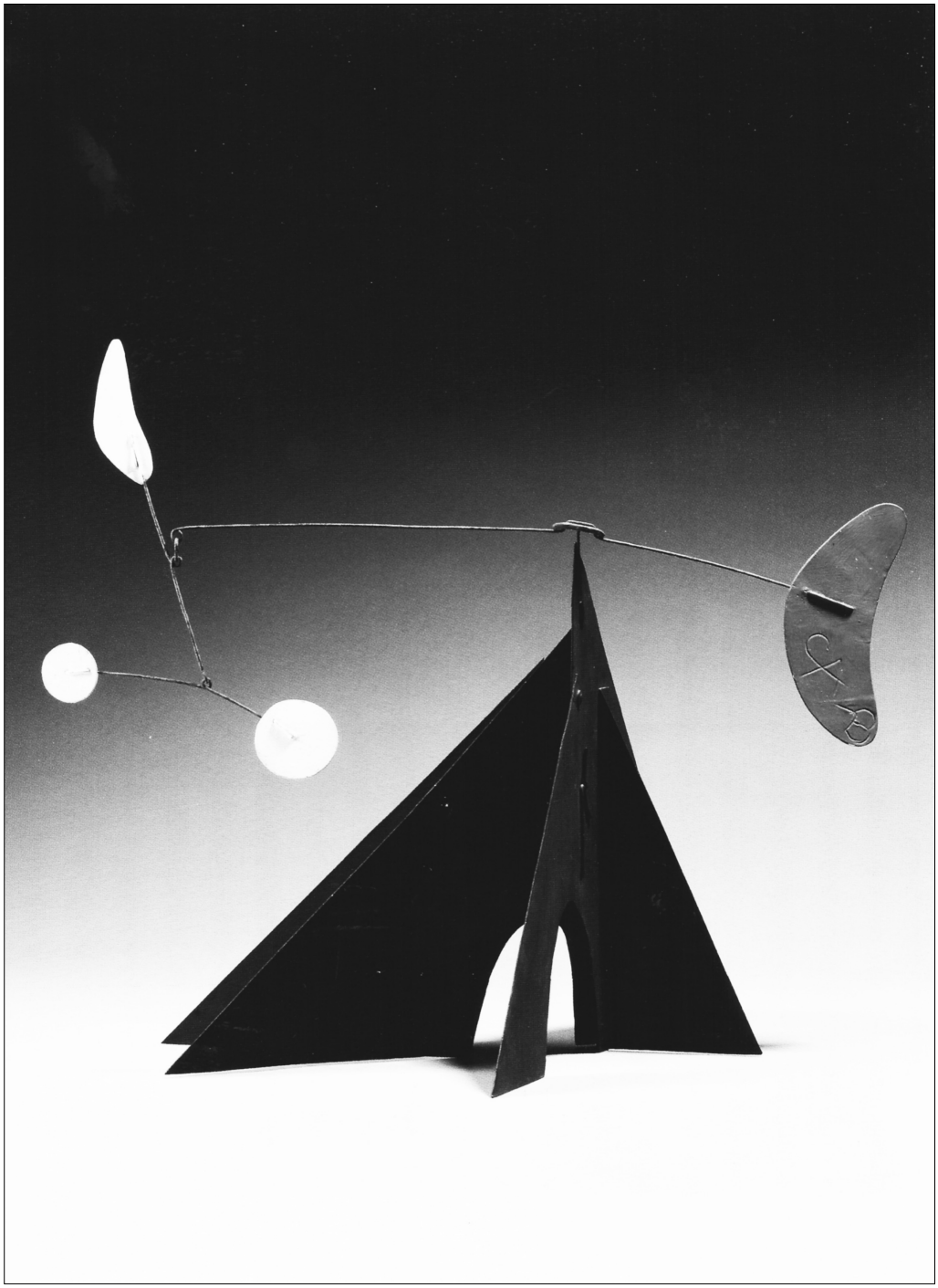
Избрание папы римского и его паломничества укрепили в поляках чувство национальной идентичности и гражданственности, позволили почувствовать силу единства, желание мирных перемен. Движение «Солидарность» напрямую обращалось к проповедям папы. Еще одним дополнительным стимулом демократических устремлений поляков явилось присуждение в 1980 году Нобелевской премии по литературе находившемуся в эмиграции польскому поэту — Чеславу Милошу.

Церковь, влияния которой не удалось уничтожить даже во время сталинского террора, в течение многих лет являлась альтернативой для официальной власти и ее пропаганды

«Солидарность» быстро превратилась в мощное движение. Это был феномен в масштабах всего советского блока, нечто противоестественное для тогдашней политической реальности. Однако деятели «Солидарности» не провозглашали революционных лозунгов. Они требовали модернизации социалистической системы. Эта «самоограничивающаяся революция» была результатом реалистической оценки международной обстановки. Разделение Европы на сферы влияния казалось тогда незыблемым. Польша входила в состав Варшавского договора, который на протяжении всего своего существования стоял на страже установленного статус-кво. В этой ситуации эволюция системы представлялась более вероятной, чем ее революция. «Солидарность» нашла широкую поддержку на Западе. В странах Западной Европы и Северной Америки возникали многочисленные центры поддержки польского независимого профсоюзного и политического движения. Движение «Солидарность» послужило вдохновением для диссидентских кругов в других странах; установилась связь с оппозиционерами Чехословакии и Венгрии, а также с представителями русского, литовского, украинского и других антикоммунистических движений. Въезд в страны советского блока стал для поляков весьма проблематичным. Такая ситуация сохранялась и после введения в Польше военного положения.

Военное положение

Инициированный «Солидарностью» «фестиваль свободы» продолжался в Польше с лета 1980 года до 13 декабря 1981 года. Несмотря на резкое ухудшение экономического положения (Польша в 70-е годы оказалась де-факто банкротом) в обществе еще более усиливалось стремление к демократизации государства. Развивалась независимая пресса, активизировались неофициальные издательства. Изменения произошли и в официальных средствах массовой информации. Появлялись публикации, затрагивающие запретную тематику. Общественная жизнь бурлила. Вся Польша участвовала в концертах, спектаклях,



Александер Кальдер. Туннель. 1973

докладах, публичных дискуссиях, митингах. Солидарность захлестнула почти всю страну. На очередных акциях протеста выдвигались все более радикальные требования. Но в то же время ПОРП не намеревалась уступать и отдавать власть. В 1981 году занявший пост первого секретаря Центрального комитета ПОРП генерал Ярузельский[6] решил применить силу. 13 декабря он объявил о введении в стране военного положения. Армия вошла в города, специальные подразделения милиции окружили крупнейшие предприятия, здания средств массовой информации, важнейшие учреждения. Деятели профсоюзов и многие их члены в ультимативном порядке были уволены с работы или отправлены в бессрочный отпуск. Несколько тысяч человек были интернированы в ночь с 12 на 13 декабря. Председатель объявленного незаконным профсоюза «Солидарность» Лех Валенса находился в изоляции до ноября 1982 года. Забастовки были подавлены при использовании милиции и армии. Глава МВД Чеслав Кишчак дал разрешение на использование огнестрельного оружия. Самым драматическим событием явилась забастовка на шахте «Вуек» 16 декабря 1981 года, во время которой погибло 9 шахтеров. Профсоюз «Солидарность» был временно запрещен, а затем объявлен вне закона. Многих подпольщиков «Солидарности» приговорили к тюремному заключению, многим из них пришлось эмигрировать за границу.

«Солидарность» в подполье

После пережитого шока движение «Солидарность» было очень ослаблено. Общество находилось в подавленном состоянии. Ситуация усугублялась в связи с осложнившимся экономическим положением — следствием глубочайшего кризиса и жесткой политики власти.

Тем временем объявленная вне закона «Солидарность» не намеревалась сдаваться. Уже в первые дни военного положения многие ее деятели, которые не подверглись интернированию, приступили к созданию новых подпольных оппозиционных структур. Заработали нелегальные типографии, печатавшие подпольные газеты, журналы, книги, сформировалось уникальное в своем роде издательское движение, называемое в Польше «вторым кругом». Регулярно издавались сотни журналов и информационных бюллетеней, плакатов. Редактированием, печатью и распространением «бибулы» (так называли подпольные издания во время Второй мировой войны) занималась сеть издателей, полиграфистов и распространителей самиздатов. Служба безопасности делала свое дело: производились аресты и разгромы пунктов нелегальной печати. Однако вместо них моментально создавались новые. Лидеры «Солидарности» или их представители находились в постоянной связи с предприятиями. Уже в апреле 1982 года они создали Временную комиссию по координации «Солидарности» (Збигнев Буяк, Богдан Лис, Владислав Фрасынюк, Владислав Хардек). В то же время более мелкие структуры объединились в Межзаводской комитет

солидарности рабочих. В 1982 году параллельно с официальной первомайской демонстрацией прошло организованное подпольщиками оппозиционное шествие, в котором приняли участие десятки тысяч человек. Милиция не могла разогнать людей, поскольку альтернативное шествие проходило рядом с официальным. Зато в день запрещенного в ПНР праздника 3 мая произошли массовые протесты и столкновение демонстрантов со спецподразделениями милиции — впервые с момента подавления декабрьских протестов. Следующие акции протеста прошли в годовщину Августовских соглашений, а также в день запрещенного в ПНР праздника — Дня независимости 11 ноября. Нередко демонстрациям предшествовали богослужения в костелах. Движение «Солидарность» поддерживалось многими католическими священниками. В Варшаве особенно прославился ксендз Ежи Попелушко, связанный с «Солидарностью» с августа 1980 года. Его проповеди во имя Родины собирали десятки тысяч человек. В 1984 году ксендз Попелушко был зверски убит функционерами МВД.

В последующие годы уличные столкновения стали почти традицией. Они продолжались вплоть до полного распада коммунистической системы. Следует отметить, что вскоре после формирования подпольных структур «Солидарности» вышла в эфир легендарная подпольная радиостанция «Радио Солидарность». Его организаторам удалось даже установить передатчики вблизи варшавской тюрьмы на ул. Раковецкой и провести передачу для политических заключенных. Аппаратура, работавшая на телевизионной частоте, заглушила аудиотрансляцию сигнала государственного телевидения, предоставляя эфир для «Радио Солидарность».

Многие граждане демонстрировали свое противостояние системе, участвуя в богослужениях, митингах, покупая подпольные издания и т.п. В течение нескольких лет существовала также «солидарная» мода прикреплять к клапану пиджака или куртки символизировавшие протест маленькие цветные резисторы. Большинство артистов театра, кино и эстрады объявили бойкот государственному телевидению и радиовещанию.

Существенную поддержку антикоммунистическому движению в Польше оказали западные страны. Общественность, политические круги, профсоюзы на Западе выступили в защиту «Солидарности». После введения в Польше военного положения по Западной Европе прокатилась волна митингов в поддержку поляков. Общественные и церковные организации собирали пожертвования для репрессированных деятелей и их семей. Работали заграничные офисы «Солидарности».

Крах системы

Военное положение (официально отмененное в июле 1983 года) не решило польских проблем. Экономика оставалась в состоянии упадка. Соединенные Штаты, демонстрируя свое нежелание сотрудничать с

военным режимом Польши, ввели экономические санкции. Общественное сопротивление между тем не слабело. Этому содействовали паломничества Папы Иоанна Павла II на родину (в 1983 и 1987 году), а также присуждение лидеру «Солидарности» Леху Валенсе Нобелевской премии мира в 1983 году. (Получить премию поехала жена Леха Валенсы, так как коммунистическая власть не дала ему разрешения на выезд в Осло, отказав в выдаче паспорта.)

Польская Народная Республика канула в прошлое, а на карту мира вновь вернулась Речь Посполита (преемница межвоенной II Речи Посполитой) – Республика Польша

Масштаб репрессий постепенно снижался. Следует отметить, что репрессии периода военного положения в Польше были относительно мягкими, несравнимыми с карательными мерами сталинского периода. Безусловно, этому способствовал и «ветер перемен», подувший с востока после прихода к власти Михаила Горбачева, объявившего о необходимости экономических реформ и либерализации общественной жизни. В 1986 году лидеры «Солидарности» учредили Временный совет Солидарности, а год спустя и полулегальную Национальную исполнительную комиссию Независимых самоуправляемых профсоюзов «Солидарность», которая потребовала от правительства ПНР легализации профсоюзов. В 1988 году поднялась новая волна забастовок на крупных предприятиях и в университетах, что подтолкнуло партийное руководство к возобновлению переговоров с оппозицией.

Продолжавшиеся два месяца переговоры за круглым столом относительно условий передачи части власти в руки оппозиции завершились в апреле 1989 года подписанием соглашения о проведении частично свободных парламентских выборов. Оппозиция получала 35% мест в сейме — нижней палате польского парламента.

Выборы проходили 4 и 18 июня 1989 года. Сотни добровольцев вызвались работать в качестве наблюдателей в учрежденном «Солидарностью» Гражданском избирательном комитете. Победа «Солидарности» была настолько явной, что не оставила сомнений в полном крахе коммунистической системы, лишенной общественной поддержки. Сейм, называемый «контрактным», в соответствии с предыдущими соглашениями выбрал на пост президента генерала Войцеха Ярузельского, но кандидат ПОРП на пост премьер-министра не получил одобрения парламента. Премьер-министром стал представитель «Солидарности», бывший руководитель группы советников Стачечного комитета в Гданьске в 1980 году Тадеуш Мазовецкий.

В том же году парламент проголосовал за внесенные изменения в Конституцию. Были устранены положения о руководящей роли партии и незыблемости социалистического строя. Кроме того, было введено единое определение понятия собственности и представлен полный

Жоэль Шапиро. Без названия. 1982–1983

перечень гражданских прав и свобод. Польская Народная Республика канула в прошлое, а на карту мира вновь вернулась Речь Посполита (преемница межвоенной II Речи Посполитой) — Республика Польша. Был также восстановлен в правах предыдущий государственный герб — орел с короной.

III Речь Посполита

Достигнутый за круглым столом компромисс, вследствие которого стал возможным мирный переход от коммунистической системы к демократии, был воспринят с большим воодушевлением и признан совершенной моделью мирной революции. Однако не все в Польше считали достигнутый компромисс успехом «солидарной» оппозиции. Некоторые представители оппозиции считали, что «Солидарность» должна была взять власть в свои руки и провести радикальную декоммунизацию. Споры относительно итогов и последствий круглого стола ведутся в Польше по сей день. Но так или иначе страна не сошла с выбранного пути.

После распада Варшавского договора дипломатические усилия Польши были направлены на членство в Североатлантическом пакте. Однако эта цель требовала больших организационных усилий и финансовых затрат. Тем временем основной проблемой независимого польского государства оставался глубокий экономический кризис и неэффективная экономика, унаследованная от коммунистического режима. Гиперинфляция, превышавшая 500%, огромный внешний долг, устаревшие технологии и нерентабельные предприятия, отсталое сельское хозяйство, скрытая безработица — такой была реальность польской экономики в 1990 году. Законы о либерализации хозяйственной деятельности и освобождении цен от государственного регулирования, принятые в 1988–1989 годах, не решали проблему. Стояла острая необходимость проведения радикальной экономической реформы. Правительству Тадеуша Мазовецкого пришлось пойти на вынужденные меры, то есть принять непопулярные решения, что означало потерю электората. Тем не менее пакет реформ был реализован. Их автором был тогдашний министр финансов — Лешек Бальцерович, а реформы назвали «планом Бальцеровича». План предусматривал конвертирование польской валюты, стабилизацию курса доллара, либерализацию внутренних цен, ужесточение мер финансовой политики в отношении государственных предприятий, введение процентной ставки, увязанной с уровнем инфляции, а также реформу банковского сектора и денежно-кредитной политики.

Вследствие этих реформ польская экономика стабилизировалась, и Польша стала привлекательным рынком для инвесторов. В стране появился рынок капитала и рынок труда. В июле 1990 года сейм принял закон о приватизации. Последствия реформ в первые годы их проведения оказались драматичными для многих граждан. Появилась безработица, резко обесценились сбережения и имущество поляков, закрылись многие предприятия. На волне недовольства населения к власти пришли посткоммунисты. Тем не менее и они продолжали политику реформ. Благодаря быстрым изменениям в экономике Польша уже вскоре достигла высоких показателей экономического роста (рост ВВП в 1995 году составил 7%) и вышла на ведущие места в рейтинге экономического развития.

Одной из главных задач реформирования была ликвидация монополии центральной власти и создание местного самоуправления. Инициатором реформы структуры местной публичной власти было первое некоммунистическое правительство, и уже в 1990 году состоялись первые муниципальные выборы. Главной административной единицей местной сообщности и основой территориальной организации государства стала самостоятельная и самоуправляемая гмина. Гминам было передано коммунальное имущество, они обрели собственный бюджет. Позднее реформа децентрализации была расширена через введение единиц местного самоуправления на уровне повята и воеводства. Структурные реформы сопровождались политическими преобразованиями. В 1992 году была принята Малая конституция, регулирующая разделение полномочий между законодательной и исполнительной властью, а также дополнявшая основной закон положениями о местном самоуправлении. Новая Конституция Республики Польша была принята в 1997 году. Большие изменения претерпели средства массовой информации. В течение нескольких лет в Польше появилось несколько частных телекомпаний, новые информационные каналы, радиостанции, новые газеты и журналы.

Присоединение к структурам НАТО и Евросоюза потребовало от Польши проведения целого ряда реформ и изменений в законодательстве. В конечном итоге эти усилия завершились двойной победой: в 1999 году Польша вступила в НАТО, а в 2004-м — стала членом Евросоюза. Таким образом, стремление поляков изменить «послеялтинский порядок» окончательно реализовалось.

Достижение этих целей требовало от поляков немалых усилий, а также сознания необходимости взять на свои плечи бремя реформ. Очередные изменения не проходили бесконфликтно. 90-е годы в Польше — период протестов, демонстраций рабочих, неудовлетворенных положением дел, что способствовало возникновению популистских движений. Напряженным был и конец десятилетия, когда после выборов 1997 года к власти вновь пришла команда «Солидарности», начавшая четыре большие реформы: административную (включающую сокращение числа воеводств с 49 до 16), а также реформу систем образования, здравоохранения и системы пенсионного обеспечения. Одновременно это был период укрепления и укоренения механизмов гражданского общества, возникновения многих неправительственных организаций, совершенствования демократических механизмов проведения выборов и работы парламента, развития самоуправления. Польша после 2000 года была уже страной со стабильной политической системой и развивающейся рыночной экономикой, членом международных организаций (ВТО, ОЭСР, CEFTA), а также и региональных структур.

Несмотря на трагические события, связанные с катастрофой президентского самолета, которая в 2010 году потрясла политическую и общественную жизнь страны, дестабилизация политической сцены не произошла. Польша без серьезного ущерба для своей экономики проходит через экономический кризис в ЕС, сохраняя при этом рост ВВП.

Экономическое развитие, хотя в последнее время несколько замедленное, не стоит на месте; оно сопровождается реформами в области пенсионного обеспечения и здравоохранения, нововведениями в системе образования, в частности высшего, и другими. Возрастает роль местного самоуправления в жизни страны.

Так или иначе все существующие ныне тенденции подтверждают существование реального политического плюрализма.

В течение 30 лет Польша прошла длинный путь от однопартийной коммунистической системы, командно-распределительной экономики, цензуры и контроля над всеми сферами жизни к демократическим государственным механизмам и рыночной экономике.

Польша после 2000 года была уже страной со стабильной политической системой и развивающейся рыночной экономикой, членом международных организаций а также и региональных структур

«Солидарность» сыграла судьбоносную роль. Сегодня Польша в своей программе европейского развития ссылается на свой опыт «Солидарности». Европейская Солидарность, стоящая в оппозиции к национальному эгоизму, является программным предложением Польши для Европейского союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Эти выступления не были первыми протестами против социалистической власти в Польше. Общество уже с первого момента введения в действие Ялтинского соглашения выражало недовольство против присоединения страны к социалистическому блоку. Во-первых, навязанная народу система коренным образом противоречила общественно-политическим традициям поляков. Во-вторых, Польша, во время Второй мировой войны не запятнавшая себя коллаборацией, чувствовала себя униженной тем, что решение о послевоенном разделе принималось без ее участия и было силой навязано ей союзниками. Поэтому первые признаки недовольства не заставили себя ждать, они проявились уже в 40-е и последующие годы. А в середине 50-х годов недовольство переросло в серьезные протесты — волнения рабочих в Познани и др. 1968 год отмечен прежде всего протестами интеллигенции (демонстрации студенчества в Варшаве, Гданске, Кракове, Познани). В 1970-м волнения охватили польское Побережье: В Гданьске, Гдыне, Щецине и Эльблонге вспыхнули массовые забастовки и демонстрации, на подавление которых власть бросила внутренние войска.

2 Яцек Куронь родился в 1934 году в семье польских социалистов. После Второй мировой войны он состоял в рядах левых молодежных организаций. Потом вступил в ПОРП (Польская объединенная рабочая партия). В 1953 году был исключен из партии за критику власти. Будучи активистом студенческих организаций, Я. Куронь стремился спровоцировать в своей среде дискуссию и переоценку левых идей. В конце 1950-х предлагал создание рабочих советов. В 1957

году окончил Варшавский университет. Снова вступил в ПОРП и снова был исключен из нее в 1964 году, вместе с Каролем Модзелевским, за открытое письмо к партии, в котором авторы критиковали ПОРП за создание «классового режима» и предлагали свою концепцию «рабочей демократии». Письмо было распространено в Западной Европе и стало одним из основных документов европейских левых сил. В Польше его авторы в 1965 году были арестованы. Куроня приговорили к тюремному заключению. В 1967 году его выпустили, и уже в марте 1968-го он возглавил студенческие забастовки. И на этот раз он был арестован и лишен свободы. В 1975 году стал одним из соавторов Письма 59. Подписавшие его представители интеллектуальных кругов опротестовывали внесение поправок в Конституцию ПНР (Польская Народная Республика) о ведущей роли ПОРП и бессрочном союзничестве с СССР. В 1976 году Куронь был одним из основателей Комитета защиты трудящихся (KOR). Вследствие репрессий не мог найти работу. Чтобы как-то существовать и вести свою деятельность, писал детективные романы под псевдонимом. В июле–августе 1980 года организовал сеть распространения забастовочной информации. Стал советником профсоюза «Солидарность». После введения военного положения 13 декабря 1981 года был интернирован, а в 1982 году был арестован по обвинению в попытке свержения государственного строя, освобожден в 1984 году по амнистии. В конце 80-х годов стал одним из главных инициаторов и соорганизаторов круглого стола. После перемен 1989 года был депутатом парламента, а также министром труда и социальной защиты. Старался организовать социальную защиту в самый трудный период польской трансформации. Он запомнился, в частности, организацией бесплатного питания для нуждающихся. В вопросах геополитической стратегии высказывался за идею польского эмиграционного деятеля Ежи Гедройча, т.е. поддержки Польшей стремлений к независимости ее соседей – Литвы, Украины и Беларуси.

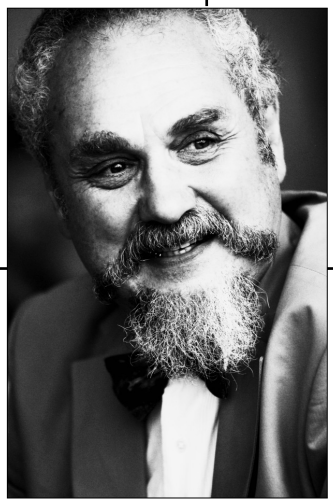
3 Лех Валенса — с декабря 1968 года электрик на Гданьской судоверфи; в 1970 году был одним из лидеров забастовки, членом Стачечного комитета. В 1976-м уволен с верфи за оппозиционную деятельность. Один из создателей «Свободных профсоюзов Побережья», взаимодействовал с KOR, был редактором нелегальной газеты. Как один из инициаторов августовской забастовки 1980 года, 14 августа перебрался на территорию особо охраняемой верфи и возглавил забастовку. Интернирован властями во время военного положения, помимо того оставался лидером делигализованного движения. Лауреат Нобелевской премии мира 1983 года. После краха в 1989 году коммунистической системы в Польше — видный политический деятель. С 1990 по 1995 год — президент Республики Польша.

4 Анна Валентинович — легендарная деятельница рабочего движения 70–80-х годов, соосновательница свободных профсоюзов. Погибла в катастрофе президентского самолета под Смоленском в 2010 году.

5 Кардинал Стефан Вышиньский — примас Польши в 1948–1981 годы, пользовался большим авторитетом не только в церковных кругах. Несмотря на репрессии по отношению к нему и ограничение свободы, в меру сил он помогал не только деятелям демократического движения, но просто многим людям — жертвам авторитарной системы.

6 Генерал Войцех Ярузельский — в 1968–1983 годы министр обороны ПНР. Родился в СССР в семье польских ссыльных. С 1964 года — член Центрального комитета ПОРП. Участвовал в подавлении Пражской весны 1968 года, а также гданьских забастовок 1970 года. В 1971 году стал членом политбюро ЦК ПОРП. После введения военного положения возглавлял Военный совет национального спасения.

«Новая Европа» – границы, параметры и место в мире



Андрей Зубов, политолог, историк, профессор МГИМО(У)

Европа — это в первую очередь определенные культурные принципы, которые могли сформироваться только в западном культурном ареале*, такие как права человека и демократия, что, кстати, европейцы хорошо понимают. Дело в том, что западный тип мировидения (имеется в виду не только западноевропейский, в него входят и ислам, и иудаизм) ориентируется на человека. Центром мировидения является человек. Это было с глубочайшей дохристианской древности. И когда какое-то западное сообщество, опять же включая исламский мир, отступает от этого принципа, оно отступает от своих корней, теряет свое лицо.

У народов Южной Азии другое мировоззренческое основание. Это теоцентрический мир. То есть там в центре не человек, а Бог. Единственная задача человека — это сбросить с себя все человеческое, все личностно-индивидуальное и соединиться с Богом. Это форма южноазиатской ментальности. Я не говорю, что она хуже или лучше западной. Она другая, и она порождает совершенно другие феномены в политической сфере. Хотя внешне вроде бы индийская демократия похожа на европейскую, но на самом деле она хотя и настоящая демократия, но совершенно другая.

И наконец, Дальний Восток — это, на мой взгляд, космоцентричная цивилизация, в которой центром внимания является не человек и даже не Бог, а отпечаток божественного в мире — гармоничный космос. Потому в странах Дальнего Востока мы тоже видим весьма своеобразный тип политического сознания и политической практики.

** См. в частности: А.Б. Зубов. Своеобразие западной религиозности в системной типологии религиозного опыта // Политические исследования (ПОЛИС). № 5 (131) 2012. — С. 96–105.*

«Новая Европа» довольно распространенное словосочетание, и когда говорят о «Новой Европе», то чаще всего имеют в виду Европу в ее временно*м* протяжении. Была когда-то Европа античная, древняя, потом Европа средневековая, а потом новая — с Ренессанса и эпохи Просвещения. Но здесь я употребляю понятие «Новая Европа» в ином смысле.

«Новая Европа» суть те области мира, где говорящие на европейских языках люди европейского происхождения живут на пространствах, освоенных в прошлом иными цивилизациями, традициями и культурами. И эти пришельцы, европейцы, задают новый тон коренным традициям, порой, особенно в прошлом, даже вытесняя и разрушая их. Речь идет о таких обществах, как британские «белые» доминионы — Канада, Австралия, Новая Зеландия, как Соединенные Штаты, как некоторые страны Латинской Америки, в которых преимущественно европейское или смешанное по крови (метисы, мулаты) население. Это Аргентина («белых» 85%), Чили (европейцы — 53%, метисы — 44%, индейцы — 3,2%), Мексика (метисы — 60%, индейцы — 30%, «белые» — 9%), Колумбия (метисы — 58%, «белые» — 20%, мулаты — 14%, индейцы — 1%), Уругвай («белые» — 88%, метисы — 8%, мулаты — 4%) и Коста-Рика («белые» — 65,8%, метисы — 13,65%, мулаты — 6,72%, индейцы — 2,4%). С большими или меньшими оговорками к этому списку можно добавить еще несколько государств.

Что характерно для них, что может объединить их в одну группу? Назову несколько моментов.

Во-первых, это страны переселения. Из старой Европы на новые земли уезжали самые активные и неудовлетворенные своей жизнью пассионарные (как сказал бы Лев Гумилев) личности. Большей частью они не являлись выходцами из культурной элиты, но были деятельными и неуемными простолюдинами. Часто это и духовные нонконформисты, которым было душно, да и опасно на своей родине.

Второе. Новую землю обитания переселенцы часто полагали «землей обетованной». Даже названия, которые они дают топосам, часто свидетельствуют об этом. Скажем, в Чили название главного порта — Вальпараисо, это не что иное, как Валь де Параисо, Райская долина; или столица штата Род-Айленд — город Провиденс — Промысел Божий. Это возвращение в рай после кошмара европейской жизни, как думали колонисты. Ведь переселение — это XVI–XVII века, Реформация, бесконечные религиозные войны, завершившиеся изнурительной и истребительной Тридцатилетней войной, это религиозные гонения, это уничтожение целых городов по религиозному признаку, исход религиозных меньшинств или гонение на религиозных диссидентов. Поэтому отъезд в новые земли воспринимался как переселение в Богом данный Новый Мир, Новый Свет. В Апокалипсисе Иоанна есть такие слова: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. ...И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» [Откр.**21**, 1,3–4]. Нельзя забывать, что именно так воспринимали мигранты земли, куда они переселялись.

На новых землях, и это — в-третьих, переселенцы сталкивались с иными человеческими сообществами и иной

природной жизнью. Естественное для человека желание обустроиться на новом месте как раньше, только лучше, приводило переселенцев к тому, что они стремились жить в новом мире старым, привычным бытом. Однако это плохо получалось, потому что условия-то бы абсолютно новые. Им пришлось вновь осваивать охотничьи навыки, которые были практически забыты в Европе за ненадобностью. Европейский крестьянин почти не охотился, а тут надо было заниматься охотой, осваивать лесные и рыбные промыслы, чтобы попросту не умереть с голода. Земледельцам, привыкшим работать на небольших, веками культивируемых полях, пришлось возделывать весьма обширные пространства целины (земли было бесконечно больше, чем людей, которые могли ее возделать). Переселенцы столкнулись с новыми растениями и животными, новыми болезнями и иным климатом. Поскольку это были деятельные, творческие люди, которые вырвались из европейского мира, потому что он был узок и тесен, они выжили, особенно самые способные.

Но такое приобретение опыта и эффективное выживание не могло произойти без обмена опытом с коренным населением. И это четвертый, очень важный фактор освоения новых земель. Переселенцы встретились с людьми совершенно другой культуры и иного общественно-хозяйственного уклада. Они говорили, что встретились с первобытными людьми. Одни восхищались примитивным укладом жизни аборигенов, романтизировали его — вспомним знаменитые романы Фенимора Купера, другие содрогались от их жестокости и дикости и твердо верили, что Бог отнимает у них землю за их недостоинство и передает ее христианским переселенцам. На самом деле, конечно, все было намного сложнее. Переселенцы в новом мире встретили не дикарей и уж тем более не людей первобытного уклада. Это были люди уклада, который, так же как и европейский, сложился за многие тысячелетия. Просто это был совершенно иной уклад.

Не забудем, что большинство стран «Новой Европы», разве что за исключением Южной Африки, возникли в свое время там, куда люди «традиционного уклада» тоже когда-то пришли. Это не исконные места их обитания. Известно, например, что в северную Америку *они* пришли 15–16 тысяч лет назад через Берингов пролив, который тогда был сушей. Теперь, благодаря открытиям древних артефактов в Педра Фурада в Бразилии, Монте Верде в Чили и еще в полудюжине мест в обеих Америках, считают, что первые люди могли появиться здесь 15–50 тысячелетий назад. Как они туда попали — это другой вопрос. Пока мы просто очень плохо знаем, как перемещались люди в эпоху верхнего палеолита. В Австралии люди появились примерно 40–50 тысяч лет назад, и пришли они, вероятнее всего, из Юго-Восточной Азии. Словом, европейские переселенцы в XVI–XVII веках, судя по всему, встретились с потомками предшествующей волны не менее когда-то предприимчивых людей, почему-то утративших свои креативные навыки и деградировавших. Про Австралию это можно сказать совершенно точно. Австралийские аборигены, которые встретились европейцам на континенте, были по уровню развития явно ниже своих предков, осваивавших этот отдаленный континент.

Итак, повторю еще раз, переселенцы встретились с людьми совершенно иной культуры, другого общественно-хозяйственного уклада. «Иное» и сегодня воспринимается часто как «плохое». Аборигенов можно было порабо-

Джоанна Васконселос. Евфросиния. 2008

щать, обманывать и даже уничтожать. Пользуясь своим военно-техническим преимуществом, белые переселенцы так и делали. В Соединенных Штатах еще в конце XVIII века говорили и писали, что у негров нет души. Христиане говорили, что они лишь внешне похожи на людей и поэтому должны управляться европейцами. Многие белые переселенцы призывали к уничтожению индейцев. Например, в 1867 году газета «Weekly Leader», издававшаяся в городе Топика (штат Канзас), писала об индейцах: «Это сборище жалких, грязных, вшивых, полуцивилизованных, вероломных, воровatых пожирателей вонючих кишок, существованием которых Господь наш случайно допустил осквернить землю; мы должны молиться об их немедленном и полном уничтожении». Американский генерал Фил Шеридан призывал истребить бизонов, чтобы лишить индейцев прерий средств к существованию*. А ведь оправдывающие порабощение негров и призывавшие к уничтожению индейцев были христианами, людьми европейской цивилизации. Как, впрочем, и в России в эпоху крепостного права было такое же отношение к мужикам, даже не «иным», но таким же русским людям, как и их господа**.

С другой стороны, аборигены владели множеством знаний о своей земле и навыками выживания здесь. Без их помощи освоение колонистами новой земли было малоэффективным. Взаимная неприязнь и постоянные конфликты все же сопровождались обменом опытом и информацией. Индейцы обеих Америк, например, прекрасно освоили огнестрельное оружие и европейскую лошадь. А европейцы — традиционную одежду, местные строительные материалы, навыки охоты, передвижение на индейских лодках и так далее.

Но культурный обмен и общение шли дальше. Великим интегратором в человеческом обществе является любовь. Среди переселенцев мужчин было существенно больше, чем женщин, и многие из них брали себе жен из коренного населения. Скажем, в Чили, где я не так давно был, первые переселенцы-европейцы, в основном солдаты, часто женились на туземках и иногда имели по 200 жен. В результате появилась большая группа метисов, которые со временем, разбавленные еще больше европейской кровью, формировали чилийское сообщество. Вместе с женами в местное европейское сообщество приходили местные обычаи, родственные связи. А среди аборигенных народов распространялась вера пришельцев — христианство. Сейчас каплей индейской крови гордятся многие старинные белые семьи в обеих Америках.

Таким образом, вражда сменялась сотрудничеством, за которым следовало взаимное культурное обогащение. Хотя нередко алкоголизм, венерические болезни и болезни, вызванные генетическими особенностями пришельцев, приводили к деградации и гибели целых аборигенных сообществ. К началу XX века, например, полностью исчезли (смешались, растворились) аборигены Огненной земли — селькнамы, яханы, алакалуфы. Но подавляющее большинство коренных аборигенных народов

** Цит. по: Мирча Элиаде. Словарь религий, обрядов и верований. — М.: Рудомино, 1997. — С. 23–24.*

*** См. об этом мою статью «Рабство дикое». О крепостном праве в России и в Европе // История учит. Письма о гражданском просвещении и образовании. — М.: Московская школа политических исследований, 2013. — С.131–155.*

«Новой Европы» дожили до сегодняшнего дня, преодолев века трудного сосуществования с новыми переселенцами. Например, в Соединенных Штатах сейчас живет сравнительно большое количество индейцев (около одного процента от всего населения), а всего их в обеих Америках 30–45 миллионов. Аборигенные сообщества выжили, хотя и стали, конечно, другими.

Там, где аборигенные народы были более развиты, а плотность местного населения была выше, феномен «Новой Европы» не возник. Индия, Индокитай, Цейлон, арабские страны, большинство стран черной Африки и значительная часть Латинской Америки, например Гватемала, Перу, Эквадор, Боливия, покончив с колониализмом и частично адаптировав европейскую культуру, сохранили аборигенную идентичность и даже существенно ее укрепили в эпоху национализма.

Но вернемся к «Новой Европе». Преимущественно европейские по языку и культурной матрице новые сообщества создали в итоге совершенно особые цивилизационные формы общежития. Остановлюсь на основных параметрах этих форм «Новой Европы».

В новоевропейских сообществах нет излишней обремененности великой тысячелетней культурой старой Европы. Сказалась специфика социального состава переселенцев. Ведь уезжали не самые образованные, а самые мобильные, динамичные люди из простолюдинов, которые несли с собой не рафинированно высокую, а обыденную культуру и которым нечего было терять.

«Высоколобые» представители культурной элиты самодостаточны. Они уже всё знают и понимают. А простые люди более открыты новому и не обременены культурным прошлым. То, что, например, американский президент путает названия каких-то стран Старого Света или что в современных Аргентине и Чили плохо знают события раннего Средневековья, их исторической прародины, может, конечно, вызывать ухмылку. Англичане смеялись, что у французских солдат синие сюртуки и красные штаны, а не красные сюртуки и синие штаны, как у английских. Но это еще не значит, что одни хуже, а другие лучше.

Наконец, привычка к существованию и приспосабливанию к жизни в совершенно ином природном и социальном мире. В Европе люди живут и жили веками на своей земле. Соседи те же, земля та же, их климат тот же, птицы и бабочки те же самые, семена прорастают в одно и то же время. А там, куда их забрасывала судьба, все иное. И с этим надо было освоиться буквально на протяжении нескольких лет, иначе — голодная смерть. Отсюда адаптивность, умение приноравливаться к новым обстоятельствам жизни, необходимость диалога с коренным населением.

Старую Европу, как известно, сейчас шокирует огромный приток мигрантов — из Турции в Германию, из Пакистана в Норвегию, из стран Магриба — во Францию. Англичане страдают из-за притока чернокожего населения с Антильских островов, из своих бывших колоний. Староевропейцы порой не знают, что делать, рассуждают об опасности мультикультурализма и утрате идентичности. А в Соединенных Штатах поток иммигрантов воспринимается более спокойно. Не говоря уже о переселенцах, живущих в Австралии, Новой Зеландии, Канаде, стремившихся в столкновении с новым, неизведанным сохранить собственную идентичность, не потерять свою веру и культурные традиции. Консерватизм, соединенный с высокой адаптивностью и мобильностью, — характерная черта «Новой Европы».

При этом степень консерватизма различна в разных странах ареала «Новой Европы». Уровень консерватизма в Соединенных Штатах, например, выше, чем в старой Европе, но ниже, чем, скажем, в Чили. Чилийцы с удивлением смотрят, как в Соединенных Штатах обсуждаются, а в некоторых штатах и принимаются законы, разрешающие аборт и гомосексуальные отношения. В Чили представить себе это невозможно. Тут иной уровень консерватизма как следствие традиции сохранения культуры, когда, с одной стороны, приходилось адаптироваться, а с другой — беречь то, ради чего твои предки покинули родину и переселились за океан.

К тому же консерватизм переселенцев и их ранних потомков не защищался властью государства, которого фактически не было в Новом Свете в пору колонизации. Этот консерватизм поддерживался среди колонистов благодаря самоорганизации и решимости сохранить традиционные ценности в чужом окружении. Государства-метрополии были далеко. Полагаться приходилось только на собственные силы — семьи, поселения, округи.

Мы иногда удивляемся, что в Соединенных Штатах выборная полиция, и к шерифу как должностному лицу относятся с уважением. В отличие от Англии, где была королевская полиция, в Америке в период освоения территории практически не было государственной полиции. Шериф был полномочным человеком сообщества, знающим свое дело, которому оно поручало поддерживать порядок в поселении. Поэтому столь высоко стоит самоуправление графств и общин в США, департаментов в Чили и Уругвае, графств в Новой Зеландии, графств и муниципалитетов в Австралии. Так в «Новой Европе» формировалась традиция самоорганизации общественной жизни.

Характерно, что «Новая Европа» все меньше интересуется жизнью и судьбой старой Европы. В латиноамериканских университетах и университетах США курсы национальной и региональной истории и культуры сегодня все более превалируют над общими курсами, изменился круг интересов и произошел сдвиг от ориентации на Европу и европейское знание к ориентации на свои проблемы. Несмотря на то, что мир стал теснее благодаря новым видам информационных и коммуникационных систем, «Новая Европа» скорее не приближается, а отдаляется от старой.

После революции, которая произошла на моей памяти, я имею в виду университетскую революцию конца 1960-х годов, старая Европа явно изменилась. Конечно, последствия этой трансформации коснулись и «Новой Европы». Но в результате студенческой революции ценности старой Европы, на мой взгляд, трансформировались больше, в результате чего две Европы отдалились друг от друга. Это свидетельство некоторой культурной самодостаточности «Новой Европы», хотя я не исключаю, что за этим может последовать и возвратное культурное движение из новоевропейского мира в старый, если в нем возникнет вакуум не высокой (он не возникнет), а бытовой, массовой европейской культуры. Потому что можно размышлять, скажем, о философии Декарта, и совсем другое — жить бок о бок с иммигрантами и спокойно относиться к ношению хиджаба, строительству мечетей. К этому надо привыкнуть, и здесь, возможно, «Новая Европа» поможет старой, поскольку ее традиционные культурные ценности распространяются и на неевропейское население. И это неевропейское население

Виолетт Банкс. Горение. 2000

становится частью сравнительно единого населения «Новой Европы».

Это хорошо видно в странах Латинской Америки, например в Чили, где еще не так давно индейцы были отстранены от культурного, учебного и политического процесса. Скажем, индейцы мапучу, которые до конца XIX века жили обособленно и были независимыми, а сейчас учатся в университетах, получают высшее образование. Безусловно, эти люди лет через десять войдут в парламент, в круг профессуры, как это произошло в Соединенных Штатах, где процесс интеграции неевропейских культурных меньшинств в жизнь основного белого населения США произошел в последней четверти XX века. Естественно, речь при этом идет в том числе и об африканском чернокожем населении. То есть о тех, кого привезли на американский континент не по своей воле.

Главная западная ценность — антропоцентричность, ориентация на человека — не утрачена в «Новой Европе». И, как я уже отмечал, утверждается в ней сейчас на разных уровнях. Это ясно видно в Соединенных Штатах после избрания президентом Обамы (среди его советников есть и индеец), в Чили, Аргентине, где совсем невелико индейское население, в Новой Зеландии, где маори стали членами парламента. Всё это очень важные веянья. «Новая Европа» почти всецело стала совокупностью демократических режимов и гражданских сообществ, основанных на самоуправлении и правах человека. Даже в тех странах, где до сих пор существуют элементы сегрегации, эта сегрегация изживается в системе самоуправления и демократии. Мысль о том, что можно фальсифицировать выборы или вообще их не проводить, здесь, как правило, не воспринимается.

Консерватизм, соединенный с высокой адаптивностью и мобильностью, – характерная черта «Новой Европы»

Итак, Европа, может быть, теряющая себя, утверждается в новом обличье за океаном. Но одно несомненно — «Новая Европа», говорящая на английском, французском, испанском, португальском языках, — это уже сформировавшийся культурный феномен, требующий осмысления. Типологически он напоминает эллинистические общества поздней античности, существовавшие когда-то (в последние два века до рождества Христова и в первые века после рождества Христова) от Иранского нагорья до Атлантики и от Судана до Англии*. Именно в этих обществах старая греческая культура дала, как известно, новый и до сего дня питающий нас выплеск живой воды христианства, философии, в том числе неоплатонизма, политической науки и практики гражданской жизни. Не происходит ли нечто подобное в мире и сейчас?

У Европы есть удивительная способность, которая, кстати говоря, не за-

** См., в частности: Э. Бикерман. Государство Селевкидов. Пер. с франц. — М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры, 1985. В книге показано, как происходил синтез местной восточной (персидской, вавилонской, лидийской) и греческо-македонской культур в области государственного и общественного строительства в самой большой эллинистической монархии.*

мечена ни в дальневосточной, ни в южноазиатской цивилизациях. Когда затухает импульс в старой Европе (когда-то это была Греция), «Новая Европа» начинает питать старую и таким образом не только сохраняет себя, но поднимает «европейскость» на новый культурный уровень.

И в заключение несколько слов о месте России в общеевропейском контексте. Что это — старая или «Новая Европа»? И старая, и новая. Россия к западу от Волги и к северу от донских степей — это старая Европа, которая входила в средневековую Европу, была ее восточной периферией. Это княжества Московское и Тверское, Новгородская земля, Рязань, Нижний Новгород, конечно, Киев, Переславль и так далее. А вот земли к востоку и западу от Нижней Волги — Урал, Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ, Дон — это «Новая Европа». К ней пока близки Казахстан и Киргизия. Но индигенизация* этих стран, возможно, вернет их в неевропейский мир, к которому они принадлежали прежде.

Освоение русскими новых пространств в XVI–XVIII веках составило ту новую русскую Европу, к которой вполне приложимы характеристики англоязычной или испаноязычной «Новой Европы». Это и стремление в «новый рай», и энергичные и смелые первопроходцы (Ермак Тимофеевич, Ерофей Хабаров и их последователи), и контакт с местным населением, вплоть до межнациональных браков, и усвоение местных традиций, порой мирное, а порой связанное и с жестокими конфликтами, все той же нетерпимостью к «иному»**. Только одно существенное отличие русской «Новой Европы» от новой англо- или испаноязычной. Ее население в советский период было подвергнуто террору, сопровождавшемуся насильственным переселением целых народов в Сибирь, на Дальний Восток и на Север страны. Традиционный уклад и навыки людей «Новой России» к самоорганизации и самоуправлению разрушались большевиками целенаправленно.

Можно ли надеяться на возрождение «Новой России»? Трудный вопрос. Высокая креативность и адаптивность новых европейцев, их привычка выживать и самоорганизовываться в, казалось бы, непереносимых обстоятельствах дает надежду на положительный ответ. Даже насильственное переселение людей в советское время имело отчасти тот положительный момент, что люди «Новой России» оказались повсюду. Будем надеяться, что они не утратили за десятилетия мытарств и страданий свой веками приобретенный потенциал.

А коли так, то пророческие слова Михаила Васильевича Ломоносова, что богатство России будет прирастать Сибирью, приобретают новый, возможно еще более важный и глубокий, чем мы до этого предполагали, смысл.

** Индигенизация — термин теоретической антропологии, обозначает локальные тенденции на культурное обособление и цивилизационную независимость. — Прим. ред.*

*** См., например: Ю. Слёзкин. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. — М.: Новое литературное обозрение, 2008.*

*Бестиарий**

Джампаоло Панса,
итальянский журналист, писатель

Стало меньше студентов? Ну и что? Значит, меньше безработных

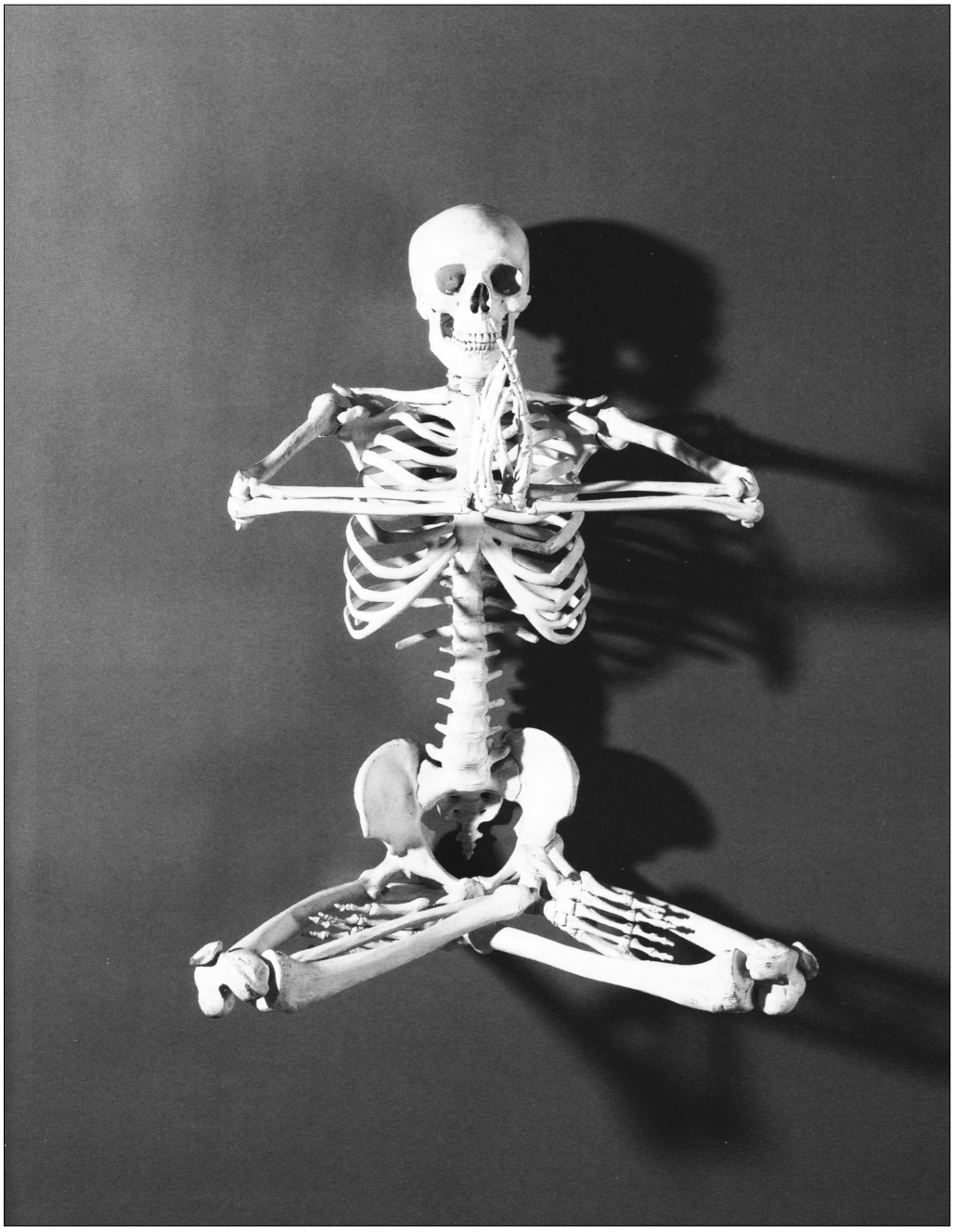
Газеты много пишут о том, что в Италии резко сократилось количество поступающих в университеты. Газетчики по этому поводу убиваются. А мой «Бестиарий» доволен. Как это объяснить? Не уподобляется ли «бестия», пишущая эти строки, шакалу? Да нет, у господина, пишущего эти строки, золотое сердце, он отнюдь не злорадствует по поводу злоключений Италии, он Италию любит. И все-таки я сомневаюсь, действительно ли сокращение числа поступающих в университеты за последние десять лет на пятьдесят восемь тысяч человек, с 338 000 до 280 000, такое уж бедствие? Попробуем разобраться.

Ваш покорный слуга тоже учился в университете, окончил много лет назад факультет политических наук, получил диплом с отличием и рекомендацию дипломную работу почти в тысячу страниц опубликовать. Теперь, разрешите, я немного займусь воспоминаниями. Был 1954 год, летом этого года я на «отлично» окончил классический лицей и сообщил отцу — мой отец был рабочим в системе телеграфной связи, а также матери — портнихе, что хотел бы поступить в университет. «Какой?» — спрашивают. «Туринский», — отвечаю. Если вставать в шесть утра и садиться на первый поезд, вполне можно успевать на занятия. Учитывая наш семейный бюджет, плата за обучение там не такая уж высокая.

Мои родители не получили образования. Папа — Эрнесто, пятый из шестерых детей, росших без отца, начал вкалывать в девять лет и доучился только до четвертого класса. Маму — Джованну — после пятого класса, в возрасте десяти лет, отдали в скорняжную мастерскую, где, таких как она, именовавшихся «малявками», учили шить — сначала вручную, потом на швейной машинке «Зингер». Отец с матерью сказали мне: «Ладно, поступай!».

Они это сказали с гордостью и вместе с тем строго — дескать, дорогой Джампа, мы согласны платить за тебя в университет, но ты должен

** Giampaolo Pansa. Libero 3.02.2013. Бестиарий (лат. bestiarius — звериный), средневековый нравоучительный трактат.*



Марк Куинн. Медитация как иллюзия. 2007

наши старания заслужить: аккуратно посещать лекции и вовремя сдавать экзамены. «Видишь эту записную книжку? Я в нее буду записывать, как ты учишься, какие получаешь отметки. Если будешь сачковать, пойдешь работать на завод. Например, на «Этернит», благо он в двух шагах от нашего дома. Место, прямо скажем, так себе, там в ходу асбест, но платят прилично. Или на «Лютый», ты знаешь, о чем я гово-

рю?». Туринские рабочие так прозвали ФИАТ, вотчину семейства Аньелли и их ставленника — диктатора Витторио Валлетту. ФИАТ — это промышленный гигант, автомобилестроение переживает настоящий бум, ожидается экономическое чудо.

Я выбрал факультет политических наук, потому что с детства мечтал стать журналистом.

Студентов было мало, по нынешним меркам всего ничего: на первом курсе человек сорок–пятьдесят. А посещали занятия не больше тридцати. Преподаватели знали нас по именам, мы их тоже хорошо изучили.

По характеру наши профессора были очень разные. Был добросердечный, был суровый, чудаковатый, властный, нерасполагающий, но все высокого класса, настоящие ученые с большим количеством научных работ и публикаций за плечами. Власть их над студентами была неограниченной, что они охотно демонстрировали. Короче говоря, это были самые настоящие университетские «бароны». Но, как правило, доброжелательные.

Опишу одного из них — Луиджи Фирпо, заведующего кафедрой истории политических учений. Это был тридцатидевятилетний мужчина высокого роста, могучего сложения с профилем вельможи эпохи Возрождения и соответствующим фигуре носом. Он сражал нас своей эрудицией, но умел быть доходчивым, что называется, брал быка за рога, не тянул, хватку имел, как у современного менеджера. Его бойцовский темперамент особенно проявился, когда он стал сотрудничать в популярном отделе «Скверные мысли» в газете «Стампа».

Профессор Фирпо держал наш небольшой отряд на коротком поводке. Он сразу уточнил, кто главный. Сразу — в смысле на первой же лекции монографического курса, который он посвятил ранним статьям Карла Маркса в «Рейнской газете». Замечу в скобках, что Фирпо не был марксистом, зажиточным господином левых взглядов тоже не был. Впоследствии его избрали в палату депутатов от Республиканской партии. В качестве вступления в курс о Марксе он прочел нам, несмышленышам, сугубо академическую лекцию о сексуальном воспитании юных ацтеков, уснастив ее такими откровенными подробностями, что студентки в первом ряду чуть не попадали в обморок. Девицы из порядочной туринской буржуазии, они выбрали факультет политических наук во избежание таких неподъемных, как медицинский (боялись крови и толп пациентов) и политехнический, где учились одни зубрилы, корпевшие над учебниками двадцать четыре часа в сутки и не интересовавшиеся женским полом.

Кто после окончания лекции задал вопрос, который у всех был на кончике языка? Да, я. Я спросил: «Профессор, а какая связь между ацтеками и ранними работами Маркса?». Фирпо зыркнул в мою сторону и произнес: «Обращаясь к профессору, надо вставать!», а затем приступил к допросу: «Как тебя зовут?» — «Джампаоло Панса». — «Откуда родом?» — «Из Казаль Монферрато, профессор». — «Что в вашем городе произошло в 1630 году?» — «Мы выдержали осаду испанцев».

Фирпо окинул меня насмешливым взглядом и изрек: «У Маркса с ацтеками нет ничего общего. Я преподал вам сейчас урок, только чтобы подчеркнуть, что распоряжаюсь я и делаю то, что считаю нужным».

Хотите еще пример? Пожалуйста. Алессандро Пассарин д'Энтревес. Ему было пятьдесят два года, он читал курс о государстве и международных отношениях. В свое время Пассарин дружил с известным литературным критиком и историком Пьеро Гобетти и заведовал кафедрой итальянистики в Оксфордском колледже Магдалины. Он блестяще говорил по-английски и внешностью напоминал виндзорского принца: стройный, даже сухощавый, в строгом элегантном костюме с безукоризненным галстуком.

Пассарин проводил лето в фамильном замке — небольшой крепости в центре городка Энтревес под Монбланом. Часть каникул он посвящал писанию писем своим ученикам, занятию, сегодня невообразимому. Письмо, адресованное мне, я сохранил. В нем говорилось: «Дорогой Панса, боюсь, что не сумею как следует ответить на возражение, с которым Вы обратились ко мне в истекшем учебном году. Хочу попробовать сделать это сейчас...».

Чему научили эти преподаватели такого провинциального паренька, как я? Прежде всего, быть самим собой, не мухлевать, не врать. Наши учителя были мастера выводить на чистую воду тех, кто блефовал и пытался их перехитрить на экзаменах или при подготовке дипломной работы. Они научили меня не бояться высказываться, всегда говорить то, что думаю, и велели зарубить себе на носу, что надо учиться, учиться и учиться, твердо зная, чего хочешь.

Помню совет профессора Фирпо. Как всегда, напористый, он внушал: «Ты должен ставить перед собой свою особую задачу, иметь свою цель. Ищи путь к ее достижению, не бойся, имей смелость дерзать. Вот увидишь, помимо удовлетворения от достигнутого результата, это лучший способ не заскучать». И лукаво добавил: «Так бывает, когда ухаживаешь за женщиной».

Этот мир был сметен пресловутым шестьдесят восьмым годом, чудовищным годом, по сей день еще напоминающим о себе. В пятницу на флорентийском избирательном митинге, где он выступал на пару с мэром Флоренции Маттео Ренци, лидер левых Пьер Луиджи Берсани высказал опасение, «как бы в университетах ни заявил о себе "классический метод"». Типичная демагогия красной касты.

Честно говоря, мне мало дела до того, что за последние десять лет число студентов уменьшилось на пятьдесят восемь тысяч. Это было неизбежно. Италия насчитывает шестьдесят шесть университетов, по большей части бесполезных и не ахти каких по своему качеству. По мнению экономиста Тито Боэри, их даже восемьдесят. Результат этого хаоса известен: у нас перебор выпускников и уйма безработных.

Перевод с итальянского
Юлии Добровольской

*Общество и воспитание**

Эрнст-Йорг фон Штудниц, председатель Германо-Российского форума

Процесс воспитания начинается с рождения и, если подобно великому Гете воспринимать жизнь как непрерывный процесс обучения, заканчивается только со смертью. Само собой разумеется, что воспитание на различных этапах жизни принимает разные формы. Детей и подростков воспитывают педагоги — представители предшествующих поколений. В зрелом возрасте воспитательные функции переходят к самой жизни и связанным с нею обязанностям, в том числе перед обществом. То есть возникает проблема степени свободы граждан и права общества требовать от граждан подчинения общественным надобностям. Национал-социализм в Германии занимал в этом отношении сугубо радикальную позицию: «Ты ничто, твой народ — всё». В таком обществе, которое называло себя народным, было нормой требовать от человека всего, даже пожертвовать своей жизнью. Противоположный подход демонстрирует демократическая Конституция Федеративной Республики Германии, которая признает достоинство индивидуума наивысшей неотъемлемой ценностью. Свобода, принадлежащая человеку по праву, ограничивается только свободой других людей. Из этого представления я буду исходить при рассмотрении темы «Общество и воспитание».

Итак, ключевой вопрос: как ввести свободно рожденного человека в сообщество других свободных людей? Само собой разумеется, что педагогика достигнет своей цели только в том случае, если при воспитании допускается максимум свободы. Это значит: давлением и принуждением свободы не создать.

Многие возразят, что ребенок нуждается в опеке, прежде чем сам созреет для свободы, что ему необхо-

** Выступление на семинаре Школы в Зеленогорске 13 февраля 2013 г.*

димы наставники, будь то родители или учителя. Но при этом опять же подразумевается, что педагоги воспитывают детей по собственным представлениям, как будто они знают, каких результатов должен достигнуть воспитательный процесс. А под целью воспитания понимается обычно подготовка полезного члена общества. Однако не находится ли это в противоречии с постулатом свободы? Кто или что определяет сегодня полезность человека? Не экономика ли, которой необходима способная, высококвалифицированная рабочая сила, потому как это единственный способ выдержать конкуренцию? Вытекающие из этого требования к детям — уже в школе стремиться к успеху, чтобы выиграть борьбу за лучшие учебные места в вузе, а потом получить высокооплачиваемую работу — приводят с раннего детства к чрезмерному напряжению. Справедливо спросить, как сочетаются эти требования с воспитанием свободы и не подавляет ли такая воспитательная система свободу? Конечно, победители этой часто безжалостной школьной и университетской конкуренции достигают высокого служебного положения и соответственно приобретают такой потребительский статус, который воспринимается как свобода. Но настоящая ли это свобода, если большинство претендентов сходят с дистанции, а экономической свободой довольствуется лишь меньшинство? Действительно ли общество заинтересовано посредством образовательной системы выдвинуть ограниченное число лиц на лидирующие позиции, а подавляющее большинство людей передать на попечение социальному государству? Возникает вопрос о более сбалансированной системе воспитания и образования, которая лучше соответствовала бы идеалам свободы.

В этой связи интересно ознакомиться с системой школ Вальдорфа*.

Основная идея вальдорфской педагогики состоит в том, чтобы выявить и максимально развить задатки ребенка, исходя из того, что каждый человек — это уникальная индивидуальность и обладает своими особыми талантами. Но при этом ее последователи уделяют не меньшее внимание образованию самого воспитателя и учителя, подчеркивая, что именно воспитатель — главная для ребенка личность, авторитет, начиная с детского сада, поэтому предполагается создание атмосферы, благоприятствующей его развитию, и культивирование самых разных форм игровой деятельности. Целью же школьного образования является знакомство ученика с целостной картиной окружающего мира, взаимодействием его физических, духовных и иных компонентов. Поскольку ученик сам должен осознать, каким жизненным задачам он хотел бы посвятить себя во взрослой жизни. Это знакомство с миром происходит не только на формальном дидактическом уровне, но и сопровождается погруже-

---

** Первая вальдорфская школа открылась в 1919 году в Штутгарте, в Германии; она финансировалась фирмой «Вальдорф-Астория», которая и дала название новой педагогической системе. Через несколько лет при школе открылся детский сад. Автором концепции и руководителем школы был основатель антропософии, австрийский философ и социальный реформатор Рудольф Штайнер (1861–1925), заложивший основы не только особой педагогической системы, лечебной педагогики и медицины, но и целого духовного направления. Поэтому школы системы Вальдорф называют еще иногда «антропософскими». Штайнер с самого начала придавал большое значение развитию детей в раннем возрасте, задолго до того, как это стало модным во второй половине XX века. Эта система оформилась в середине 80-х годов как альтернатива авторитарным тенденциям в школе. Ориентирует учителя на совместную творческую работу с учащимися. — Прим. ред.*

нием в мир искусства, освоением практических навыков основных видов человеческой деятельности. То есть включает в себя разностороннее развитие личности, при условии что ребенок не подвергается психическим перенагрузкам одностороннего интеллектуального образования.

Вальдорфская педагогика основывается на антропософском представлении о человеке, которое исходит из того, что в жизни человека каждые семь лет происходит смена фазы развития. И школьное и дошкольное обучение это должно учитывать, индивидуально выстраивая отношения с каждым ребенком.

В первый семилетний период жизни, который отмечается началом смены зубов, детям необходимо позволять играть, а не предъявлять требования к развитию их интеллектуальных способностей, то есть не обучать чтению и письму, так как на это расходуются существенные психические силы, нужные для созидания здорового организма. Почему я обращаю на это внимание? Потому что сегодня продолжается ожесточенная борьба педагогов против «старомодных» взглядов родителей, которые противостоят преждевременному интеллектуальному образованию детей. Педагоги под давлением требований экономики, ориентированной на конкуренцию, и политики, считающие оправданными эти запросы, требуют раннего начала обучения, как правило, уже с пяти лет. Более того, они требуют также введения и дошкольного обучения в детском саду, где дети должны учить буквы и решать арифметические примеры. Так что, возможно, это только вопрос времени, когда раннее образование детей будет узаконено. Если учесть, что уже сейчас вследствие открытия дошкольных учреждений для детей от трех лет и общественного мнения, что женщины должны работать, растет обязательность обучения детей в раннем возрасте.

К счастью, однако, существуют и частные садики, работающие по вальдорфской методике и пользующиеся большой популярностью. Здесь совершенно другой учебный план — не раннее обучение письму, чтению и счету, а приобретение социальных навыков путем совместного творчества и игры. Вряд ли возможно представить себе больший контраст, чем тот, что существует между выращиванием интеллекта, работающего изолированно, и развитием чувства общности в вальдорфском детском саду.

Я не отрицаю, что сегодняшние родители вынуждены отдавать своих детей на целый день в детский сад, особенно когда они растят ребенка в одиночку и должны зарабатывать средства на существование себе и детям. Ясно, что общество движется по пути с неизвестным результатом. Мы еще не знаем, какие последствия для здоровья имеет то, что слишком рано начинает потребляться духовная энергия, необходимая человеку в его последующей жизни. У нас нет еще нужного опыта, так как мы находимся лишь в начале процесса ускоренного образования. Однако то, что видно уже сегодня, — это рост заболеваний, ранее неизвестных. Не говоря уже о растущей распущенности среди молодых людей, сопровождающейся насилием. Свобода, которой молодежь наслаждается сегодня, преподносится как огромное преимущество в противовес прежним принудительным методам воспитания. Между тем очевидно, что свобода, которую так громко требуют и расточительно используют, это лишь «свобода от», а не принадлежащее личности естественное право «свободы для». «Свобода для» — это та, которая дает возможность свободным индиви-

Дэвид Шригли. Мистер Перчатка. 2001

дам служить обществу. «Свобода от» отторгает человека от общества. Поэтому остается лишь надеяться, что такая свобода — только первый шаг, за которым последует другой — использование «свободы для».

Оценивая эффективность государственной машины образования, нельзя отрицать, что большинство тех, кто миновал фильтры системы гособразования, так и не достигли жизненной цели, которую ставили. Более того, этим людям вообще трудно найти постоянную работу, а найдя ее, они становятся жертвами быстрых перемен на рабочих местах, связанных с модернизацией или локализацией производств за пределами своих стран. Прежняя уверенность, что можно найти работу после получения диплома и трудиться на ней до пенсионного возраста, осталась в прошлом. Только те, кто победил в погоне за высокооплачиваемой должностью, получив диплом элитарного

вуза, наслаждаются жизнью и оставляют менее удачливых на произвол судьбы. Таков результат конкурентной системы образования, которая господствует в современном обществе.

Должны ли мы в таком случае довольствоваться этим порядком или наш долг как людей, осознающих ответственность перед обществом, предлагать альтернативы? Мне хотелось бы еще раз обратиться к вальдорфской педагогике, цель которой — подготовить молодых людей к «свободе для». Подрастающий человек должен свободно испытать себя, открыть свои способности и тем самым понять свое место в обществе, где он может проявить свои таланты. Самое удивительное при встрече с учениками вальдорфских школ — их непредвзятость в обращении с фактами и информацией и способность свободно выражать свое мнение. Я убежден, что сегодня как никогда нам нужны такие люди, которые готовы нести на себе груз социальной ответственности.

Нашему обществу с его архаичными структурами брошен вызов, и ему необходимы новые подходы, которые были бы в состоянии адекватно реагировать на постоянные изменения в социально-политической и экономической среде. Оно пытается сохранить свои стереотипы и модели и поэтому защищается от образовательной системы, которая улавливает эти изменения и способна принять вызов. Интересно, что вальдорфским школам гораздо сложнее пробиться в образовательном пространстве и получить признание со стороны государства в традиционных католических регионах Германии, таких как Бавария, а также в Австрии. Несмотря на конституционное разделение государства и церкви, общественное и персональное влияние как раз католической церкви достаточно сильно, чтобы противостоять распространению вальдорфских школ. Церковь считает, что она имеет право управлять духовностью людей, и, очевидно, поэтому ей достаточно трудно принять систему школьного образования, прививающую людям чувство свободы.

Бросается в глаза и то, что в тех немецких федеральных землях, где министр культуры и образования выдвинут от социал-демократической партии, можно тоже заметить противодействие вальдорфским школам. Но на это есть другая причина. В этом случае вальдорфские школы отвергаются как элитные. Левые политические силы недовольны тем, что родители сторонятся государственных школ и отправляют своих детей в частные. Вальдорфские школы подозревают в том, что они проводят политику обособления от общества, так как только состоятельные родители способны оплатить обучение в частной школе. Школы Вальдорфа в Германии, конечно, получают государственные субсидии. Но государство не считает себя обязанным оплачивать места для учеников этих школ в том же объеме, как в государственных. Вальдорфские школы вынуждены брать плату за обучение с родителей не только потому, что государственные субсидии не покрывают всех расходов, но и потому, что необходимо финансирование дополнительного набора школьных предметов в области искусства и практического образования, которых нет в государственных школах. Так что упрек в элитарной сегрегации несправедлив. Хотя и существует рекомендуемый размер оплаты за обучение, родители решают все же сами, сколько они хотят и могут платить. Как раз чтобы избежать социального разделения, в эти школы принимаются также дети, родители которых не могут вносить даже небольшую или

вообще плату за обучение. Таким образом, из всех упреков левых политических сил остается один — стремление ограничить принятую в обществе конкурентную модель образования, если уж нельзя совсем ее устранить. В этой связи стоит отметить, что вальдорфские школы не случайно были запрещены во времена национал-социализма и в социалистической ГДР. Школа, воспитывающая подрастающее поколение свободолюбивым, противоречила тогда общественным взглядам.

Пока я коснулся в основном школьного и дошкольного воспитания. Если же рассматривать высшее образование, то и здесь дело обстоит так же. От образа свободного университета — единства свободы исследований и обучения, каким его создал Вильгельм фон Гумбольдт, мы уже повсюду очень отдалились. Современные университеты не являются больше институтом образования для свободных личностей, низведены до уровня заведений для подготовки кадров. В этом смысле показательны результаты Болонского процесса. Всемогущая экономика превратила образование в ускоренный и ориентированный на эффективность процесс. Иногда я задаю себе вопрос: в состоянии ли еще наши университеты обучать молодых людей, способных и готовых думать самостоятельно и ответственно. Преобладающее большинство выпускников высших учебных заведений, как я уже говорил, приобретает навыки для выполнения лишь определенной профессиональной функции. Пока у них не возникало, судя по всему, желания проанализировать значение их деятельности для экономики и общества. Надо полагать, что в разрушительных последствиях финансового кризиса, сотрясающего мир с 2008 года, виновны жадность и алчность акул финансовых рынков. Этим людям неведомо, что значит нести ответственность перед обществом. Им не приходилось задумываться об этом на собственном пути личностного развития. Они были настроены только на то, чтобы быть лучше других и побеждать.

Итак, на какую модель воспитания должно ориентироваться общество, какие плоды может принести ему успешное образование? Решающим критерием для ответа на этот вопрос, на мой взгляд, является образ личности, одобренный обществом и которым вдохновляются педагоги в школе и университете. Я опасаюсь, что в сегодняшнем обществе преобладает воззрение, которое требует от каждого с раннего детства и до глубокой старости подстраиваться под общепринятые мерки и нормы. Но кто их устанавливает? Раньше в христианской Европе это делала церковь. В современном западном, в значительной степени нерелигиозном мире являются обязательными общественные нормы и ценности, заимствованные из философии Просвещения. Исламским миром управляет авторитет Корана. В Советском Союзе ценности определяла Коммунистическая партия, вероятно, то же самое происходит сегодня и в Китае. Все эти различные социальные системы имеют в конечном счете общую метафизическую точку соприкосновения, даже если она обоснована отчасти материализмом, из которого и вытекают предписанные обществом нормы. Но если стандарты навязываются, это неизбежно ведет к применению силы. Необходимо задуматься, чего мы хотим: сообщества свободных людей или людей, используемых властью. Это выбирает каждое общество само для себя. Такое решение в значительной степени зависит от того, какую систему воспитания и образования оно принимает.

*Конкурентоспособны ли российские университеты?**

Татьяна Кастуева-Жан,
исследователь
Центра Россия — Новые независимые государства Французского института международных отношений (IFRI)

Высшее образование и его реформа являются одной из самых обсуждаемых тем в российском обществе начиная с середины 2000 годов, когда образование стало одним из четырех национальных проектов. Появление новых категорий университетов (научно-исследовательских и федеральных), запуск новых грантов для создания лабораторий под руководством ученых мирового уровня, принятие новых постановлений в сфере сотрудничества между предприятиями и университетами и, наконец, принятие нового закона об образовании в конце 2012 года — эти вехи закрепили новые подходы и требования к российской высшей школе.

Состояние высшего образования — объект прямо противоположных оценок в российском обществе. С одной стороны, оно было и остается предметом национальной гордости. Достаточно вспомнить о нобелевских лауреатах российского происхождения или о российских выпускниках, добивающихся значительных профессиональных успехов за рубежом. Даже в западном дискурсе давно прижилось мнение, что Россия располагает двумя сравнительными преимуществами — природными ресурсами и высокообразованным населением. Но при этом в самой России существует не менее сильное убеждение, что качество высшего образования, ставшего практически массовым, деградирует, а идущие реформы окончательно разрушают его. Более контрастной оценки какой-либо другой сферы общественной жизни в России, на мой взгляд, трудно найти; министры образования и науки — как нынешний Дмитрий Ливанов, так и его предшественник Андрей Фурсенко — одни из самых непопулярных фигур в правительстве.

** Более подробно см.: Les universités russes sont-elles compétitives Paris: CNRS Editions/ IFRI, 2013. — 318 p.*

Каковы индикаторы состояния высшего образования в России на сегодняшний день? Какое место занимают российские университеты на международном уровне? Каковы цели, методы и перспективы реформ в этом секторе? Не претендуя на исчерпывающие ответы, попытаюсь выделить основные элементы, необходимые для понимания эволюции университетов и сектора высшего образования в целом.

Современное российское высшее образование и его место на международном уровне

Высшее образование России демонстрирует сегодня очень высокие количественные показатели. Число вузов и студентов неуклонно увеличивалось с середины 1990-х годов. Если в 1993–1994 годах 2,6 миллиона студентов обучались в 626 вузах, то в 2012 году в 1115 вузах — уже более 6 миллионов. При этом большая часть их учится на заочных и заочно-вечерних отделениях. Однако необходимо отметить перелом тенденции с 2009 года, связанный с демографическим кризисом и низкой рождаемостью в 90-е годы, а также с государственной политикой: в 2008–2012 годах количество студентов сократилось на 1,4 миллиона человек, а количество вузов на 88*. Эта ситуация в ближайшие 10–15 лет бросает серьезный вызов и экономике страны, и российским вузам, многим из которых грозит закрытие, слияние или реорганизация в случае невозможности привлечь достаточное количество студентов.

Россия сегодня фактически соперничает со странами-лидерами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по среднему количеству лет обучения, числу студентов и выданных дипломов**. По количественным показателям у России один из самых благоприятных образовательных профилей.

Как и во многих других странах, явление массовости в высшем образовании в России связано со многими факторами: расширением доступа к образованию, в том числе благодаря большому числу негосударственных вузов и платному обучению в государственных, повышению уровня жизни, а значит, и платежеспособного спроса на образование и так далее. К этому стоит добавить и некоторые специфические факторы: нестабильность 90-х, когда продолжение образования позволяло адаптироваться к социально-экономическим переменам, а также получить отсрочку от военной службы, предоставляемую молодым людям при поступлении в вуз.

Если высокий уровень образования способствует личному благополучию (люди с высшим образованием имеют более высокие зарплаты,

---

** Если не указано иное, большинство статистических данных взято из статистического сборника «Образование в Российской Федерации, 2012» (Москва, 2012), а также с сайта Росстата, <www.gks.ru>.*

*** См.: Education at a Glance 2012. — Paris: OECD, 2012. <www.oecd.org/fr/edu/EAG2012_e-book_FR_200912.pdf>.*

среди них ниже уровень безработицы, они быстрее находят работу), то парадоксальным образом такие высокие количественные показатели не способствуют ни росту глобальной конкурентоспособности страны, ни производительности труда. Они не приводят также к высокой доле передовых технологий в валовом национальном продукте или их экспорте, не оказывают влияния на количество выданных международных патентов или научных публикаций. Такое противоречие подтверждается многими мировыми рейтингами, которые учитывают среди прочих факторов и уровень образованности населения страны (Индекс глобальной конкурентоспособности, ежегодно выпускаемый Международным экономическим форумом в Давосе, Рейтинг условий ведения бизнеса Doing business и т.д.), по которым другие страны БРИК (Бразилия, Индия и Китай) опережают Россию. Конечно, причины такого положения дел во многом находятся вне сферы высшего образования (тут надо винить качество институтов, административные барьеры, коррупцию и т.д.). Но, как ни удивительно, недостаточная квалификация рабочей силы и несоответствие спроса и предложения на рынке труда также отмечаются в названных рейтингах как слабые стороны России. Автор одного из зарубежных исследований подсчитал, что, располагая 2% мирового населения и 6% всех обладателей дипломов о высшем образовании в мире, Россия получает лишь 0,1% патентов, выданных Бюро США по регистрации патентов и торговых марок, и на основе этого делает нелестный вывод о российском «образовательном мираже»*.

Что касается международного рынка образовательных услуг, на котором идет активная конкуренция между разными странами за привлечение талантов, то в вузах России обучается 3,9% мобильных студентов, получающих образование вне своих стран**. Их численность практически удвоилась с 2000 года, но позиции России несравнимы с лидерами в этой сфере. Для сравнения: по последним данным, США принимают на своей территории 16,6%, Великобритания — 13, Германия — 6,4, Франция — 6,3% студентов из-за рубежа.

Столь же скромное место российские вузы занимают в международных рейтингах. Так, в 2012 году только два российских университета фигурировали в *Academic Ranking of World Universities* (Шанхайский рейтинг): МГУ на 80-м месте, а СПбГУ в пятой последней сотне. Их положение даже ухудшилось за последние годы: например, в 2005 году МГУ занимал 67-е место, а СПбГУ фигурировал в четвертой сотне. В настоящее время и в политической элите, и в образовательном сообществе существует понимание важности улучшения положения российской высшей школы в международных рейтингах в силу экономических и политических причин, а также для улучшения международного имиджа страны. Не случайно президент Путин ставит задачу вхождения

** N. Eberstadt. Russia's Peacetime Demographic Crisis: Dimensions, Causes, Implications, NBR Project Report, май 2010, <www.nbr.org/publications/issue.aspx?id=202>.*

*** Education at a Glance 2012. Op.cit. [3].*

Пабло Атчугарри. Без названия. 2012

пяти российских вузов в сотню лучших мировых университетов к 2020 году.

Одной из основных причин «зазора» между количественными показателями и реальным влиянием высшего образования на экономику страны и низким положением России в международных сравнениях являются слабая эволюция системы высшего образования и падение качества образования вообще в переходный период. Некоторые проблемы унаследованы от советских времен: например, разделенность между вузовским образованием и наукой, которая, за некоторыми исключениями, развивалась в институтах РАН, а также в отраслевых институтах. К моменту начала в России последнего этапа реформ высшего образования в середине 2000-х годов только один вуз из восьми занимался исследованиями, а доля вузов в общих расходах страны на НИОКР составляла 6,1% (для сравнения: средняя доля в странах ОЭСР была в то время 18,2%)*.

Переходный период породил множество проблем, связанных во многом с недостаточностью финансирования. Вузы и преподаватели оказались вынуждены прибегать к «стратегиям» выживания. Вузы сдавали свои помещения в аренду, предлагали все больше платных услуг, открывали факультеты и специализации, пользовавшиеся платежеспособным спросом, но не имевшие никакого отношения к профилю вуза. Технические и инженерные вузы стали обучать профессиям менеджера, юриста и даже переводчика. Обычным делом для преподавателей стало совмещение работы в одном или нескольких вузах, частные курсы и репетиторство, что приводило порой лишь к формальной привязке к официальному месту работы в силу престижа или для обеспечения легитимности. Кроме того, высокая учебная нагрузка оставляла недостаточно времени для ведения исследований и обновления содержания курсов.

По официальной статистике объем платных услуг в сфере образования возрос с 41,5 миллиона рублей в 2000 году до 152,6 в 2005-м и 326,6 в 2010-м. Эта тенденция привела к тому, что более 60% студентов обучаются сегодня за деньги, что, несомненно, повлияло на отношение студентов к обучению. Высшее образование стало восприниматься как оплаченная услуга, которую студент в любом случае обязан получить. А для вуза отчисление слабого студента могло обернуться потерей источника финансирования. Такое специфическое отношение к высшему образованию вкупе с престижем и социальной необходимостью обладания дипломом привело к распространению практики фальсификации и покупки дипломов, продажа которых в метро изумляла иностранцев. Эти порочные практики распространились и на сферу науки: на фоне множества скандалов, в которых замешаны и видные представители российской элиты, только сегодня разворачивается наконец активная борьба с плагиатом и «доброжелательными» научными советами.

** Научно-инновационный комплекс высшей школы России. Статистический сборник. Центр исследований проблем развития науки. — М.: Наука, 2005. — С. 14.*

Проблема качества образования приобретает особое звучание в контексте демографического кризиса, в частности прогноза снижения численности активного населения в ближайшие годы (несмотря на недавно обозначившуюся тенденцию к повышению рождаемости в стране). Сегодня российские университеты оказались в центре сразу нескольких важнейших стратегий правительства. На национальном уровне они призваны не только обеспечивать потребности российской экономики в высококвалифицированных кадрах, но и стать активными агентами диверсификации экономики и запуска инноваций. А на международном уровне — повысить конкурентоспособность и завоевать большую долю мирового рынка образовательных услуг, что одновременно позволило бы улучшить имидж России, увеличить ее привлекательность как мирового образовательного и научного центра.

Основные направления и методы реформирования

Направление и методы российских реформ в области высшего образования совпадают с мировыми тенденциями и практиками во многих странах, развитых и быстроразвивающихся. В первую очередь речь идет о повышении финансирования, условия для которого были созданы устойчивым экономическим ростом в 2000-е годы благодаря высокой цене на нефть на мировых рынках. После периода недофинансирования расходы федерального бюджета на высшее образование стали расти: с 119,2 миллиарда рублей в 2005 году до 402,4 миллиарда в 2011-м. Важное заявление, касающееся финансирования высшего образования, было сделано премьер-министром Дмитрием Медведевым в октябре 2012 года. По его словам, расходы консолидированного бюджета, то есть федерального и территориальных, на образование (до 2015 года в сумме около 8 триллионов рублей, а на 2016–2020 годы — свыше 20 триллионов) будут сравнимы с расходами на оборону*. Впервые глава российского правительства оперирует такими сравнениями, ставя на одну плоскость национальных приоритетов оборону и образование.

При этом речь не идет о равном финансировании всех вузов, а о сосредоточении его на наиболее перспективных. Нужно отметить, что тенденция отбора университетов-лидеров для особого финансирования, а также процессы слияния и укрупнения высших учебных заведений в целях создания университетов мирового класса постепенно распространилась во многих странах, и Россия в этом плане не стала исключением. Отбор лучших университетов, а значит, и постепенное сжимание сектора начались в 2005–2006 годах, когда по конкурсу были выбраны первые 57 вузов с инновационными программами развития. Они получили 30 миллиардов рублей, потраченных в основном на улучшение материальной базы и повышение квалификации препода-

** РБК Daily, 10 октября 2012. <www.rbcdaily.ru/politics/562949984906622>.*

вателей. Отбор наиболее перспективных вузов продолжился путем создания федеральных университетов в каждом федеральном округе, национальных исследовательских из числа лауреатов инновационных программ и выделением в отдельную элитную группу МГУ и СПбГУ. Университеты-лидеры составляют сегодня 4% от общего числа российских вузов, призванных стать локомотивами развития высшего образования и вывести страну на ведущие места в международных рейтингах. Например, 30% всех бюджетных мест в магистратуре будут распределены между этими университетами*. От них во многом зависит, станет ли Россия в ближайшем будущем новой образовательной державой.

Можно прогнозировать продолжение тенденции на сжатие сектора в ближайшее время. При этом помимо демографических тенденций, ведущих к снижению контингента абитуриентов, это связано с политикой российского правительства. Еще Андрей Фурсенко, будучи министром образования и науки, неоднократно заявлял, что в России существует не более 50 безусловных лидеров высшего образования и еще от 100 до 150 вузов имеют «хороший потенциал». Президенты Путин и Медведев поддерживали оценку избыточного количества вузов и их филиалов. Недавнее составление списка «неэффективных вузов» подтверждает тенденцию на оптимизацию сети вузов. Хотя такая политика и ее отдельные элементы (критерии оценки эффективности вузов) вызывают немало критики и протестов в образовательном сообществе.

Еще одним важным направлением реформ является интеграция образования, науки и инноваций. Подход к университету меняется: отныне именно университет в центре не только образовательной, культурной и социальной жизни, но и экономической. И именно на университеты, по всей видимости, возлагаются задачи развития инноваций и экономической модернизации. Но для этого им предстоит развивать весь инновационный цикл, от фундаментальных исследований до коммерциализации конечного продукта. Название «научно-исследовательский университет», например, отражает стремление к интеграции науки и образования. Для развития инноваций университеты должны тесно сотрудничать с предприятиями, а также сами создавать инновационные зоны, технопарки, стартапы и бизнес-инкубаторы. Теоретическая модель «тройной спирали» (triple xelix), которая описывает процесс инновационного развития как сбалансированные отношения между университетами, государством и бизнесом, приобрела популярность во многих странах**. В этой модели университет играет ведущую роль как полюс концентрации знаний и обучения молодых кадров. «Восстановление инновационного характера нашей экономики надо начинать с университетов, — писал в одной из предвыборных статей в начале 2012 года кандидат в президенты В. Путин, — как центров фундаментальной науки и как кадровой основы инновационного разви-

---

** См.: Независимая газета. 2 января 2011.*

*** См.: H. Etzkowitz.The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. — Londres: Routledge, 2008.*

тия»*. Многие инициативы правительства направлены на создание инновационной инфраструктуры в вузах и более тесное сотрудничество с предприятиями.

Наконец, последнее важное направление реформирования — интернационализация. Множество шагов было предпринято, чтобы интегрировать Россию в глобальное образовательное пространство, начиная с 2003 года, когда Россия присоединилась к Болонскому процессу (создание единого европейского пространства образования). Среди других шагов можно отметить составление списка 210 зарубежных вузов, дипломы которых признаются в России без особых процедур, или создание в университетах лабораторий под руководством ученых мирового уровня. В программах развития ведущих российских вузов фигурируют амбициозные цели: повышение процента иностранных студентов и преподавателей, публикации в международных изданиях, программы на английском языке. Эти меры призваны помочь России выйти из ее академического изоляционизма», чтобы влиться в мировой процесс производства теоретических и прикладных знаний**.

Перспективы реформ

Несмотря на слабые стартовые позиции даже ведущих университетов (материальная база, условия труда преподавателей, слабая интернационализация) хочется отметить удивительную быстроту изменений вопреки традиционному во всех странах относительному консерватизму сектора образования. Самые ощутимые изменения касаются улучшения материальной базы, а также эволюции менталитета образовательного сообщества. Появление новых лабораторий, покупка дорогостоящего оборудования поощряет сотрудничество с институтами РАН и возрождает интерес молодежи к научной карьере***. Университеты, получившие субсидии, практически вышли из режима выживания. Отныне многие из них могут позволить себе отказаться от непрофильных факультетов (МИСиС) или от вечернего и заочного обучения (ВШЭ), которые приносили доход, но несли в себе репутационные риски.

Что касается второго аспекта, то стоит вспомнить яростные споры и возражения в 2000-е годы по поводу введения болонской двухступенчатой системы, статуса автономного учреждения или введения ЕГЭ. Под давлением государственной политики, подкрепленной значительными субсидиями, за которые соревнуются университеты, все эти нововведения постепенно вошли в практику, хотя дискуссии не прекратились до сих пор. Получение грантов по конкурсу, назначение рек-

---

** Ведомости. 30 января 2012.*

*** См.: N. Eberstadt. Russia's Peacetime Demographic Crisis...*

**** И. Дежина. Развитие науки в российских вузах // Russie. Nei.Visions. № 57. Февраль 2011.*

торов, вышедших не из стен университета, поиск университетских менеджеров на международном рынке (американский проректор в МИСиС), активное преподавание английского — все это символы радикальных перемен в подходах и образе мышления в рекордно быстрые сроки.

Тем не менее реформирование часто носит поверхностный характер или идет с искажениями, что в конечном итоге может поставить под вопрос успешность реформ и вложенных инвестиций. Например, выделенные лидерам в рамках инновационных программ средства были в основном потрачены на закупку современного оборудования и новые лаборатории, а также повышение квалификации преподавателей и создание интерактивных курсов. Но усилия по повышению квалификации не сопровождались сменой механизмов отбора и приема на работу или ее условий. Часовая нагрузка преподавателя остается очень высокой; методы преподавания меняются мало и по-прежнему слабо используются междисциплинарные методологии. Не случайно в сентябре 2012 года министр Ливанов в очередной раз настаивал на смене содержания обучения и методов преподавания, на необходимости выхода за пределы простой передачи предметноорганизованных знаний и использования проектной и командной формы организации научно-исследовательского процесса*.

Нагрузка преподавателя остается очень высокой; методы преподавания меняются мало и по-прежнему слабо используются междисциплинарные методологии

Действительно, предпринимается немало усилий для развития науки и инноваций в вузах. Некоторые университеты, например Высшая школа экономики, давно ввели дифференцированную шкалу зарплат для поощрения преподавателей к занятию наукой. Правительством были выделены специальные гранты для развития инновационной инфраструктуры в вузах.

Тем не менее процесс сталкивается с различными трудностями. Программы развития не позволяют, например, финансировать напрямую НИОКР, повышать стипендии аспирантам и докторантам. Роль Академии наук также неясна: она исключена из участия во многих конкурсах, адресованных университетам.

Наконец, сотрудничество между университетами и предприятиями носит формальный характер, ибо речь редко идет о действительно совместных исследованиях, где цели и методы вырабатывались бы совместной командой, а результаты исследований интегрировались в содержание преподавания. Согласно исследованию по предприятиям, получившим финансирование в рамках известного 218-го поста-

** А. Волков, Д. Ливанов. Ставка на новое содержание // Ведомости. 3 сентября 2012 г.*

Тони Крэгг. Разделение. 2005

новления («О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений, государственных научных учреждений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства»), только 17% профинансированных проектов предусматривают действительно совместные исследования*. В остальных случаях речь идет скорее об аутсорсинге для предприятий, который финансируется на государственные средства, а со стороны университета команда, выполняющая заказ, состоит часто лишь из исследователей и не включает преподавателей и студентов. Таким образом, НИОКР хотя и могут стать важным источником дохода для университета, но его результаты едва ли повлияют на содержание обучения. Формальные критерии программ развития могут быть удовлетворены, но глубинный смысл реформ (сближение науки, исследований и инноваций) утрачивается.

Университеты отныне призваны стать звеном в передаче знаний от фундаментальной науки к экономике через прикладные исследования: они должны вести активную деятельность по созданию технопарков, стартапов, центров трансфера технологий и иных структур. Однако часть этих целей хотя формально достигается, немногие инновационные предприятия являются жизне- и конкурентоспособными**, а их годовой оборот незначителен***. Большая проблема и с адресностью инноваций: большинство из них направлены на внутренние процессы в самих вузах (например, дистанционное обучение или введение образовательных кредитов), а не на реальные экономические и социальные потребности страны. Такая ориентация рискует привести к вольной или невольной имитации инноваций, что ставит под угрозу модернизацию.

Реально ли достичь цели появления пяти российских университетов в сотне первых мировых? Есть примеры, когда за десяток лет удавалось создать университет мирового уровня****. По словам ведущего эксперта по вопросам высшего образования и автора критериев университетов мирового класса Джамиля Салми*****, для этого необходимо соблюдение как минимум трех условий: концентрация талантов, достаточное финансирование и гибкое управление. К сожалению, сегодня российские университеты не только далеки от соответствия

** Экспертное интервью с одним из авторов этого исследования по заказу Министерства образования и науки. Москва, март 2012.*

*** И. Стерлигов. Треть малых предприятий при вузах существуют лишь на бумаге. Портал ST RF. 2 августа 2011,*
<www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=223&d_no=41450>.

**** Экспертное интервью с проректором по инновациям одного из ведущих московских вузов. Москва. Март 2012 г.*

***** Примеры можно найти в книге: Ph. Altbach, J. Salmi (ред.). The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities. — World Bank Publications, 2011.*

****** J. Salmi. The Challenge of Establishing World-Class Universities. — The World Bank. Washington district. 2009.*

этим требованиям, но, что более тревожно, реформы не всегда учитывают их в проектировании будущего, а многие из важнейших компонентов, отвечающих трем условиям, не входят в амбициозные программы развития университетов.

Например, что касается концентрации талантов, привлечение лучших преподавателей и студентов является непреложным условием успеха. Речь идет, во-первых, о критериях отбора абитуриентов. Согласно исследованию ВШЭ, в 2011 году качество приема в российские вузы по среднему баллу ЕГЭ показывает, что лучшие студенты идут в вузы с высокой репутацией, по окончании которых выпускники могут рассчитывать на высокие зарплаты. Но не всегда эти вузы являются теми, которые получили статус НИУ или федеральных. Например, технические и инженерные вузы, которые в первую очередь должны отвечать за кадры для науки и инноваций (за исключением МФТИ, где средний проходной балл ЕГЭ составил в 2011 году 90,7), не привлекают студентов с высокими баллами (для примера: в МИСиС средний балл — 64,7). Другой критерий — доля студентов, продолжающих учиться в магистратуре/аспирантуре, достигает в среднем 45% в ведущих мировых вузах (до 60% в Гарварде или Массачусетском технологическом институте), но чрезвычайно низка в российских университетах (примерно 1%). Целью многих ведущих вузов России в этом плане является достижение 20%.

Наконец, критерий интернационализации — один из самых труднодостижимых для российских университетов, ни один из которых даже не приближается к показателям ведущих мировых вузов: например, процент иностранных студентов в Гарварде близок к 20, а иностранных преподавателей насчитывается до трети. Помимо проблем самого сектора высшего образования (отсутствие современных кампусов, системы постдоков, то есть временной работы в институтах для молодых исследователей со степенью кандидата наук или доктора PR для иностранцев, курсов на английском), страновые особенности (от климата и сложности языка до физической безопасности) также создают России негативный имидж среди иностранных студентов. Что касается зарубежных преподавателей (0,1% в среднем по стране), очень малое число российских вузов может предложить конкурентные заработные платы и благоприятные условия труда для иностранцев.

Вопросы зарплат, стипендий, строительства кампусов неминуемо ставят вопросы о финансировании. Ведущие российские вузы получают намного меньше средств, чем, например, китайские в рамках китайской инициативы по опережающей конкурентности своих вузов. Так, около 40 китайских университетов получили 4,86 миллиарда долларов, то есть в среднем 125 миллионов каждый*. Для сравнения: российские НИУ — 1,8 миллиарда рублей, или 60 миллионов долларов, то есть в два раза

** Q. Hui Wang, Q. Wang, N. Cai Liu. Building World-Class Universities, in China: Shanghai Jiao Tong University. Ph. Altbach, J. Salmi (eds). The Road to Academic Excellence, p. 35.*

меньше. Расходы на одного студента также остаются низкими и в среднем по стране (7000 долларов) и в ведущих вузах по сравнению с многими быстроразвивающимися странами, строящими университеты мирового класса (16 300 долларов в Шанхайском университете Jiao Tong University; 40 000 — в Национальном университете Сингапура). По структуре финансирования российские университеты зависят в первую очередь от двух основных источников: госбюджета (30% бюджета Университета им. Губкина, 57% в МИСиСе и 72% в Университете им. Баумана), а также платы за обучение. Другие источники, в том числе доходы от НИОКР, незначительны по сравнению с первыми двумя.

Многие проблемы централизованного управления не оставляют университетам свободы действий в принятии стратегических решений по использованию бюджетных средств

Наконец, управление предполагает независимость от государственных процедур (в плане развития человеческих ресурсов, закупок оборудования, финансового управления), его авто-но-мность, отбор менеджеров, независимый совет попечителей. Этот аспект быстро меняется в российских ведущих университетах: к управлению приходят новые команды, существует понимание важности и высокий спрос на обучение университетских менеджеров. Тем не менее многие проблемы централизованного управления не оставляют университетам свободы действий в принятии стратегических решений по использованию бюджетных средств или правил приема на работу. Бюрократические и административные процедуры, детальный контроль министерства по всем направлениям работы вузов накладывают ограничения даже на учреждения, получившие статус автономных.

Таким образом, с учетом вышеизложенных критериев и тенденций их внедрения на российской почве существует риск, что реформы российского сектора высшего образования останутся поверхностными и не приведут к ожидаемому успеху в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Программы университетов-лидеров амбициозны, но их средства недостаточны, учитывая отставание, которое предстоит наверстать, а стратегические решения не всегда сопровождаются созданием адекватных механизмов их реализации. Необходимо выявлять проблемные моменты и выправить курс, учитывая, что высшее образование в современном мире стало водоразделом между динамичными быстроразвивающимися странами и странами, рискующими остаться на периферии глобального образовательного пространства.

В конце 2012 года в издательстве РОССПЭН вышла книга Андрея Колесникова «Идея университета. Несколько эпизодов из жизни Высшей школы экономики». Рассказывая о работе над книгой, автор пишет, что «прожил внутри университета и вокруг него три года. Привык заходить сюда, обедать в студенческой столовой на Мясницкой, пересиживать паузы, образовавшиеся в течение дня, разглядывать студентов, приветствовать профессоров в коридорах, заходить в университетский книжный магазин «Бук Вышка», где уже стали принимать за своего. Изнутри лучше видны недостатки и в то же время различимы преимущества даже просто повседневной стороны жизни Школы. Эта повседневность, в том числе состоящая из поразительно содержательных людей, которые вот просто так встречаются здесь на лестничных маршах, и составляет главную привлекательную сторону Вышки.

Автор вращался в орбите ВШЭ как журналист далеко не первый год, и именно концентрация содержательных людей всегда была главной причиной того, что сюда имело смысл приходить за информацией и мнениями. Никакой другой вуз такой притягательностью не обладал. И никакому другому вузу не были так интересны журналисты, работавшие по профильным тематикам — экономике, социальным проблемам, политике. Ни в одном другом вузе ректор не звал журналистов для того, чтобы высказаться. Или даже — посоветоваться... Ни один университет столь неутомимо не искал своей модели существования, идеи, миссии.

Досадные мелочи не замечались. Они стали очевидными лишь при взгляде изнутри. Но не поменяли ничего в представлениях о Вышке. Скорее, наоборот, позволили разглядеть в ней прежде всего образовательное учреждение, а не мозговой центр, как это казалось при взгляде извне.

Моей задачей было попытаться вывести формулу идентичности инновационного университета и подготовить, всего лишь подготовить, материалы к биографии ВШЭ. Саму биографию — полную и исчерпывающую — писать еще рано. Для этого должно пройти еще десятка два лет. Надо дождаться процесса смены поколений преподавателей и исследователей и уже тогда оценить конкурентоспособность и преемственность успеха Вышки, значительную часть социального капитала которой сегодня составляют ее «верхние» люди и ее профессура.

Автору повезло: застать живьем период смены парадигмы в университете — нетривиальная находка для журналиста. «Мы добились всего, чего может добиться университет в России, — говорил мне его ректор Ярослав Кузьминов. — Теперь у нас новая площадка для конкуренции, новое поле для самоидентификации».

Вышка уже несколько раз за свою историю становилась другим проектом. ВШЭ в начале 1990-х не очень похожа на Вышку-2000, а между Высшей школой экономики 2004 года и сегодняшним университетом, получившим статус исследовательского и нанимающего западных профессоров, тоже немало различий. Хотя, разумеется, без Вышки-1992 не было бы Вышки-2012».

Предлагаем читателю несколько фрагментов из книги.

Андрей Колесников, ведущий раздела «Мнения и комментарии» «Новой газеты»

«Не для школы, а для жизни учимся»

Важнейшее историческое свойство идеи университета — она распространялась и воспроизводилась в средневековой Европе как благодаря подражанию, так и по причине недовольства тогдашних студентов, а иногда и «профессорско-преподавательского состава» порядками в «старых» структурах. Они снимались с места и перебирались в другой город. Так магистры Оксфорда основали Кембридж. Университеты были объединением, корпорацией по сути дела равных членов: universitas, согласно источнику римского права — Дигестам, это объединение людей или вещей. В раннесредневековой Европе члены корпорации (или коммуны и муниципалитеты) давали друг другу клятву верности — conjuratio. И это не просто этимология — именно так, в результате клятвы чле-

нов корпорации, исторически стали складываться старые европейские университеты.

Они формировали, устанавливали, распространяли иерархию наук и методы преподавания, которые, в свою очередь, благодаря университетскому духу развивались и революционизировали сами себя. Сначала был тривиум — грамматика, логика, риторика, тогдашний своего рода фундаментальный курс, Core Education, говоря «по-гарвардски». В Болонье, где университет вырос из юридических школ, был еще, что характерно, университет свободных искусств и медицины. Признание степеней, присуждаемых университетом, соответствовало признанию правомочности университета как такового. «Первые университеты воспитывали не столько профессионала, сколько активного субъекта культуры», — точно заметила петербургский ученый Елена Строгецкая в статье «Идея и миссия современного университета», опубликованной, что характерно, в вышкинском журнале «Вопросы образования».

Университеты, возникавшие уже на стыке XVIII–XIX столетий, преподавали в качестве базовой дисциплины философию и далее, как правило, медицину, юриспруденцию, теологию, готовя по тем профессиям, которые нужны государству и обществу, то есть сочетая «общечеловеческую» подготовку с утилитарной.

В начале XIX века возник гумбольдтовский университет в Берлине, который, пережив конкуренцию и кризис модели, в главных своих чертах, на новом витке развития университетской идеи, возвращается сегодня. И, кажется, альтернативы ему пока не найдено, несмотря на все общие рассуждения о «смерти университета» и его поражении в битве с новыми средствами социализации, например компьютерными социальными сетями. Что же позволяет гумбольдтовской модели воспроизводиться и реинкарнироваться?

Немецкие университеты, в противовес английским и французским, сохраняли большую внутреннюю свободу и автономию. Герман Гельмгольц, вступая в должность ректора Университета Фридриха-Вильгельма в Берлине, 15 октября 1877 года говорил: «Именно это свободное объединение самостоятельных людей, в котором как учитель, так и ученик не имеют иного интереса кроме любви к науке, где одни стремятся познать оставленные древними сокровища духовного образования, а другие — заронить в умах нового поколения искру того идеального воодушевления, что согрело их собственную жизнь, — положило начало университету, идея и организация которого основаны на полной свободе».

Это не помешало, однако, немецкому университету в тоталитарные времена проделать движение в противоположную сторону. Именно тогда Мартин Хайдеггер, вступая в должность ректора университета во Фрайбурге, произнес 27 мая 1933 года следующие слова: «Самоутверждение немецкого университета — изначальная, сообщная воля к его сущности. Немецкий университет для нас — та высшая школа, что принимает, дабы посредством дела знания вскормить и воспитать знанием вождей и охранителей судьбы немецкого народа». Примерно в той же логике осуществлялось становление университетского образования в сталинском СССР. Символично, что строительство главного здания МГУ курировал лично Берия, а проект утверждал Сталин.

Особой страницей в истории стало развитие высшего образования в постсоветские годы в России, когда происхо-

дили одновременная инфляция прежней советской университетской культуры, ее вырождение, профанация самого понятия «университет», девальвация прежних знаний, адаптированных к канувшему в Лету укладу жизни, и появление новых форм образовательных практик, внедрение, поначалу заимствованных, университетских инноваций. Один из результатов социальной трансформации последних двух десятилетий — Высшая школа экономики, образец современного российского социально-экономического исследовательского университета, инкорпорирующего еще и инженерную составляющую.

Развитие образования между тем идет еще дальше, и здесь, как и вообще в постиндустриальной экономике, трудно предсказать, где произойдет прорыв. (Именно поэтому ВШЭ де-факто движется к модели Массачусетского технологического института.) Например, в Финляндии, стране не только технологических, но и социальных инноваций, в январе 2010 года был образован новый университет, который при этом насчитывает... более сотни лет истории. Это — инновационный университет (во всех смыслах слова), возникший из слияния трех структур. В новый университет Аалто были инкорпорированы Хельсинкская школа экономики, Хельсинкский технологический университет и Университет искусства и дизайна, которые существуют либо с конца XIX, либо с начала XX века.

Целеполагание такой структуры, ставшей второй по размеру в финской образовательной системе и родившейся на стыке экономики, технологии и дизайна (то есть, иными словами, инновационных идей, их коммерциализации и «упаковки»), четкое и внятное. Аалто должен стать университетом мирового уровня в технологиях, бизнесе и промышленном дизайне в горизонте 2020 года. Междисциплинарность — ключевое слово в описании инновационного университета. Причем речь идет не только о соединении нескольких отраслей знания, но и о синергетическом эффекте науки, технологии и бизнеса. Второе ключевое слово — интернационализация исследовательской среды. Названия курсов звучат несколько нестандартно, что свидетельствует о перевороте в университетском мышлении. Например, «Знания, коммуникации и визуализация». Или курс, читаемый профессорами из нидерландского Делфта и Гарварда: «Как изменить мир: институты для устойчивых бизнеса, дизайна и технологий».

Бывший посол Финляндии в России Матти Анттонен мне разъяснял: «Главная идея университета — междисциплинарный и многоотраслевой подход к обучению и исследованиям, при котором представители разных специальностей работают вместе в “мастерских”. Финские компании рассчитывают на то, что выпускники Университета Аалто будут обладать знаниями нового типа, ведь там будущие инженеры и магистры искусств учатся под одной крышей. Новый университет назван именем знаменитого финского архитектора XX века Алвара Аалто, который в своей работе объединил дизайн и промышленное производство. Для финских зданий и дизайнерских объектов характерна функциональность: важным считается удобство их использования на практике. В Университете Аалто дизайн понимается в широком смысле слова, подразумевающем комплексное применение его принципов при проектировании городов и общественном планировании. В 2010 году Аалто уже попал в список 500 лучших университетов мира».

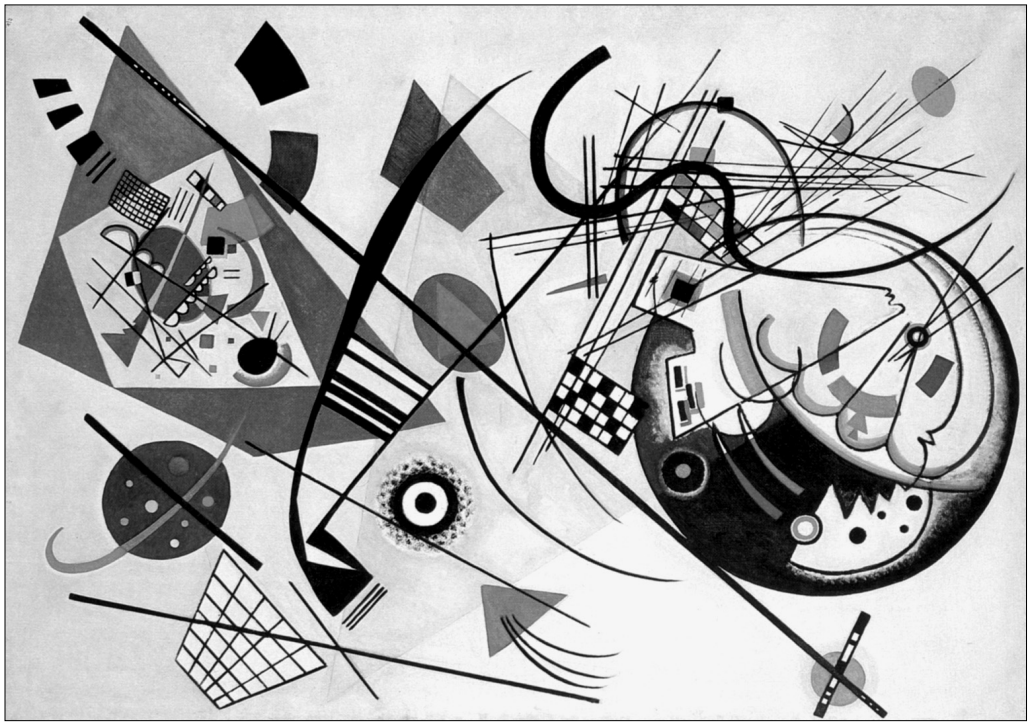
Вышка стала нестандартной инновацией в едва народившейся новой России. В стране, где царствовала политэкономия социализма и работала профессура с соответствующим бэкграундом, появление ВШЭ стало не просто инновацией, а взрывом, радикальным переворотом в системе образования. Но в странах с устойчивым развитием обновление в образовании выглядит на порядок более передовым и перспективным, чем в России.

Тем не менее и у Вышки, как и у Аалто, есть свое целеполагание, зафиксированное в программе развития вуза до 2018 года: «В 2018 году ВШЭ будет позиционирован как один из ведущих мировых центров в области социально-экономических наук и войдет в первые 200 вузов в международных рейтингах университетов социально-экономического профиля».

В самом названии Вышки есть что-то западническое. Наши люди свои вузы и втузы «школами» не называли. Здесь есть явный отсыл к Лондонской школе экономики, заведению с безупречной и отчасти «модной» мировой репутацией. Кажется, отцы-основатели ВШЭ копировали западные образцы, как это вообще было свойственно России в начале 1990-х. Или явным образом хотели конкурировать не только и не столько со своими, а сразу замахивались на то, что потом назовут «глобальной конкурентоспособностью». Впрочем, по воспоминаниям одного из основателей, имя школы произошло «от противного» — в 90-е годы старые институты и академии массово «надували щеки», переименовываясь в университеты. «Мы хотели отличаться от них, показать, что качество не связано с громким именем, и выбрали самое скромное название из всех возможных».

История Высшей школы экономики — это калька с истории постсоветской России. В 1992 году началась либеральная экономическая реформа, ее инициировало едва возникшее российское государство. В том же году был основан государственный вуз, чьей задачей было обучать новой экономике и формировать новую экономику. А затем — помогать строить институты государства, образовавшегося на руинах Советского Союза, и поставлять кадры для этой масштабной стройки. Что греха таить: новое высшее учебное заведение, которому предстояло очень быстро составить конкуренцию грандам российского образования, было либеральным по своим корням, своей сути, да и просто по человеческому материалу. В те годы президент Вышки Александр Шохин служил министром труда в правительстве Егора Гайдара, а затем работал вице-премьером и министром экономики. Научный руководитель ВШЭ Евгений Ясин — живая совесть либерального движения в стране, непререкаемый авторитет, причем не только научный, но и моральный. Ректор Ярослав Кузьминов — автор сразу нескольких либеральных реформ в стране. Хотя и не считает себя либералом: просто так получается в России — если реформа, то либеральная. А какая же еще?

Главная мотивация при создании Вышки — учить по-другому. «Не для школы, а для жизни учимся» («Non scholae, sed vitae discimus»), слоган ВШЭ, позаимствованный из Сенеки, — не просто красивая метафора. Советское образование для несоветской страны не подходило. Совковый savoir-vivre, умение жить по-советски, стремительно, обвально уходило в небытие. В стране с идеологизированным гуманитарным образованием никакого фундамента



Василий Кандинский. Сквозная линия. 1923

для обучения жизни в новых обстоятельствах не было. Зато обнаружились люди, которые готовы были учить и учиться, а главное — знали, как это делается.

Это вообще характерный феномен постсоветской России: страна была не очень готова к радикальным тектоническим переменам, но внутри нее органически формировались целые сообщества «новых» людей, подготовленных к проведению реформ и/или работе в капиталистической среде. Им было тесно внутри той Системы, и все ее последние годы они, по сути, находились во внутренней эмиграции, при этом пытаясь перенести свой мир, свои знания во внешнюю среду, чтобы тем самым среду радикально и фундаментально изменить. Руководство страны не решалось на реформы, но находились группы людей в разных городах, которые всерьез готовили сценарии этих реформ. И тем самым приближали перемены. Например, нельзя было преподавать настоящую экономику, но активные люди находили способы это делать. Как, например, Ярослав Кузьминов, в 1989 году создавший с коллегами и учениками альтернативную («немарксистскую») кафедру экономики в Московском физико-техническом институте.

Вообще ключевое слово в любых рассуждениях о Вышке — это люди. По большому счету, создать столь мощный вуз с нуля было невозможно. Если только не принимать во внимание качество человеческого материала ВШЭ и энтузиазм тех, кто занимался созданием нового учебного заведения.

На Вышку при ее зарождении и становлении работало гораздо большее число

людей, чем кажется на первый взгляд. Это был международный проект по вхождению России в свободный мир — проект, который надолго увлек десятки западных университетских профессоров. Это был проект первых российских правительств, создававших государство и экономику, требующих специалистов принципиально нового типа. Это был проект нескольких сотен российских профессионалов самого разного возраста, которые хотели быть востребованными, не боялись учиться и мечтали о стопроцентной реализации своих способностей и идей, применения которым у самых старших не находилось иногда несколько десятилетий. Проект ВШЭ стал «вторым дыханием» или даже «второй жизнью» для многих экономистов, перешагнувших сорокалетний рубеж и уже почти ничего не ждавших от своей карьеры, катившейся по стандартной советской колее.

На Вышку работало все лучшее, что было накоплено в российской экономической науке, она питалась интеллектуальной энергией ЦЭМИ, ИМЭМО, Института экономики РАН, МФТИ, МГУ, Плехановской академии, Новосибирского академгородка. Это проект с глубокими корнями и разветвленной кроной. Каждому этапу роста и становления соответствовал свой человеческий материал. Но накопление знаний и опыта было бы невозможно без тех, кто начал проект.

Не все из тех, кто начинал Вышку, в той же степени, что и раньше, влияют на процессы, происходящие уже не в маленькой сегодня Школе, а в большом университете. Но все они остаются или непосредственно в проекте или в его силовом поле.

Никакой сколько-нибудь заметной на мировом уровне экономической школы в Советском Союзе не было. Нет ее и сейчас. Зато колоссальный опыт переделки огромной страны, в которой принимала участие и Вышка с ее интеллектуальным и кадровым потенциалом, позволяет надеяться на возникновение такой школы. Возможно, это произойдет в стенах ВШЭ. Если, конечно, проект будет развиваться, и развиваться правильно, не теряя пассионарности и качества, которые были присущи ему в первые годы существования. Стагнация и инерционное развитие — тоже один из возможных сценариев. Но уже кажется, что Вышка — саморазвивающийся организм, воспроизводящий и накапливающий знания, смыслы и главное — людей, годных для того, чтобы создать настоящую научную школу, адекватную своему времени. Для этого нужен и штучный, и массовый «товар». Штучный — для того, чтобы создавать основы школы, массовый — чтобы ее поддерживать, воспроизводить и применять. Здесь, в России. Сказано ведь: «Не для школы, а для жизни учимся». Хотя в идеале — это одно и то же.

Высшая школа экономики получила деньги TACIS* и правительства Франции, традиционно активного в области культуры и образования за границей. Как и при Петре Первом, ее преподаватели заново обучались в Голландии, а из роттердамского университета Эразмус и из Сорбонны (Париж-1) прибыла профессура в Москву. Любая модернизация России начиналась с вестернизации. И экономическое образование не стало исключением.

** TACIS (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States) — образованная в 1991 г. Программа Евросоюза по содействию экономическим реформам в СНГ.*

Формирование системы качественного и адекватного современным условиям высшего образования соответствовало интересам государства. Во всяком случае, тогдашнего государства, представленного реформаторским правительством, «единственным европейцем», взявшим на себя бремя радикальной переделки огромной страны. В свою очередь, те, кто создавал Высшую школу экономики, нуждались в государственной «крыше». Основатели Школы и руководство тогдашнего кабинета министров двигались в этом смысле на встречных курсах. Собственно, и люди-то в правительстве и в будущей Вышке были одинакового склада, с одинаковым устройством мозгов, больше того, почти взаимозаменяемые. И те и другие понимали недостатки своего советского образования. А в команду реформаторов вошли выпускники московских, ленинградских, новосибирских вузов, которые были обязаны собственными знаниями... самим себе и своему интеллектуальному сообществу. По сути это были самоучки, по крохам собиравшие и добиравшие свое образование из доступных и малодоступных иностранных источников, из обмена знаниями с коллегами на открытых и подпольных семинарах и конференциях.

«В Советском Союзе отсутствовала экономическая школа в строгом смысле слова, — рассказывал в интервью для этой книги незадолго до своей безвременной кончины Егор Гайдар, человек, который подписал правительственное постановление о создании ВШЭ. — Блестящая российская экономическая школа была уничтожена в конце 1920-х — начале 1930-х годов, а в конце 1940-х разгромили еще остававшуюся ленинградскую школу. К 1960-м годам качественного экономического образования в России не было. Были островки, но не школы. В начале 1990-х мы понимали, что отсутствие российской экономической школы, российского экономического образования — это стратегическая проблема для страны, как, например, для Чили конца 1950-х. Создавать систему образования на базе существовавших экономических вузов было практически невозможно. Поэтому, как и в Институте экономики переходного периода, в Высшей школе экономики все начиналось с чистого листа». Конечно, без западного влияния в этой ситуации не могло быть движения вперед: экономическая наука просто импортировалась целиком и полностью из заграницы. «Не могу сказать, что мы стали “агентами влияния”, но без этого было просто не обойтись, — констатирует Ясин. — В стране должно было появиться поколение экономистов, которое говорило бы со всем миром на одном языке».

Начался период тотального «обучения учителей»: импорт программ, импорт преподавателей из Голландии, Франции, Великобритании, стажировки в западных университетах. И только к концу 1990-х отечественные преподаватели, рекрутированные из Академии наук и МГУ, которые в первые годы лишь процентов на 80–90 знали свой предмет, постепенно заместили западных, а кто-то из западных даже остался. Это было европейское образование — а как иначе, если деньги давали Европейский союз и Франция?

Кроме того, лекции будущим преподавателям, уже облеченным советскими научными степенями, но понятия не имевшим о том, чему учить в новой жизни будущих студентов, читали Револьд Энтов и Григорий Канторович. Первый — экономическую теорию. Второй — математику. Но откуда они

знали, что и как преподавать? Это долгая история...

У Вышки есть миссия. Причем вряд ли она сводится к той метафоре, которая еще несколько лет назад была чрезвычайно популярна: мол, мы готовим будущих миллиардеров и министров. На таком целеполагании университет не построить, хотя оно, возможно, и небезынтересно для абитуриентов и их родителей. Когда автор начал писать эту книгу, например, проблема воспроизводства академических кадров не была осмыслена и артикулирована в том виде, в каком это произошло к тому времени, когда работа над рукописью завершалась. И это вовсе не потому, что книга слишком долго вызревала, внутренняя логика развития университета, внешняя среда, изучение чужого опыта — все это подталкивает к определенного рода решениям. Промежуточный результат, который должен быть достигнут на этом пути, — международная конкурентоспособность. («Здесь есть основания для скромности», — посмеивается над самим собой ректор Вышки.)

.... «Задача воспитания заключается не в том, чтобы приготовить техника, инженера, механика или химика, — говорил в 1893 году министр народного просвещения граф Иван Делянов, — а в том, чтобы приготовить человека вообще... Много ли вы найдете родителей, которые скажут своим детям: учитесь, чтобы знать, и не думайте о выгодных местах? Другое же состоит в том, что задача классического воспитания заключается не в передаче знания языков, а в развитии мыслительных способностей ученика».

...Известно, что какое государство, таковы и отношения в обществе. Какое правительство, такие и губернаторы — вплоть до деталей внешнего поведения. Как ведет себя по отношению к чужой собственности высшее руководство, так поступают с гражданами и те, на чьей стороне сила на более низком уровне социальной иерархии. ВШЭ в этом смысле не на Луне существует и тоже несет на себе печать большого государственного стиля, укоренившегося в политике и экономике. Но университетская среда, если она настоящая, сопротивляется давлению этого стиля, и тогда, в идеале, университет влияет на государство в большей степени, чем государство на университет. В госструктурах и в бизнесе все больше выпускников Вышки и других соответствующих вызовам времени вузов. Возможно, это и спасет государство, как качественное образование в целом должно спасти страну.

Академические структуры чрезвычайно ревниво относятся к Вышке. Как правило, все начинается с идеологических претензий — этот мир все-таки остался в старой советской экономической культуре, которая так и не примирилась с тем, что профессиональный мейнстрим стал по преимуществу либеральным. К тому же эта культура в значительно меньшей степени, чем в РЭШ или ВШЭ, ориентирована на западные стандарты научных исследований. Раздражение, в том числе у весьма уважаемых и достойных людей из мира академических институтов, вызывает привлекательность Вышки и с точки зрения зарплат профессуры, и ее активной экспертной работы на власть, и интеллектуальных подходов. Почему они успешны, а мы нет? Чем мы хуже? Просто не оказались в нужное время в нужном месте? Не с теми дружили?

В этом, пожалуй, лейтмотив претензий к ВШЭ со стороны конкурентов. Что на самом деле странно, потому что судят даже не о качестве образования

Томас Шютте. Без названия (№ 9). 2001

или исследований, а о внешнем имидже и атрибутах успеха, как если бы они сами собой или только благодаря связям свалились на голову. Близость к «верхам» возникает только тогда, когда есть идеи, которые можно предъявить или их имеет смысл лоббировать.

Эта книга — не буклет, описывающий достоинства Высшей школы экономики. Не пособие для абитуриентов и их родителей — на этот счет есть другие источники. Не путеводитель по факультетам — их слишком много. И много еще разных «не». Включая сюжеты со стремительно меняющимися обстоятельствами: например, фрагмент о динамично развивающемся Бизнес-инкубаторе Вышки пришлось извлечь из повествования, потому что там все, в

том числе кадры, меняется чересчур стремительно.

Эта книга — о значимом фрагменте постсоветской социальной истории России. О тяжелом, но творческом процессе трансформации системы образования страны на фоне общеполитического и общеэкономического пейзажа с его реформами и контрреформами.

Специфика Вышки состоит в том, что она одновременно Центр управления полетами и космонавт. Инноватор и инновация. Реформатор и реформируемый. Сильно персонифицированная структура, накрепко связанная с несколькими знаковыми фамилиями, и в то же время уже самостоятельно живущий бренд и работоспособный механизм.

«Главное — впечатление», — говорил мне ректор Вышки в ответ на сомнения по поводу того, что можно адекватно не то что описать, а ухватить суть истории, идеи, устройства огромного, нового, находящегося в развитии университета. Он оказался прав, а главным впечатлением стали люди.

Странным образом средневековая формула Universitas magistrorum et scolarium, объединение учителей и учеников, наилучшим образом описывает тот модус существования, который ищет и нащупывает Вышка вот уже почти два десятилетия, совпавшие с историей новой России. Объединение для трансляции культуры и знания, необходимых для строительства справедливых и эффективных государства, общества, экономики.

В России это тяжелое и обременительное, сильно политизированное, требующее решительности и одновременно умения идти на компромиссы занятие. Начав, легко бросить. Продолжая, можно потерять драйв.

Ничего этого не произошло. Есть феномен лидерства. Есть готовность к постоянным изменениям. Есть критическая масса профессионалов, создающих университету репутацию. Есть развитие, адекватное современным вызовам и соответствующее идее университета в современной России.

Какая она, эта идея? Примерно такая, как описано в этой книге. Наследующая средневековому, гумбольдтовскому, советскому университетам. Формирующая образ нового университета. Питающаяся энергией небывалой трансформации огромной страны, которая делает попытку в несколько прыжков преодолеть пропасть между отсталостью и развитием. Не стесняющаяся заимствовать лучшие западные образцы и создавать свои собственные инновации и школы.

В этом смысле Вышка — инновационный университет. В том числе и потому, что аналогов Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики — по истории создания, устройству и масштабу внедрения образовательных инноваций — в России сегодня нет. Использованные технологии и принципы управления, сравнимое качество образования в стране встречаются. Но не в масштабе университета.

ВШЭ не только инновационный университет. У Вышки есть все признаки устоявшегося, если угодно, обычного, нормального университета. Если пользоваться формулой американского ученого Ярослава Пеликана, автора книги «Идея университета: переэкзаменовка (или — пересмотр)», ВШЭ выполняет все требуемые функции: «Развитие знаний через исследования», «Передача знаний через преподавание», «Распространение знаний через публикации».

*«Глагол будущего» — так называется том переизданных в Ставрополе философских, педагогических, литературно-критических работ **Я.М. Неверова** (1810–1893) и сочинений воспитанников Ставропольской губернской гимназии, директором которой он был в середине XIX века. По словам К.Э. Штайн, автора Предисловия к изданию, Ставропольская гимназия была в то время, возможно, лучшей в стране, учитывая, что Ставрополь был провинциальным городом южной окраины России, а образовательная система только начинала складываться. «Привел же в движение умы гимназистов Януарий Михайлович Неверов, просветитель, педагог, философ, литератор. Это имя должно быть вписано золотыми буквами в историю нашего богатого событиями, в том числе культурными, но всегда исторически неспокойного края (огнедышащий вулкан, как показала кавказская война конца XX века). Я.М. Неверов — член кружка Н.В. Станкевича, друг Грановского и Тургенева... Воспитание, считали члены кружка... — это преображение души, развитие разума, воли, чувства человека... То, что А.И. Герцен, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев воплощали в литературном творчестве, Я.М. Неверов претворял в жизнь, реализовал в конкретной деятельности... В развитии и преобразовании крайне отсталой в то время России главная установка делалась на образование, основанное на реальных достижениях европейской цивилизации».*

«Я.М. Неверов, вычеркнутый в советский период из истории педагогики и литературы за приверженность официальной доктрине, — пишет один из авторов тома В.М. Головко, — ныне воспринимается как выразитель той концепции культурного развития, которое имеет в виду общечеловеческие, цивилизационные идеалы. [...] В отличие от поколения интеллигенции 1860-х годов... он реализовался как творческая личность не в маргинальных слоях носителей культурных ценностей... а в парадигме национального развития, разрушенной насильственно в XX веке».

Современный человек многое почерпнет из биографии Я.М. Неверова и его трудов, заключает К.Э. Штайн, «но самое главное, из работ его учеников — конкурсных сочинений гимназистов. Они убеждают в подлинной действенности философско-педагогической системы Я.М. Неверова и преподавателей, его сподвижников, дают реальные примеры того, что может сделать образованный творческий педагог даже в самые неблагоприятные для просвещения времена, в тяжелейших условиях далекой окраины России».

*Автором перепечатываемого ниже одного из 19 сочинений гимназистов является **Александр Семенович Трачевский** (1838–1906), будущий известный историк России, который учился в Ставропольской гимназии с января 1850 года по декабрь 1855 года. За время учебы он трижды принимал участие в конкурсах на лучшее сочинение. Публикуемый текст был представлен на конкурс воспитанников VI класса гимназии 18 октября 1853 года, когда Трачевскому было пятнадцать лет, и удостоен первой премии.*

А.С. Трачевский — автор учебников для гимназий по истории России и всех периодов всеобщей истории, активный сторонник высшего женского образования. В Одессе вместе с женой Ю.А. Трачевской он создал подготовительные женские курсы для поступления в вузы, а также «Новую школу» с собственной прогрессивной программой. В 1886 году, в период контрреформ, эти учебные заведения были закрыты правительством.

*О значении синонимов в связи с вопросом об изучении языка**

Объяснение синонимов воспитание, учение, просвещение, образование

Слово дано человеку для выражения его мыслей и чувствований. Понятно, что человек, прежде нежели скажет какую-либо мысль, должен составить ее в своем уме; прежде чем словами выразить какое-либо чувствование, должен ощутить его в душе. Таким образом, язык народа, выражая его мысль и чувство, служит

** Глагол будущего. Под ред. д-ра филол. наук, проф. К.Э Штайн. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. — С. 249–251.*

вместе и выражением его национального духа, выражением, по которому можно узнать славные, преобладающие над другими силы духа, потому что народ говорит только то, что внушит ему ум или что кроется в душе его. Следовательно, изучая язык — способность, данную человеку для выражения мыслей и чувствований, — мы изучаем самую мысль и знакомимся с самими этими чувствами.

Уже такая тесная, неразрывная связь языка и мысли указывает нам, в чем должно заключаться и самое изучение первого. Не внешние формы и изменения слов, не совокупность сухих грамматических правил, не это поверхностное, школьное, но так долго бывшее в употреблении изучение языка должно быть крайнею целию наших усилий, а, напротив, изучение при помощи этих внешних средств тех внутренних законов, которые существуют в языке, потому что существуют в самом духе. А для такой цели что может быть полезнее языка отечественного? Вспомним, что давно уже один из мудрецов древности всю мудрость человеческую определил выражением «познай самого себя».

Это знание самого себя всего прямее и вернее достигается через изучение языка отечественного, ибо понятно, что, только узнавая мысль, дух своего народа, я как часть этого народа научаюсь непосредственно понимать свою собственную мысль, свои собственные силы.

Кроме того, при изучении языка мы, узнавая мысль народную, анализируем ее, замечаем, на какой степени совершенства находится она, сличаем с мыслию того же народа в предшествовавшие времена и таким образом составляем историю этой мысли, этого языка или литературы — историю, в которой видим и начальное образование языка, и весь ход дальнейшего развития его — это постепенное усовершенствование мысли народной.

Изучение языка отечественного в связи с иностранными ведет еще к большему результату, ибо оно дает нам возможность верно судить о степени нашего собственного развития, о богатстве и глубине наших идей.

В языке народа заключается и его история, и его характеристика; так, слово германца проникается стремлением к жизни духовной, нравственной; француза — приноровлено к обстоятельствам жизни... Что же вещает нам слово Русское? Моя мысль останавливается при этом вопросе; она при всем желании не может высказаться определенно, но чудится мне при этом и русская природа, и русская жизнь, и русская песня — все безмерное и необъятное, как безбрежный океан, как мир; и верится мне, что к великому и славному призван народ, наделенный столь необъятными силами физическими и духовными; все проявления духа человеческого, которые мы замечаем у других наций, суждено ему соединить в одно целое!..

Но не одни только общие законы и свойства языка достойны нашего внимания; каждое частное явление в языке, каждая его особенность может быть источником для разнородных суждений и выводов, более или менее важных и полезных уже потому, что они расширяют пределы и сферу нашей мысли.

Я намерен говорить не об общих свойствах языка русского, но для подтверждения своей мысли остановлюсь вниманием на одних только тех словах, которые, происходя от разных корней, имеют значение столь сходственное, что с первого взгляда иногда трудно заметить ту малую степень различия, которая находится между ними. Такие слова называются синонимическими, или подобнозначащими.

Хотя из большего или меньшего обилия синонимов можно заключать о богатстве языка, ибо бывает по нескольку синонимов на одно и то же понятие, т.е. несколько слов для выражения одной и той же мысли, но, однако, не должно забывать, что каждое из них, означая понятие, сходное с понятиями, которые означаются и прочими словами, в то же время заключает в себе какую-нибудь особенную сторону, какой-нибудь новый оттенок предмета или действия, не подмеченный мыслию в прежние времена.

В природе нет предметов, совершенно сходных между собою. Оттого-то, как ни сходны бывают иногда синонимы, какие близкие понятия ни означают они, но все-таки между ними существует различие. При этом еще прибавлю: часто слова, из разных корней происходящие и выражающие отдельные понятия, только отчасти родственные, к одному кругу действий и представлений относящиеся, так иногда сближаются между собою общим употреблением, что их также можно причислить к синонимическим. Не углубляясь мыслию нашею в смысл таких слов при быстром пролете их в нашем уме, мы часто без разбора употребляем их одно вместо другого. Но подобное безотчетное употребление не есть еще закон; и для того, кто на язык смотрит как на самый разум, перешедший в звуки, весьма полезно останавливаться своею мыслию на подобных явлениях, чтобы понимать, на каком основании внутреннее различие между словами сглаживается в употреблении, почему и когда оно может быть допущено и в чем оно действительно заключается.

Я останавливаюсь при этом на словах «воспитание», «учение», «просвещение» и «образование», которые иногда действительно смешиваются друг с другом в употреблении и которые мы вообще часто употребляем безразлично.

Я начну со слова «*воспитание*». Оно происходит от глагола «питать». Этот глагол означает действие физическое: давать пищу кому-нибудь. Понятно, что даем пищу, питаем мы того, кто сам еще не в состоянии найти или взять пищу, кто не имеет довольно сил для этого.

Если можно питать физически, то можно питать и нравственно, т.е. давать пищу нашему уму и сердцу. Пищею же ума может служить постоянное возбуждение его к деятельности, а пищей сердца служат те прекрасные примеры добродетели, при виде которых оно научается понимать и любить истину, благо. Следовательно, при самом начале жизни человека мы должны дать ему ту основу истины и блага, которою он руководствовался бы впоследствии. Оттого-то те начала добра или зла, которые были внушены человеку при его воспитании, почти всегда уже остаются преобладающими в его душе; их отпечаток отра-

жается во всех его поступках. Так, если человек с младенчества привык правильно и бескорыстно судить о предметах, если он постоянно имел пред глазами образцы добродетели и блага, то он навсегда сохранит здравый прямой ум и доброе сердце; этот ум и это сердце всегда выкажутся во всех действиях человека — и в его благородных манерах, и в самом лице, иногда и неправильном, но отражающем такую добродетельную приятность... И, видя его поступки, невольно скажешь: «Вот человек хорошо воспитанный!». Но если, напротив, человек постоянно видел и слышал одно только дурное, то он часто уже навсегда остается человеком порочным, низким — и самое лицо, эта вывеска души человека, вполне выкажет его характер, в самых глазах его вы прочтете порочность его сердца.

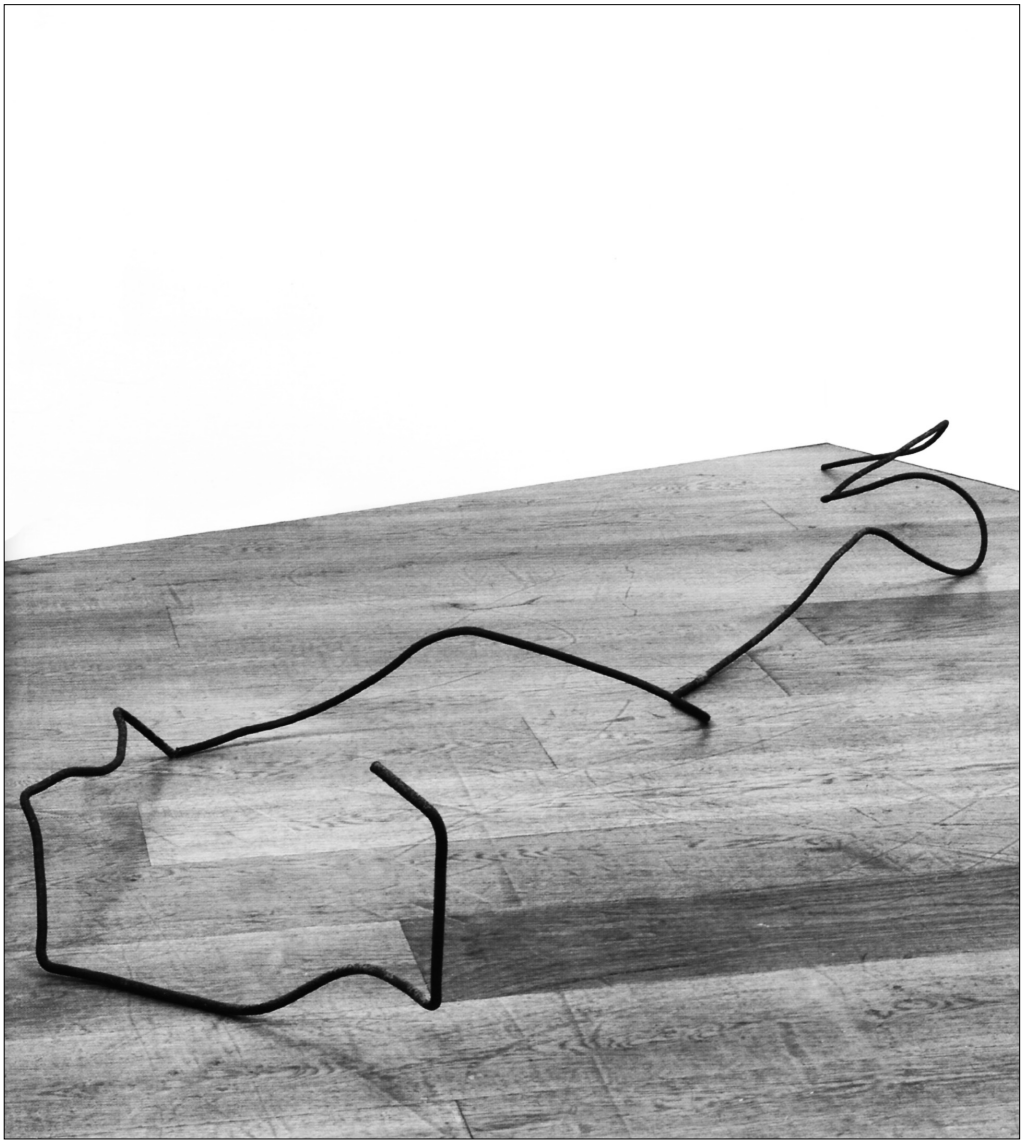
Таково, мне кажется, настоящее значение понятия, выражаемого словом «воспитание»; и если мы сравним его хотя бы с латинским «educatio» от «duco» — «веду», то не более ли глубокий, не более ли истинно человеческий смысл мы заметим в нашем выражении?

Но чтобы светлый ум, образовавшийся через хорошее воспитание, мог стоять против всех ложных мнений, против предрассудков, чтобы человек, хорошо воспитанный, мог заниматься полезною деятельностью и не отклоняться от прямого пути, ему показанного, для этого мало одного воспитания, нужно *учение*, которое обогащает человека познаниями, разнообразными сведениями, с помощию которых он становится в состоянии приносить существенную, благую пользу себе и другим. Учение, таким образом, изощряет те способности, которыми всеблагое Провидение одарило человека, подобно тому как мудрость изощряется превратностями и опытами жизни.

Продолжаю разбирать далее слово «*просвещение*». Оно происходит от глагола «светить». «Светить» так же, как и «питать», означает действие физическое: делать предметы ясными, видными для глаз. «Просветить» же значит сделать так, чтобы свет проникал по всем направлениям. Но в отвлеченном смысле «светить» значит «делать ясным наш ум и наше сердце, просветить ярким светом, озарить всю нашу внутренность, наш дух». Тогда, при этом светлом просвещенном уме, при этом чистом, светящемся радостным блеском сердце, человек способен верно, отчетливо понимать вещи; способен воспринимать в свою душу все светлое и прекрасное, он чужд заблуждений и предрассудков, этих спутников мрака и невежества.

Итак, не все равно сказать «человек ученый» и «человек просвещенный», ибо ученый — и тот, кто выучен чему-нибудь одному, какому-нибудь определенному знанию; ученый может и не иметь никаких более достоинств: он может обладать ясным взглядом на один известный ряд предметов и не быть в состоянии по достоинству ценить других, не подходящих к сфере его знания, но просвещенный должен иметь не только светлый, прямой ум, чуждый предрассудков, но и доброе сердце, прекрасную душу.

Гораздо высший и обширнейший смысл заключается в слове «*образование*». Оно выражает понятие об окончательном и самом высшем разви-



Карл Андрэ. 3-я часть изогнутой структуры. 1972

тии духа человеческого. Оно происходит от глагола «образовать», что значит «дать образ, дать вид чему-нибудь». Так художник куску мрамора дает вид божества, и та же, недавно мертвая глыба камня в новом образе наполняет наше сердце высоким божественным восторгом. Следовательно, «образовать» означает «дать не какой-либо произвольный образ предмету, но образ возможно лучший, возможно совершеннейший». Образование в этом смысле равняется созиданию: оттого-то, взирая на прекрасный лик Мадонны, мы удивляемся его совершенству, нас поражает и эта удивительная правильность в сочетании частей, и колорит красок, и этот свет божественности, которым облито, озарено чудное, бессмертное создание великого художника. Невольно спраши-

ваешь: откуда он берет эти черты для своего произведения?.. И видим, что напрасно было бы искать в природе подобного совершенного предмета, какой создает художник, а потому мы говорим: «Это совершенство, это идеал», — т.е. представление предмета самого совершенного, может быть, и не существующего в природе, но тем не менее истинного и действительного.

Переходя от искусств, в которых «образовать» значит дать совершеннейший, идеальный вид или образ предмету, и перенося это понятие к человеку как существу нравственному, мы заключаем, что «образование» выражает понятие о таком действии, при помощи которого дается совершеннейший вид, идеальный образ нашему духу, т.е. нашему уму, сердцу и воле... Образование человека, следовательно, имеет целию довести его ум до полной степени развития и совершенства во всех отношениях, т.е. чтобы сфера предметов, в которой он должен вращаться, была ему совершенно известна, чтобы он не односторонне или только один род предметов понимал как ученый, чтобы для него не только все предметы были ясны как для просвещенного, но чтобы этот совершенный ум и ясно, точно судил о предметах, и глубоко бы мог вникать в них, чтобы самая внутренняя, самая сокровенная сторона предмета была совершенно для него ясна, как и наглядный предмет; мало того, образованный ум должен еще понимать, видеть внутреннюю связь, эту гармонию между предметами, чтобы вся вселенная познаний не была ему чужда. Также «образовать сердце» значит произвести такое сердце, которое все прекрасное, все идеальное любило бы с одинаковою страстию, которое трепетало бы от радости и удовольствия при виде изящного, милого, сердце, которое всегда готово лететь к прекрасному с одинаковым желанием, а не такое сердце, которое прилеплялось бы к одному предмету, любило односторонне что-либо... Наконец, чтобы вполне «образовать» человека, должно еще дать совершенный вид его воле, т.е. сделать ее такою, чтобы она стремилась только к благу, к истине и удалялась бы от пороков и неправды.

Только при выполнении всех этих условий человек может быть истинным человеком в полном смысле этого слова, т.е. он будет приближаться к тому идеалу совершенства человеческого, который преподан нам в божественном учении нашего Спасителя.

Таким образом, отчетливое и сознательное изучение отечественного языка раскрывает перед нами всю полноту и богатство идей, заключающихся в неисчерпаемой сокровищнице нашего родного слова. И если мы убеждаемся в этом через изучение нашего языка, еще столь юного и свежего, то по справедливости можем заключать, к каким бесконечно разнообразным результатам духовного развития он призывает нас в будущем, ибо нет сомнения, что бесконечно разнообразное развитие суждено самою природою тому, кто заключает такую полноту и силу жизни еще в семени.

Будем же любить наш богатый и славный язык, в котором заключается и поучительное выражение настоящего, и многообещающий глагол нашего будущего!..

Можно ли школу рассматривать в качестве среды, формулирующей гражданские практики? И если да, то каков механизм превращения школьных «родительских стратегий» в гражданские практики? Эти вопросы ставила перед собой автор, анализируя результаты своего исследования, проведенного в 2004–2007 годах, поддержанного персональным грантом IFP-B-09-2. Рассматривая школу как часть городской среды, автор обращается к опыту французских исследователей взаимодействия городского и школьного пространств.

Татьяна Шманкевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник СПбГУ

«Родительские стратегии» и гражданские практики

Понятие «гражданские практики» я здесь наделяю процедурным содержанием, что позволяет рассматривать эти практики как состояние и поведение специфической части общества в контексте школьного образования.

Интерес к исследовательскому инструментарию французских коллег объясняется тем, что они, в отличие от российских ученых, накопили немалый опыт в изучении способов пересечения городского и школьного пространств. Несмотря на значительные отличия петербуржского и, например, парижского контекста, обращение к «чужому» теоретическому материалу, на мой взгляд, дает возможность не только лучше понять национальную специфику предмета, но и существенно расширить границы его исследования, вывести их за пределы локальных рамок. Это относится в том числе и к проблеме формирования и развития гражданского общества применительно к школьному образованию.

В качестве исследовательского объекта нами был выбран Приморский район г. Санкт-Петербурга, довольно неоднородный по социально-экономическим функциям, параметрам и демографическому составу жителей, включающий как престижные, так и обычные спальные микрорайоны. В качестве методов исследования мною были использованы биографические и лейтмотивные интервью с учащимися восьмых–одиннадцатых классов общеобразовательных школ района, лейтмотивные интервью с родителями, учителями, школьной администрацией, экспертные интервью с работниками отдела образования и муниципальными чиновниками, а также ана-

лиз школьных сочинений и когнитивных карт района, составленных старшеклассниками.

Чем был мотивирован выбор спального района в качестве исследовательского поля? Спальный район большого города интересен тем, что, являясь частью большого городского пространства, он имеет довольно четко выраженные границы, в рамках которых можно проследить, как формируется локальное сообщество. Источников его формирования может быть множество. В данном случае меня интересует, является ли оно результатом развития гражданских практик? И, если это так, можно ли рассматривать городскую общеобразовательную школу в качестве одной из порождающих сред локальных гражданских практик? Понятие «порождающая среда», предложенное социологом Олегом Яницким для изучения механизма воспроизводства гражданской культуры, подразумевает легитимную государственную или общественную среду, обладающую достаточными ресурсами для развития гражданских практик*.

«Периферийный район», «периферийная школа»

Существует гипотеза, разделяемая далеко не всеми, что в российском городе гражданские практики будут складываться в том числе и вокруг школ, организующих вокруг себя «новое» городское пространство.

Как часть городского пространства школа связана с ним многочисленными сетями. Здесь я не берусь рассматривать всю ткань взаимосвязанных функций, посредством которых взаимодействуют школа и город. Решение такой задачи требует значительной подготовительной работы, в рамках которой целесообразно составить вначале представление о тех отношениях, что складываются между школой и родителями. Это особенно актуально для спальных районов, отличающихся *невысоким индексом привязанности к месту жительства***. Сама маркировка «спальный район» предполагает нацеленность его жителей вовне, на большой город: там работа, досуг. В таких условиях семью с микрорайоном может связывать школа, в которой учится сын или дочь. Французская исследовательница Аньес ван Зантен для обозначения школ в спальных районах большого города вводит специальное понятие «периферийной школы» как маргинальной, отличной по своей сути и от школ городского центра, и от сельских школ***. По мнению исследовательницы, «периферийная» школа на окраине Парижа вполне соответствует местной среде.

Для спальных районов Санкт-Петербурга термин «периферийная школа» несет совершенно иные коннотации. Хотя в качестве стереотипа восприятия противопоставление «центральная — элитная, периферийная — отсталая» продолжает существовать. (Приведу пример: учащимся одной элитной

** Яницкий О. Забытая страница новейшей политической истории России // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2. — С. 126.*

*** Французский социолог Жан Рэми, анализируя привязанность горожан к месту проживания, использует понятие «индекс привязанности к месту жительства», среди критериев которого особо выделяет удаленность или близость к месту работы (Rémy J. Persistance de la famille étendue dans un milieu industriel et urbain // Revue française de sociologie. 1967. Vol. VIII. No 4. — P. 495).*

**** Van Zanten A. L'école de la périphérie. Scolarité et ségrégation en banlieue. — Paris: Presses universitaires de France, 2001. — P. 3.*

санкт-петербургской гимназии был предложен социологический проект, в рамках которого они были должны взять интервью у ребят «обычной» школы в «обычном» спальном районе. Проект вызвал у ребят интерес, но и большое напряжение; они воспринимали этот визит в периферийную школу как выход в «другой» мир. Это стало для них шоковой терапией, только с обратным знаком. Они были поражены, отмечая, что ремонт в школе сделан лучше, «чем у них»; что по школе чинно разгуливают «маленькие буржуа» (их выражение), одетые в костюмчики (обязательные пиджак и брюки для мальчиков, пиджак и юбка или брюки для девочек), чего опять-таки в их гимназии нет. Как правило, администрация периферийных школ «в борьбе за своего ученика» вынуждена выискивать всевозможные ресурсы, работающие на имидж школы.

Между тем очень многое определяется разницей в районировании двух мегаполисов. Для Петербурга, в отличие от Парижа, не характерно жесткое соответствие элитного района элитной школе. Другая отличительная особенность наших спальных районов — постоянное развитие новых функций. В результате название «спальный» становится скорее номинальным, поскольку район удовлетворяет горожанина не только в его потребности в жилье, но все больше в его потребности в работе и отчасти в досуге. То есть уходит жесткое противопоставление центральных и периферийных районов, город становится более полицентричным. Сегрегирование происходит скорее внутри самого района. Поэтому для маркировки микрорайона как удобного или неудобного, кроме степени развитости инфраструктуры, немаловажную роль начинает играть наличие «хорошей» школы*.

«Стратегические родители»

Французские социологи предложили в качестве инструмента анализа способов пересечения городского и школьного пространства понятие «сколяризация» (la scolarisation), которое можно определить как поле (или правила) игры, в которую включаются различные участники процесса школьного обучения**. Один из уровней изучения сколяризации — взаимовлияние школы и родителей. Поскольку мне интересно понять механизм превращения школьных родительских стратегий в гражданские практики, в своем исследовании я намеренно ухожу от дискуссии вокруг неблагополучных семей, равнодушия к школьным проблемам и делаю акцент на анализе феномена так называемых стратегических родителей (термин, предложенный Аньес ван Зантен).

«Стратегические родители» — это родители, обладающие одновременно и желанием, и достаточными ресурсами для активного участия в процессе обучения своего ребенка. Аньес ван Зантен, анализируя феномен «стратегических родителей», проживающих в спальных районах Парижа, отмечает, что первоначально их выбор был однозначно ориентирован на обучение их детей в престижных школах,

---

** См., например: Шманкевич Т. На краю города: от различий к сегрегации // Вестник Евразии. 2003. № 4 (23).*

*** См.: Bautier É., Charlot B., Rochex J-Y. Entre apprentissages et métier d'élève: le rapport au savoir // L'école, l'état des savoirs / Éd. A. Van Zanten. — Paris: La Découverte, 2000; Briand J.-P., Chapoulie J.-M. L'institution scolaire et la scolarisation: une perspective d'ensemble // Revue française de sociologie. 1993. Vol. XXXIV. No 1.*

расположенных в престижных районах города. Однако со временем, замечает она, приходит понимание, что подобный выбор не ограждает детей от влияния социальной среды по месту жительства. В результате среди родительских стратегий появляется иной тип поддержки публичных школ по месту жительства, так называемые *резидентские проекты сколяризации*, цель которых — поиск «контекстов социализации вне школьного учреждения»*.

По инициативе родителей в «периферийных» школах создаются «элитные» классы. А главное, сами родители через участие в школьных советах пытаются влиять на ситуацию в школе, а через нее — на ситуацию в районе. Более того, ван Зантен описывает случаи, когда родители, придерживающиеся прежней стратегии выбора учебы в престижных школах городского центра, отстаивают право входить в местные родительские ассоциации, чтобы через них влиять на локальное сообщество. Такое небезразличие, по ее мнению, обусловлено родительским стремлением «облагородить» социальный контекст проживания, «ограничить деградацию учреждений района» и тем самым обеспечить лучшие условия социализации своего ребенка.

Примечателен дискурс различения родительских стратегий во французской литературе как дилеммы между «хорошими родителями» и «хорошими гражданами». Выбор в пользу резидентских проектов сколяризации, то есть обучения ребенка по месту жительства при активном участии родителей в преобразовании локального образовательного пространства, как представляется, как раз случай совмещения этих двух ролей.

Анализ петербуржского примера: общие закономерности или формальное сходство?

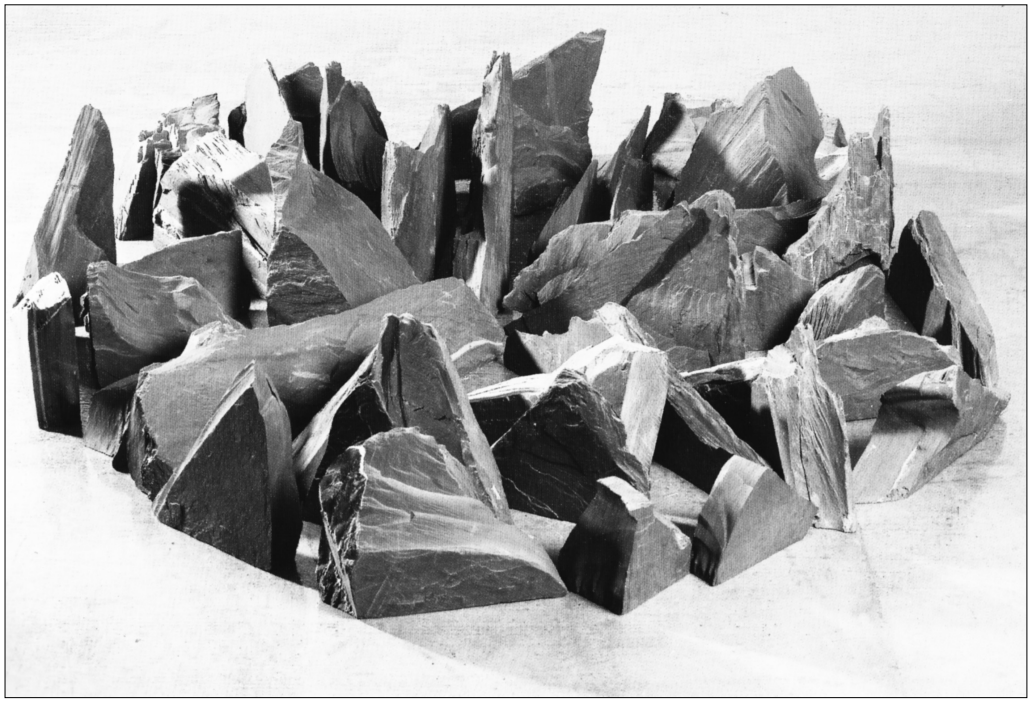
Социологическое исследование, проведенное в Приморском районе Санкт-Петербурга, на первый взгляд, напоминает картину, нарисованную Аньес ван Зантен. При анализе образовательных тактик «стратегических» родителей, проживающих в спальном районе города, также выделяются два основных родительских сценария: «возить» сына/дочь в престижную элитную школу или определить в «элитный» класс в обычной школе по месту жительства. Возможности для этого в районе есть: практически все общеобразовательные школы имеют классы с углубленным изучением того или иного цикла предметов, отличающиеся как учебной программой, так и социальным составом учащихся. Но их появление, в отличие от рассмотренного французского случая, — это не результат гражданской инициативы родителей, а скорее эффект конкуренции школ.

Формально здесь задействованы те же акторы: 1. Школа, которая стремится выжить, а для этого найти свою нишу в потребительском образовательном рынке; 2. Государство, которое своей официальной политикой одновременно и толкает школу на активные действия, и легализует их; 3. Родители, выступающие в качестве потребителя образовательных услуг и своим выбором конституирующие городское образовательное пространство. Если же говорить о взаимодействии обозначенных акторов, сходство ситуации в Париже и в Питере становится номинальным.

Вопреки декларации своей открытости школы в исследуемом нами районе Санкт-Петербурга даже внешне пред-

---

* *Van Zanten A. L'école de la périphérie… p. 6.*



Ричард Лонг. Круг из красного сланца. 1985

ставляют собой бастионы, отгороженные от городского пространства пропускной системой с домофонами и видеофонами. Большинство родителей признают временный характер таких мер. «Стратегические родители» также демонстрируют свою готовность понять и многое принять в школьной практике. «*Мы же понимаем, что это в интересах безопасности наших детей и что сейчас иначе нельзя*». Но любое понимание имеет свои пределы. Отрицается не сама мера безопасности, а то, как она реализуется. Рефреном звучит во всех взятых мною интервью: *«Ходить в школу — одно унижение»,* потому что *«никто нас в школе не ждет, а с этой охранной системой туда так просто не попадешь»*.

Для «стратегических родителей» финансовый режим школы материально, как правило, не обременителен. Тем не менее и при ответе на вопрос по этому поводу явно чувствуется раздражение, часто скрывающееся под видом иронии: «*Свидетельство, что наш Костя учится в школе, — вот подколотые квитанции об оплате охраны школы*». Финансовым вопросам, по словам родителей, посвящена большая часть родительских собраний. Отец одной одиннадцатиклассницы и в этом пытается отыскать положительный момент: проходят (собрания) быстро, по-деловому, такая экономия времени. Более характерно, однако, дистанцирование от того, что происходит за школьными стенами. «*Школа сама по себе, семья сама по себе, в лучшем случае между ними нет конфликта...*».

В каком-то смысле местом встречи школы с городом становится местный «Макдоналдс» или какое-то другое кафе, куда бегают учащиеся на переменах, предпочитая подобный городской

общепит школьной «столовке»; а также территория школьных стадионов, где жильцы близлежащих домов выгуливают собак и куда ветер из расположенных рядом контейнеров приносит городской мусор. Для прочих контактов с городом школа, как правило, закрыта, и, как ни парадоксально, в том числе для контактов с родителями. Традиция встречи с учителем один раз в четверть на родительском собрании в некоторых школах изменена на раз в месяц и именуется теперь «Днем открытых дверей». Это событие предполагает получасовые родительские собрания по классам, а затем свободное хождение родителей по школе, где в этот день кроме классных руководителей должны присутствовать все учителя-предметники, готовые дать необходимые разъяснения. В другие дни проникнуть на территорию школы родителям довольно сложно. В каких-то школах их просто не пускает охранник, если нет заранее полученного разрешения. В других школах дают понять, что ты отрываешь людей от работы.

Родители как важнейшие участники процесса сколяризации проявляют инициативу, как уже было отмечено, выбирая для своего ребенка школу, а часто конкретный класс или даже определенного учителя, особенно если речь идет о начальных классах. Выбор школы по месту жительства в таком контексте обусловливается не заботой о локальном сообществе, а соображениями своего удобства. На этом родительская инициатива участия в процессе сколяризации, как правило, заканчивается. Правда, в школах существуют родительские попечительские советы, но их деятельность зачастую номинальна — это просто механизм легализации родительских денежных «сборов».

Таким образом, казалось бы, нет никакого основания рассматривать родительские практики в качестве гражданских. Но, как показывает исследование, не все так однозначно. Учителя в своих высказываниях в адрес родителей начинают уходить от бескомпромиссного «*Им ничего не надо*» и отмечают, что заинтересованных и деятельных родителей становится все больше.

Интересен в этом контексте так называемый случай «новых мам». Позволю себе привести небольшой отрывок из интервью с матерью ученика первого класса: «*У нас, знаете, такая, что ли, неформальная инициативная родительская группа сложилась еще с детского сада. Такие активные молодые мамы, они нигде не работают и очень активно занимаются своими детьми. На машине их привозят в школу, на машине забирают. Домохозяйки. Но такие... я сказала бы, нового типа. Очень дотошно пытаются вникать во все детали школьной жизни. Особенно в учебную программу, чтобы сильным был, например, эстетический цикл. Один раз даже сами нашли и пригласили специалиста, чтобы он с нашими детьми занимался. Но администрация согласилась его услуги оплачивать, если он на всю параллель, а не только на наш класс согласится. А это такой высококлассный специалист и очень востребованный. На два часа в неделю он еще согласился, а на большее количество часов, да еще раскиданное по разным дням недели, он не пошел, это ведь не основная его работа. Поэтому ничего у нас не получилось*».

Складывается впечатление, что школа не готова к появлению нового энергичного актора. Между тем «новые мамы» — типичный случай «стратегических родителей», которые не довольствуются только наведением справок о школе, куда отдают своих детей, и сдачей регулярных денежных взносов. Эти мамы обладают значительным ресурсом, и не только материальным, но и, что более важно, ресурсом време-

ни, чтобы принимать активное участие в школьной жизни своего ребенка. Школа же, как правило, упрекающая родителей за пассивность, к такому напору оказывается не готовой. Метафоричен в этом плане ответ завуча по начальным классам на одну из инициатив «новых мам», из приведенного выше интервью: «*Да ну,* — говорит завуч, — *у нас тут так чисто, а они придут в своей грязной обуви, убирай потом за ними!*».

Между тем ситуация постепенно меняется, так как не может оставаться «закрытой». Появляются учебные программы, мотивирующие родителей на вовлеченность в образовательный процесс, когда каналом «обратной связи» с ними выступает не ученический дневник, а родительское участие в школьных, в том числе учебных, мероприятиях. Как пример: программа безоценочного обучения в классах начальной школы. В традиционных школьных программах оценка выступает в роли регулятора не только отношений между учеником и учителем, но и между школой и родителями, являясь основным информационным каналом, показывающим, как обстоят у ребенка его школьные дела. Безоценочная программа обучения предполагает совершенно иной сценарий отношений между школой и родителями, непосредственный контакт родителей с учителями, родительское участие в различных школьных делах.

Наряду со старыми каналами связи школы с местным сообществом (например, использование школ в качестве материальной основы избирательных участков) появляются новые. Нормой становятся, в частности, платные спортивные секции для жителей микрорайона.

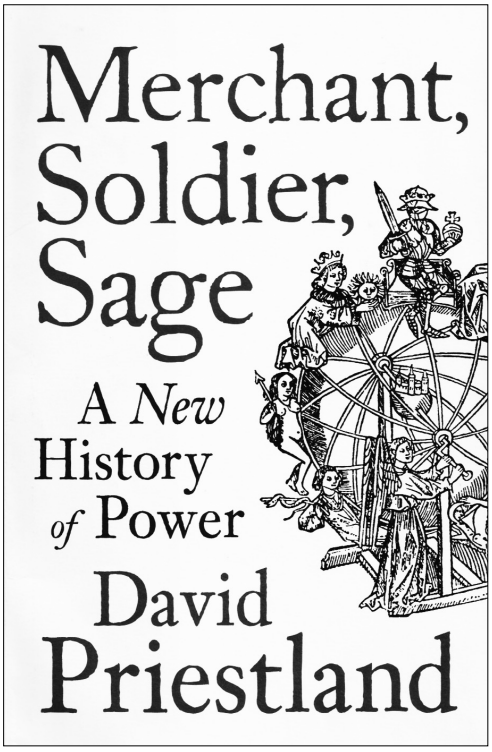
Следует отметить, что через развитие родительской активности пытаются вносить свой вклад в формирование единого локального пространства и муниципальные депутаты Санкт-Петербурга. Если раньше забота о «своем» участке проявлялась у муниципалов в основном в его благоустройстве, озеленении, организации конкурса на лучшую детскую площадку и прочее, то теперь приходит понимание, что район — это не только физическое пространство, но и социальное, фактор, без учета которого любые нововведения будут обречены на провал. Поэтому представляется актуальным появление в практике петербуржских муниципалов социальных программ, нацеленных на формирование чувства сопричастности своему району, создание нового имиджа локальности. Среди них, например, программа «Родители как первые учителя» — образовательный проект, в который вовлечены разные социальные структуры и службы района, но при этом центральное место отводится школе.

Как показывает проведенное мною первое исследование, школа продолжает оставаться довольно закрытым и консервативным пространством. Но возникает парадоксальная закономерность: чтобы выжить и найти ресурсы для развития, школа сама вынуждена заявлять о себе как важном ресурсе для развития микрорайона. Эта активность отлична, скажем, от благотворительности в ситуации благополучия. И это типичный пример того, как постсоветская среда, хотя и сопротивляясь, все же вынуждена не просто заявлять о себе, но становиться средой, порождающей новые гражданские практики, чтобы выжить в условиях конкуренции.

Продолжение следует

Маркс вверх ногами, Или как вернуть мудрецов к власти

Priestland, David. Merchant, Soldier, Sage: A New History of Power. — Allen Lane, 2012. — 352 p.



Хорошо опробованный способ понять современность — сделать шаг назад и взглянуть на сегодняшний день через призму истории. Можно отойти и на десяток шагов, и на сотню, главное не уйти слишком далеко. Нужно, чтобы предметы и люди все еще были бы различимы.

Историк из Оксфорда Дэвид Пристланд, стремясь понять, насколько глубок кризис Запада и где искать выход, отступил на сотню шагов. В книге «Купец, воин, мудрец: новая история власти» (Merchant, Soldier, Sage: A New History of Power) он представил мировую историю как бесконечную, столетиями длящуюся конкуренцию сословий.

Военно-аристократическая элита, как правило, в союзе с мудрецами духовного звания, господствовала на протяжении большей части истории. Ценности этого сословия — патриотизм, агрессия, дисциплина. Купеческое сословие до нового времени в основном находилось в подчиненном положении — ему позволяли существовать и поставлять материальные ценности господствующему классу. Восхождение купца-капиталиста к власти, а вместе с ним и его ценностей (эффективность, свобода потребительского выбора, космополитический взгляд на мир) началось в Нидерландах и Англии XVII века. Распространившись вместе с промышленной революцией и глобализацией торговли, ценности капиталиста и сегодня доминируют в мире. Третье сословие — мудрецы, интеллектуально-духовная элита — когда-то было представлено философами и средневековыми монахами, а сегодня технократами и экспертами. Мудрецы тоже ценят эффективность, но под эгидой государства, а не частного бизнеса. Это бюрократы и государственные деятели, призванные действовать в интересах общества, сдерживая и

политическую агрессию воинов, и экономическую агрессию купцов-капиталистов. Такова общая, прямо сказать, не очень сложная схема.
Борьба между кастами, доминирование одних, подчиненное состояние других, союзы и конфликты между ними есть «локомотив истории», берется утверждать Пристланд. Слишком ярко выраженное господство одной касты, как правило, ведет к кризису. И наоборот, гармония в отношениях между как минимум двумя сословиями помогает обществу пройти через политические и экономические испытания.
К примеру, рынки лучше всего работали на общество в тех местах и в те времена, когда значительную роль, помимо купца, играли мудрецы-технократы. Таким временем, считает Пристланд, был золотой век послевоенного роста и развития: 40-е, 50-е и 60-е годы XX века на Западе. Это были времена, когда купец-капиталист, потерявший легитимность после глобального кризиса 1930-х, оказался под контролем мудреца, научившегося координировать рынок. Именно те страны, которые сохранили верность ценностям «координированного капитализма», — Германия (в христианско-демократической версии) и страны Скандинавии (в социал-демократической версии) — лучше других переносят сегодняшний экономический шторм. Сравнительно хорошо выглядят и те культуры, где роль мудрецов была исторически значительной. Конфуцианская традиция, а это традиция мудрецов-государственников, помогла феноменальному экономическому рывку Китая, уверен Пристланд, а ранее — развитию «азиатских тигров» и, еще раньше, Японии эпохи Мейдзи.
Проблемы начались после того, как послевоенный экономический миропорядок, заложенный авторами Бреттон-Вудских соглашений 1944 года и закрепленный созданием Международного валютного фонда и Всемирного банка, распался в начале 1970-х годов. Именно тогда, с отказом от золотого стандарта и других договоренностей 1940-х, завершился послевоенный период господства мудрецов. Мудрецы, например создатели многосторонних глобальных институтов Гарри Декстер Уайт и Джон Мейнард Кейнс, архитекторы Европейского экономического сообщества Робер Шуман и Жан Монне, ушли со сцены.
После кризиса 1970-х годов купец-капиталист, под чьей властью мир живет вплоть до сегодняшнего дня, вышел из-под контроля и навязал обществу свою идеологию «эффективного рынка» и «акционерного капитализма». Тройственный кризис, симптомы которого — стагнация, неподъемное долговое бремя и международные дисбалансы (гигантские торговые дефициты у одних стран, профициты у других), стал неизбежным следствием господства купца, уверен Пристланд.
Свобода от указующей руки мудреца позволила банкам вывести ресурсы из производительных отраслей, создала почву для возникновения рыночных пузырей и дала возможность банкирам соблазнить граждан западных стран дешевыми кредитами, загнав миллионы людей в безвыходные долговые тупики. Все это делалось под флагом экономического роста как абсолютной ценности. В современном западном обществе замедление роста может привести к обострению неравенства, уси-

лению социальных конфликтов и, конечно, к провалам на выборах, пишет Пристланд. Господство ценностей капиталиста поддерживается политически, а значит, мудрец не просто удален с тех позиций, где принимаются решения, а состоит в интеллектуальной обслуге у купца.

Купеческое правление редко заканчивается революциями, революции — удел правлений воинов и мудрецов. В случае с купцами система разрушает себя сама: рыночные силы, вышедшие из-под контроля разума, рушат экономические и политические основы жизни — так было в эпоху Великой депрессии, так есть и сейчас.

Пристланд — специалист по русской и советской истории и потому формулирует вопросы вполне по-нашему: нет спора, говорит он, о том, «кто виноват?» (вопрос Герцена). Виноват купец-капиталист, создавший ситуацию, в которой он сам больше не является решением, только проблемой. Есть спор о том, «что делать?» (вопрос Чернышевского). Автор книги уверен, что сегодняшний ответ на «вопрос Чернышевского» таков: нужно ограничить купца в свободе влиять на мировые процессы и вернуть на капитанский мостик мудреца.

Тут начинаются тонкости, и модель трех сословий перестает быть простой и начинает рассыпаться. Элиты, считает Пристланд, должны бороться за влияние на трудящееся сословие, которое в книге описано минимально. При этом не всякий мудрец годится на роль нового лидера. Китай управляется вроде бы правильным союзом — союзом купца и мудреца, но это купцы «жесткого» типа и мудрецы-государственники (например, Си Цзиньпин), а не созидатели (такие как Обама). На Западе похожий союз выглядит иначе, поскольку это купцы «мягкого» типа, настроенные на создание стоимости, а не на передел ресурсов, и мудрецы-созидатели.

Пристланд сразу оговаривается, что вмешательство мудрецов не должно быть прямым. Оно должно быть косвенным и многообразным, принимая форму обучения, образования, социальной поддержки. Из книги не очень ясно, каким образом мудрецы придут к власти. Автор уверен в одном: ситуация заставляет нас пересмотреть господствующее в мировой политике «купеческое» мировоззрение, а именно идею экономического роста, который подпитывается конкуренцией за производство все большего и большего количества потребительских товаров. Чтобы помочь переосмыслению, Пристленд предлагает перенести центр встреч мировой элиты из ненавистного ему Давоса в непальскую деревню Нагаркот. Давос дискредитировал себя, уверен Пристланд, это сообщество проигравшихся купцов и их интеллектуальных слуг, виновных в нынешнем кризисе. Нужно ехать в Непал: общему делу помогут чистый воздух, сказочные виды Гималаев и близость границ Индии и Китая, двух двигателей современной мировой экономики. Что еще поможет делу — пока не ясно.

Провозгласить новый период господства мудрецов легко, сделать его реальностью — трудно. Упомянутый выше послевоенный золотой век был почти чудом, признает сам Пристланд. Союз капиталиста и интел-

лектуала в 1940-е годы состоялся, поскольку был вынужденным. Он был вызван к жизни трагедией Второй мировой войны и осознанной мудрецами Запада опасностью скатывания европейской цивилизации в левизну и хаос: отсюда и план Маршалла, и Европейский союз. Сейчас все по-другому: профсоюзы давно не у дел, коммунизм как внешняя угроза отсутствует, а кризис 2008 года оказался не настолько сильным, чтобы напугать мир. Политический мейнстрим по-прежнему враждебен идее государственного координирования рынка. Но альтернатива такому союзу — возвращение к власти лидеров-воинов.

Автор сравнивает сегодняшний Китай с веймарской Германией и говорит, что необходимое миру замедление роста в Китае и снижение уровня жизни в США — крайне взрывоопасные политические цели. Именно поэтому Пристланд сравнивает сегодняшний момент с периодом 1930-х. Год 2008-й, так же как и 1929-й, поставил мир на путь, ведущий к потенциальному конфликту: «Международные и внутриполитические силы, которые стали причиной кровопролития 1940-х, снова вошли в мировую политику, пусть и в зачаточной форме».

Притом что в общих посылках и выводах автор убедителен, его рецепты крайне расплывчаты. Новая «кастовая» конфигурация — глобализованный культурно-либеральный «созидатель» и мягкий «купец» — должна вступить в силу, но она явно не случится сама собой и сразу во всем мире. Положение всюду разное: в Китае главенствует союз, как мы говорили, купца и государственника, а в России купец давно отступил и стал жертвой союза воинов и государственников.

При всех оговорках книга — или «эссе», как называет свой текст сам автор, — увлекательная. Русскому читателю книга будет интересна, поскольку в ней — необычно для западного историка, занятого большими обобщениями, — много России. Опыт изучения русской истории не мог не повлиять на автора. Сама выбранная им сословная структура анализа близка нам, ведь российское общество столетиями было сословным, а по мнению социолога Симона Кордонского, остается таковым по сей день.

Слабость книги в том, что она предлагает абстрактное и «элитное» видение мировых процессов и решение тоже предлагает вполне схематическое. В каком-то смысле это Маркс наоборот. Пристланд предлагает смотреть не на большинство — на борьбу классов, а на меньшинство — на борьбу господствующих социальных групп, но сохраняет при этом выраженный левацкий угол зрения.

Панорамный взгляд на историю, попытка вычленить процессы, длящиеся десятками и сотнями лет, — и интересная и опасная игра. Упрощения при таком взгляде неизбежны, а выводы уязвимы. Но такие игры полезны, ведь только держа в голове общую картинку, мы можем избежать узости нашего личного опыта. Автор, сделав свои сто шагов назад и разглядывая общий план, ушел далеко, но не слишком далеко. Предметы и люди в его книге видны плохо, но все-таки различимы.

Максим Трудолюбов

Региональное книжное обозрение

Национальная политика Российской Федерации и формирование гражданской ответственности: вызовы XXI века: Материалы научно-практической конференции, 18 октября 2012 г. / Отв. ред. О.В. Кузнецов. — Чита: Экспресс-издательство, 2012. — 144 с.

Основы правового регулирования межнациональных отношений в современной России закладывались в 1990-е годы. Россия является многонациональным государством, что закреплено в преамбуле Конституции Российской Федерации.

В 1996 году принимается Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909)*.

В нулевые годы государство неоднократно возвращалось к проблеме межнациональных отношений во многом из-за событий в Беслане (2004), Кондопоге (2006) и на Манежной площади в Москве (2010). В обществе разворачиваются дискуссии о проблемах мирного сосуществования национальностей. Ответом на них становится программная статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос»**. 7 мая 2012 года В.В. Путин подписывает Указ Президента Российской Федерации № 602 «Об обеспечении межнационального согласия»***. Спустя полгода была принята «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666)****. Эти документы являются основной нормативной базой современной государственной национальной политики в России.

Проект Стратегии, разработанный рабочей группой Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, был направлен на экспертизу в субъекты Российской Федерации, в том числе и в Забайкальский край.

Тематически сборник можно разделить на два блока.

Первый блок посвящен анализу проекта Стратегии (в принятой Стратегии большинство высказанных на конференции замечаний и предложений учтено), национальной политике и развитию гражданственности в Российской Федерации.

В Стратегии систематизированы актуальные проблемы, подходы, цели и механизмы гармонизации национальных отношений. Подробно разработаны положения о мерах поддержки национальных культур, затронут вопрос о работе с соотечественниками и социальной адаптации иммигрантов. Достоинства Стратегии не отменяют видимых недостатков: эклектики парадигм, понятий, нечеткость некоторых трактовок; попыток решения множества задач, накопленных за годы отсутствия профильного государственного органа и зачастую неэффективного реагирования на вызовы современности в сфере национальной политики.

Предлагаемые методы реализации Стратегии сводятся к пропаганде дружбы народов и контролю/надзору. Доминирующее слово в документе — *безопасность*, что значительно обедняет весь спектр задач национальной политики.

** Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 3010.*

*** Независимая газета. 2012. 23 января.*

**** Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2339; Российская газета. 2012. 9 мая.*

***** Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.*

Национальный вопрос в России «есть вопрос не о существовании, а о *достойном* существовании многих народов»*. Достойном во всех смыслах этого слова. С одной стороны, единственно возможный путь достижения этого состояния — в гармонизации общественных отношений (в том числе и межнациональных) через повышение уровня благосостояния, развитие доверия, толерантности, культуры гражданственности и свободной самореализации граждан. С другой стороны, взаимосвязь решения проблем межнациональных отношений с повышением эффективности функционирования государственных институтов, решением актуальных социально-экономических проблем развития не всегда очевидна. Об этом свидетельствует этноконфликтный опыт стран Европы и Америки, где уровень жизни, развитие правовых институтов и правосознание граждан недостижимо высоки по сравнению с российскими.

Стратегия нацелена на формирование гражданской идентичности россиян (гражданской нации) при сохранении этнокультурного многообразия в России. Выбор в пользу конструирования гражданской идентичности и развития гражданственности объясняется тем, что гражданственность по своей сути нацелена на единение, достижение консенсуса, формирование мира и согласия. Этничность, напротив, при консолидирующей роли в конкретной группе основана на противопоставлении — «инаковости» («образе чужого»). При этом принадлежность человека к нескольким типам общностей не является взаимоисключающей. Идентичности могут мирно сосуществовать. Стратегической задачей общества должно стать формирование чувства сопричастности к «гражданской нации» через достижение совместимости разных видов групповых идентичностей (гражданской, этнической, территориальной, религиозной и др.), предотвращение появления изолированных этнических сообществ.

Авторы докладов отмечают, что в проекте Стратегии недостаточно внимания уделено развитию федерализма в России. Действительно, в вопросах федеративного устройства государства, национально-территориальных образований, экстерриториальной национально-культурной автономии, местного самоуправления документ предельно лаконичен. Авторы Стратегии, вероятно, сознательно ушли из политической и этнической плоскости вопроса, оставив в покое «дух федерализма, изгнанный из российской политической практики»**. Учитывая важность сохранения целостности многонационального государства, необходимо незамедлительно вводить в публичное пространство вопрос о новой (функционирующей) модели российского федерализма***.

Наиболее остро стоящие сегодня вопросы — ксенофобия, экстремизм, мигрантофобия, национализм, самосознание русского народа. Важнейшее направление — Северный Кавказ.

Существенным ресурсом гармонизации межнациональных отношений является религия. Несмотря на заявления членов Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям об опасности «соединения этнических и религиозно-этнических факторов» и «исключении

** Соловьев В.С. Национальный вопрос в России // Сочинения. В 2 т. Т. 1. — М., 1989. — С. 260.*

*** Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. — М.: Московская школа политических исследований. — 2008. — С. 39.*

**** Шахрай С. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография, 2-е изд, испр. и доп. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общ. ред. В.П. Сальникова. — СПб., 2002. — 304 с.; К новой модели российского федерализма. Доклад по итогам проекта Междун. фонд соц.-экон. и политол. исслед. (Горбачев-Фонд). — М.: Горбачев-Фонд, 2012. — 32 с.*

религии из проекта национальной стратегии»*, в уже утвержденной Стратегии отражено вовлечение религиозных организаций в деятельность по развитию межнационального и межконфессионального диалога. Экспансия одной из конфессий, внутрирелигиозные расколы способствуют расцвету националистической идеологии, поэтому необходимо «уходить от примитивного понимания светскости»**.

Второй тематический блок посвящен аспектам этнокультурного и гражданского развития Забайкальского края. В региональном аспекте в докладах анализируются методологические основания моделирования развития национальных структур, целевые программы социально-экономического развития и сохранения культурного наследия народов Забайкалья, мотивы и последствия объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, многоуровневая структура идентичности агинских бурят, инициативы и практики в области развития толерантности и гражданской ответственности.

Участниками конференции была принята резолюция с рядом рекомендаций по совершенствованию межнациональных отношений в Забайкальском крае и в России в целом, развитию толерантности, укреплению механизмов взаимодействия органов государственной власти, общественных объединений и социально ответственного бизнеса в обеспечении гражданского мира и согласия.

Поддерживая основные ориентиры государственной национальной политики Российской Федерации, участники конференции обратили особое внимание на необходимость:

— укрепления системы управления и координации действий в сфере реализации государственной национальной политики на региональном и муниципальном уровнях;
— создания региональной системы мониторинга в сфере межнациональных отношений;
— разработки антикризисных и целевых программ укрепления взаимодействия между народами;
— подготовки региональных концепций национальной политики;
— создания региональных центров социальной адаптации мигрантов;
— активизации работы по развитию толерантности, противодействию проявлениям расизма, национализма и других форм ксенофобии в образовательных учреждениях;
— поддержки деятельности Ассамблеи народов Забайкалья;
— усиления работы по освещению в СМИ позитивных практик межнациональных и межконфессиональных отношений.

История — это наука, способная помочь человеку стать полноценным гражданином. Она напоминает о том, что из-за обострения национального вопроса распадаются государства, совершаются преступления против человечности. Вооружившись этим знанием, российское общество должно использовать все доступные способы всестороннего обсуждения национального вопроса в публичном пространстве и эффективной реализации положений Стратегии государственной национальной политики.

Юлия Гранат,
кандидат исторических наук,
выпускница МШПИ

** Сивцова А. Кремль отстраняет РПЦ от национальной политики // Life News Online. 2012. 16 ноября. URL: http://lifenews.ru/news/106398*

*** Выступление президента Российской Федерации В.В. Путина на встрече с участниками Архиерейского собора Русской православной церкви (Москва, 1 февраля 2013 г.). URL: http://президент.рф/новости/17409*

Владимир Рыжков, политик, публицист

Контрапункт

РАЗВИЛКИ ИСТОРИИ: РОЛЬ ПОЛИТИКА

Егор Гайдар, Анатолий Чубайс. Развилки новейшей истории России. — М.: ОГИ, 2011. — 168 с.

16 декабря 2009 года в 53 года ушел из жизни российский реформатор и ученый-экономист Егор Гайдар. Его последние книги «Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории» (2005), «Гибель империи» (2006), «Смуты и институты» (2009) — попытка подробно и в то же время на концептуальном уровне объяснить эволюцию и крах огромной советской империи, вписать эту историю в контекст мировой истории, объяснить еще раз, какое катастрофическое наследство оставила советская власть реформаторам и в каких жестких рамках им пришлось действовать.

«Шоковая терапия» по Гайдару и Чубайсу, российская приватизация, залоговые аукционы, огромный спад производства и гибель тысяч предприятий (1992–1998 годы) — главная мишень критики со всех сторон, главная проблема первого постсоветского десятилетия. Гайдар и Чубайс, наряду с Борисом Ельциным, центральные фигуры этой эпохи, ее главные деятели и символы. Политика первого реформаторского правительства Ельцина, в котором роль премьер-министра дефакто играл Егор Гайдар, подвергается самым уничижительным оценкам со стороны коммунистов (Зюганов), государственников-дирижистов (Примаков, Глазьев) и даже последовательных либертарианцев (Илларионов). Недоволен и народ: Гайдар и Чубайс на протяжении всего постсоветского периода нашей истории входят в число самых непопулярных в народе политиков.

После ухода из правительства в январе 1994 года Гайдар продолжал заниматься политикой, а его Институт экономики переходного периода (ИЭПП) был и остается одним из основных разработчиков реформ для российских властей. Сам Гайдар до последних дней консультировал руководство страны по экономическим вопросам, оставаясь авторитетом для специалистов.

Не теряющий остроты и актуальности спор о реформах 90-х был важен для Гайдара в двух отношениях. Во-первых, победа той или иной интерпретации истории во многом определяет выбор текущей политики. Если либерализация и приватизация — ошибка, считал он, то это открывает путь национализации и государственному дирижизму. Во-вторых, речь идет о месте Гайдара и Чубайса в истории: кто они для России — великие реформаторы или великие разрушители?

Последнее, что успел написать Гайдар перед своим уходом, — его совместная с Анатолием Чубайсом книга «Развилки новейшей истории России». Это еще одна попытка объяснить и даже оправдать действия реформаторов на протяжении всех 90-х, когда они играли ключевую роль в экономическом блоке правительства сначала Ельцина, а потом — Черномырдина и Кириенко.

Авторы избрали популярный в наши дни подход рассмотрения истории через призму «развилок», которые возникали в переломные моменты развития России, когда руководство страны делало очередной выбор, предопределяющий ее будущее. Задача авторов — показать, что в жестких условиях 90-х годов, в условиях распада советской экономики и политической системы возникали именно такого рода развилки, и реформаторы принимали трудные, но, на их взгляд, всякий раз оптимальные решения.

Так, освобождение цен в начале января 1992 года, в результате которого цены взлетели в десятки раз, было результатом выбора методов заполнения полок в магазинах — забирать у крестьян продукты насильно (как в конце 1920-х годов Сталин) или же освободить цены и стимулировать тем самым производителей и торговцев? Выбрали второе, полки быстро наполнились, но так же быстро обнищали миллионы покупателей.

То же самое повторялось неоднократно. Реформаторы принимали решения, которые казались им единственно возможными и спасительными, но общество платило за это огромную цену, многим казавшуюся непомерной.

Можно привести в качестве примера ваучерную приватизацию, в результате которой 40 миллионов (!) человек оказались в итоге без чеков, акций и денег, будучи обманутыми «инвестиционными фондами». Или финансовую стабилизацию, платой за которую стали огромный кризис неплатежей, криминальные зачетные схемы расчетов, неплатежи пенсий и зарплат десяткам миллионов людей.

Авторы вынуждены признать, что народ заплатил огромную цену за реформы 90-х годов. Но настаивают при этом на том, что все их решения были: а) вынужденными, б) единственно возможными, в) единственно верными. В этом главное противоречие их позиции — история полна сложных развилок, но при этом всегда есть будто бы единственно правильное решение, фактически безальтернативное. И авторам, когда они были наделены властными полномочиями, удавалось безошибочно выбирать единственно верный путь.

Именно в это слабое место бьют оппоненты Гайдара и Чубайса, показывая множество своих, часто куда более спорных, но все же альтернатив. Вряд ли история и политика безальтернативны в принципе, как хотят представить это политики, защищая свои решения как единственно верные.

Но при этом Гайдар и Чубайс порой достаточно откровенны в своей книге. Так, рассказывая о мотивах проведения так называемых залоговых аукционов в конце 1995 года, они пишут, что именно *политические*, а не экономические мотивы раздачи крупной собственности в руки немногих олигархов были главными — накануне президентских выборов. Схема аукционов была сознательно выстроена так, чтобы банки, давшие деньги под залог крупнейших предприятий («Норникель», ЮКОС, ЛУКОЙЛ, СИДАНКО, «Сибнефть» и др.), были кровно заинтересованы в победе Ельцина и поражении Зюганова — иначе они теряли бы и деньги, и активы. «*Именно эта экономическая логика и подтолкнула банкиров к соглашению в январе 1996 года в Давосе о поддержке на выборах Ельцина*». Авторы признают: «*залоговые аукционы не были прозрачными, на них не было равенства, не соблюдались права третьей стороны. Победители аукционов имели несомненные преференции*». Но при этом настаивают, что именно так удалось избежать катастрофического коммунистического реванша и продолжить реформы.

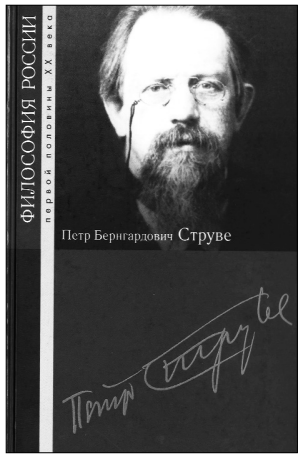
Между тем после дефолта (август 1998 года), в результате которого «*сотни тысяч едва оформившихся частных собственников потеряли свой бизнес, миллионы граждан лишились работы*», Борис Ельцин назначил новое, левое правительство во главе с Евгением Примаковым, в которое вошли коммунисты. Но катастрофы не случилось. Напротив, левый кабинет Примакова стал проводить взвешенную экономическую политику и даже провел через парламент первый бездефицитный федеральный бюджет на 1999 год. Последствия дефолта были сравнительно быстро преодолены, и экономика уже в начале 1999 года вошла в стадию быстрого роста.

Позиция и книга Егора Гайдара и Анатолия Чубайса одновременно политически ангажирована и публицистична, утверждая единственную версию истории, как безальтернативную. В этом сила их политической позиции и их убежденности, но слабость их научной, экспертной аргументации.

Последний раздел книги «Развилки нашего времени» написан Егором Гайдаром, и по нему видно, что три главные развилки, выделенные им, еще долго не потеряют своего значения. Консервативная или более рискованная бюджетная и денежная политика? Инновационная экономика или деградация? Здесь Гайдар разворачивает целую программу конкретных мер, которые необходимо предпринять для развития инновационной экономики. Видно, что с уходом Гайдара Россия потеряла человека, способного видеть будущее и прокладывать в будущее реальные, технологичные пути.

Гайдар предупреждает, что только демократизация и уважение к правам и свободам человека, верховенство права гарантируют России успешное развитие.

РАЗВИЛКИ ИСТОРИИ: ПРИЗВАНИЕ МЫСЛИТЕЛЯ



Петр Бернгардович Струве. Под ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. — М.: РОССПЭН, 2012. — 327 с.

Великого русского мыслителя, философа, экономиста, социолога, политика Петра Бернгардовича Струве (1870–1944) роднит с Егором Гайдаром и Анатолием Чубайсом то, что он, как и они, пережил драматические, судьбоносные развилки русской истории, а также то, что, размышляя о российской политике, на протяжении десятилетий он был не менее активным политическим и общественным *деятелем* — сначала на родине, а потом в эмиграции. Разница же в том, что Гайдар и Чубайс являются в первую очередь деятелями, а Струве — прежде всего выдающийся *мыслитель* и в меру отпущенных ему временем возможностей — деятель. Судьба не дала ему возможность реализовать на практике его богатые идеи. Короткое пребывание во Второй Думе, работа министром иностранных дел в правительстве П. Врангеля в Крыму — вот и все государственные посты, которые довелось занимать талантливому сыну пермского губернатора. Сложись судьба иначе, Струве мог бы войти в число великих русских реформаторов: масштаб его личности, интеллекта, кругозора, его установка на активную деятельность, а не только на ученое созерцание создавали для этого все необходимые предпосылки.

Струве был такой значимой фигурой русской политики и общественной мысли рубежа XIX–XX веков и первой половины прошлого века, что его жизнь и его обширное наследие продолжают активно изучаться. Многие из его идей и заключений на разные темы не утратили своей актуальности и будут еще долго актуальны. Это доказывает сборник научных статей «Петр Бернгардович Струве», авторами которого являются А. Кара-Мурза, О. Жукова, В. Кантор и др.

Судьба Струве показывает, что для выдающегося деятеля очень важно, чтобы история дала ему «окно возможностей», что одной готовности действовать и знания того, что нужно делать, недостаточно. Егору Гайдару и Анатолию Чубайсу холодной осенью 1991 года такое окно открылось...

Струве в этом отношении не повезло. В дни Первой Думы он, как лидер правого крыла кадетской партии, вел тайные переговоры с премьер-министром Столыпиным о вхождении кадетов в столыпинское правительство (по инициативе самого премьер-министра). Но лидер партии Милюков был категорически против «сговора» партии с «реакционным царским кабинетом», и исторический союз реформаторов от власти с реформаторами от оппозиции сорвался. Эту важнейшую развилку Россия прошла, двинувшись в сторону радикализации как власти, так и оппозиции, в сторону сворачивания конституционных реформ, с одной стороны, и подготовки революции — с другой. Отчуждение между исторической властью и образованными слоями росло, страна катилась в сторону революции и гражданской войны. Столыпин был убит, и с ним были убиты шансы на мирные и, по сути, революционные, прогрессивные преобразования экономики, власти и общества.

Также не имел шансов и проиграл барон Врангель, после чего Струве оказался сначала в подполье в советской Москве (1918 год), а потом, до конца своих дней — в эмиграции. Там Струве активно действовал в направлении объединения многочисленной русской эмиграции, мечтал о свержении советской власти, категорически отказывался от признания ее в любом виде, но и здесь его ждали неудачи.

Второй урок жизни Струве — в политике упрямые доктринеры, как правило, успешнее, чем находящиеся в постоянном поиске нового, рефлектирующие искатели истины. И, собственно, поэтому соратник Струве в молодости и его ровесник, создатель и лидер партии большевиков Владимир Ульянов — Ленин одержал победу и пришел к власти, а Струве — нет. Ленин, с его граничащей с фанатизмом верой в себя и свои идеи, с его ненавистью к любым отклонениям от его «генеральной линии», с его несокрушимой волей к власти, победил. Струве, с его постоянными сомнениями, с его радикальным и неоднократным пересмотром своих прежних, признанных им ошибочными, позиций, часто выглядел в глазах современников оппортунистом, менявшим взгляды и партии.

Уникальность и значение Струве для России и даже для Европы была в том, что он был *инноватором* (хотя такого термина в ту пору еще не существовало). Он обладал исключительным и редким даром ставить под сомнение то, что сегодня называется обычно *мейнстримом* (общепринятые представления о разных вещах). Он не раз взрывал общественное мнение, провоцируя бурные дискуссии и заставляя образованные слои и политиков пересматривать казавшиеся незыблемыми «истины». В этом и состояло его, как пишут редакторы сборника, «*мужество быть*».

Впервые Струве взорвал «интеллектуальную бомбу», когда ему было 24 года и он опубликовал свою первую книгу «Критические заметки к вопросу о экономическом развитии России» (1894), которую закончил знаменитой фразой: «*Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму*». Это был прямой и громкий вызов общепринятым представлениям российской интеллигенции того времени о вредности развития капитализма для России и полезности старых общинных отношений, «народного производства» (крестьян и кустарей). Позже Струве выдвинул теорию «*личной годности*» — фактически протестантский идеал ответственного, дисциплинированного, качественного труда, стойкости, меры, спокойствия — как важнейшего условия успеха страны. Все это резко контрастировало с экзальтированной и истерической атмосферой тогдашней России, полной страстей и утопических мечтаний об автоматическом наступлении золотого века сразу же вслед за желаемым крахом постылого самодержавия. И в том и в другом случае время доказало его правоту. Призывы Струве учиться у капиталистов производительности экономики и его требование добиваться высокой культуры и дисциплины труда и производства как будто обращены к нашему поколению, учитывая, что производительность труда в нынешней России, как и прежде, низка.

Точно так же его критика учения Маркса, его фактических и логических неувязок и утопических представлений о неизбежности краха капиталистического уклада была замечена в Европе и внесла вклад в ревизию классического марксизма, в его идейную и политическую эволюцию в направлении современной европейской социал-демокра-

тии, ставшей одной из ведущих политических сил не только XX века, но и наших дней.

После первой русской революции 1905 года и дарования царем Основных законов империи (первой русской конституции) Струве вновь резко разошелся как с господствующими настроениями среди интеллигенции, так и со своей партией (кадеты). Он увидел в Манифесте 17 октября 1905 года огромный шаг к конституционной монархии и в перспективе — к буржуазно-демократическому государству. В то время как большинство видело в этом лишь обманный маневр власти и отказывалось от любого сотрудничества с нею, требуя для Думы учредительных полномочий и отказываясь от осуждения революционного террора, то есть требуя невозможного, Струве решительно поддержал конституционную реформу и выступил за вхождение кадетов в кабинет П. Столыпина.

И здесь он оказался прав. Отвергнув инициативу Столыпина, думцы спровоцировали острый политический конфликт, роспуск царем первых двух Дум, общий откат российской политики в конфронтацию, реакцию и революцию. Умеренная эволюционная программа Струве проиграла, а вместе с ней проиграла и Россия.

Разрыв с радикальной интеллигенцией был оформлен в знаменитом сборнике «Вехи» (1909) и нашумевшей статье «Великая Россия» (1908). В них Струве поддержал реформы Петра Столыпина, направленные на создание массового класса частных собственников и развитие капитализма и верховенства права в России. А также обрушился на интеллигенцию с тяжелыми обвинениями. Он обвинил ее в том, что она вместе с косной российской властью, каждая со своей стороны, ведет дело к революции, к разрушению России. Народно-демократическую интеллигенцию он считал главной виновницей русской революции и краха государства, вменяя ей радикализм, антигосударственность, борьбу не с властью, а с государством как таковым. А еще — нетерпимость, истеричность, неумение достигать компромиссов.

Струве дал точный экономический и политический анализ ленинского НЭПа и предсказал, что плановое хозяйство на основе государственной, так называемой общенародной собственности в итоге неизбежно потерпит крах.

До конца своих дней Струве продолжал взрывать общепринятые представления, отзываясь на самые главные вопросы современности. Его интеллектуальное влияние на протяжении всей его жизни всегда было заметным и мало с кем сравнимым из русских политиков и мыслителей.

Однако постоянное инноваторство Струве, по словам авторов сборника, было одновременно и его проблемой. Его ревизионизм (способность подвергать ревизии общераспространенные теории и взгляды) приводил к тому, что в итоге он становился «чужим». Так, подвергнув ревизии марксизм, он разошелся с Лениным, Плехановым и другими ортодоксальными марксистами. Приняв октябрьский Манифест 1905 года и выступив редактором «Вех» и автором «Великой России», разошелся со своей партией кадетов и нажил множество врагов среди интеллигенции и революционеров. Его конфликт и споры с Милюковым продолжились и в эмиграции, что помешало успеху объединительного съезда эмиграции в Париже в 1926 году, на котором он председательствовал. Меняя общественное сознание, открывая для него новые горизонты, Струве часто оставался политически в одиночестве.

Сегодня России не хватает такого нестандартного ума, как у Струве. Лагеря «либералов», «националистов», «коммунистов», «патриотов» и «государственников» стоят неподвижно на своих позициях, не сдвигаясь с них ни на шаг. Одни и те же аргументы, штампы, мифы, обвинения, символы веры. На фоне все той же традиционной культуры недоверия, взаимной ненависти, нежелания и неумения идти на компромиссы, чтобы достичь общенационального примирения и договориться о России, которую мы строим.

Струве тоже ошибался. Авторы сборника рассказывают об этом подробно. Так, у него было время заблуждений относительно германского нацизма и Гитлера (поначалу ему импонировал антикоммунизм фюрера), но он быстро осознал свою ошибку и перешел в стан принципиальных противников нацизма. Как и многие эмигранты из России, он верил в скорый крах советского режима и преувеличивал значение конфликтов в верхушке партии большевиков. Струве был русский националист и недооценил значение национального вопроса как для распада исторической Российской империи, так и для победы Ленина с его лозунгом «права наций на самоопределение».

Идеал России Струве после краха коммунизма также выглядит по нашим временам диковатым — национальная военная диктатура с опорой на крестьянство.

И тем не менее на протяжении всей своей жизни, об этом пишет А. Кара-Мурза, Струве оставался либералом. Это было самое прочное ядро его личности. Исследователь жизни и творчества Струве Р. Пайпс не случайно назвал первый том своей известной книги о Струве «Левый либерал», а второй — «Правый либерал», выявляя главное, что составляло основу убеждений Струве, при всех изменениях его конкретной политической позиции.

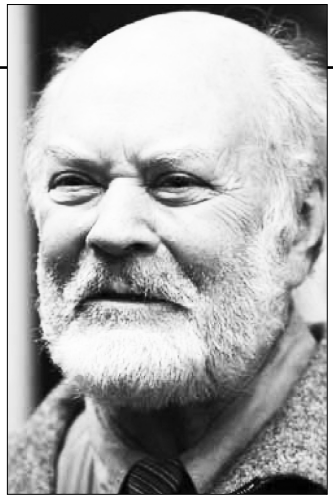
Одновременно Струве настаивал на том, что гарантом свободы должно быть сильное правовое государство и культура — в широком понимании этого слова — от культуры и дисциплины труда до современного образования и искусства.

Его анализ причин краха старой России в высшей степени актуален и для сегодняшней, постсоветской России. Струве принадлежит мысль о том, что на рубеже XIX–XX веков «российское общество переросло российскую власть», что и привело в конечном итоге к революции. Царская элита веками рассматривала государство как свою собственность (вотчину), участие общества в управлении категорически отвергалось. Схожая ситуация сложилась и в России начала XXI века, в которой узкие правящие слои стремятся сохранить монополию на власть и собственность, отводя народу и образованным слоям пассивную роль, низводя демократические институты и процедуры к имитации. Сегодня, как и сто лет тому назад, актуальны слова Струве: «*Интеллигенция страны должна пропитаться тем духом государственности, без господства которого в образованном классе не может быть мощного и свободного государства. “Правящие круги” должны понять, что если из великих потрясений должна выйти Великая Россия, то для этого нужен свободный, творческий подвиг всего народа*».

Первый семинар Московской школы политических исследований — после регистрации в декабре 1992 года в качестве некоммерческой общественной организации — состоялся в апреле 1993-го в подмосковном пансионате «Лесные дали». Однако до этого ее основатели Елена Немировская и Юрий Сенокосов провели две конференции за границей: в декабре 1990 года при содействии британского историка Джеффри Хоскинга в Школе славистики (при Лондонском университете) и 4–9 августа 1992-го под эгидой общества «Моральное перевооружение» в конференц-центре в Ко под Женевой (Швейцария).

В этом номере мы печатаем эссе Льва Аннинского о Лондонской конференции и не публиковавшиеся ранее выступления двух участников конференции «Моральные уроки советской истории» в Ко.

Кое-что о Лондоне



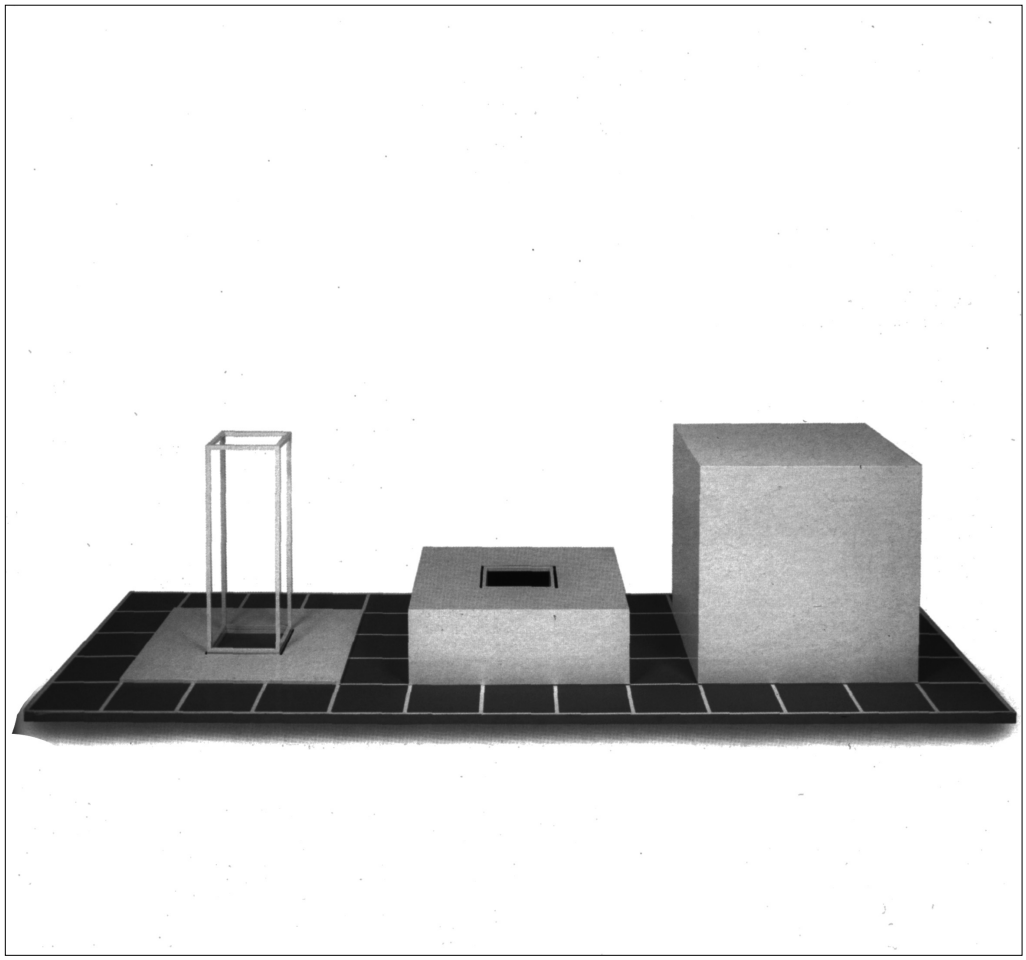
Лев Аннинский, литературный критик, писатель, публицист, литературовед

Я еще не обезумел — судить об англичанах по восьми дням пребывания в Лондоне, да еще в первый раз в жизни. Может, и в последний.

А с другой стороны, о чем еще судить? Ведь не о силуэтах же лондонских башен, и прежде всего — башни университета, под сенью которого мы провели эти восемь дней. Характер англичан — вот что интересно. И не восемь дней тут в запасе, а тысяча лет, которые человечество вглядывается в туманный остров... В характер народа, сумевшего построить «на воде» мировую империю, а затем сумевшего от нее отказаться, не уронив своего достоинства. В язык его, полный чудачеств и несообразностей и, однако, ставший практически главным языком мира.

Думать об этом можно было и на заседаниях, ради которых мы были приглашены в Лондонскую школу славистики: к ее 75-летию профессора Бранч и Хоскинг собрали со всей Европы (со всех концов «континента», как это определяют от своего берега «островитяне»-британцы) экспертов, чтобы обсудить черты «посттоталитарного общества в СССР и бывших странах социалистического лагеря». От нас Елена Немировская собрала весьма внушительную команду. Достаточно сказать, что должны были ехать Александр Мень и Мераб Мамардашвили — гибель помешала*. Поехали Галина Старовойтова и Андрей Фадин, Владимир Лукин и Юрий Сенокосов, Георгий Нодиа и Евгений Барабанов, Андрей Смирнов и Петр Щедровицкий... Мы с Владимиром

** Протоиерей Александр Мень был убит 9 сентября 1990 года; Мераб Мамардашвили умер в аэропорту «Внуково» 25 ноября того же года. (Прим. ред.)*



Сол Левитт. Инсталляция. 1985

Корниловым были командированы от Союза писателей СССР.

Дискуссия вышла интересная: драматургия ее определилась, с одной стороны, нетерпеливой эйфорией людей с Запада, жаждавших поскорее принять нас в объятия цивилизованного человечества, и, с другой стороны, горькой трезвостью людей с Востока, предостерегавших от чрезмерного оптимизма. Такую дискуссию тоже было интересно прокомментировать, но я хочу поделиться мыслями об англичанах, с чего и начал.

Поскольку заседания были спланированы и велись с секундной точностью (каждый из нас выступал трижды: как докладчик, как оппонент и как председатель очередного обсуждения), то посмотреть что-либо, кроме лондонской университетской башни, можно было только стариннейшим способом «прогуливания уроков». Что я и делал: глядя на секундную стрелку, сбегал с заседания, которое решался пропустить, и возвращался на заседание, которое пропустить не решался, добегая в эти секунды до тех или иных предельно достижимых объектов: до Трафальгарской площади... до Букингемского дворца... до Парламента... до Тауэра...

Бег по улицам доставлял впечатления не менее важные, нежели взгляд на тот или иной архитектурный силуэт. Ну хотя бы: в английской толпе ни с кем не сталкиваешься. Словно круг очерчен около человека, аура неприкосновенная... только шелестит вокруг: «sorry... sorry...» — виноват, простите... Ну, впрочем, такое ощущение (потрясающее именно по контрасту с тем, как «прут» танками один в другого в нашей московской толпе), ощущение «ауры» — общее для западных городов вообще. Однако улавливаешь и что-то специфическое лондонское.

Нет, никакой пресловутой чопорности: такие же люди, как все, — живые, эмоциональные, даже болтливые.

Но: чувство меры поразительное. Мгновенно улавливают, если что-то не по тебе — отступают.

Вообще: тончайшее чувство партнера, чувство дистанции, чувство границы и позиции. Другой имеет право! Право на мнение, право на оппозицию, право на глупость. Иногда кажется: англичанину просто безразлично, что о нем думают другие, — он уважает право другого думать что угодно, но свой внутренний закон он знает сам.

В сущности, эта философия — философия личности — лежит в фундаменте всей западной культуры. У американцев, скажем, она окрашивается в задорные — юношеские, подчас мальчишеские — тона. Здесь, у англичан, она ощущается в каком-то другом, архаичном, серьезном варианте. Автономия личности, ответственность индивида, мораль джентльмена. Это не «завоевание» — это основа. Это похоже на инстинкт. Это не обсуждается.

А если обсуждается, то приезжими.

Русскими.

Александр Пятигорский говорил нам в своей профессорской комнатушке [в Лондонском университете, где он в то время работал] голосом прирожденного лектора:

— Будьте уверены, что, говоря с вами, англичанин всегда видит, кто вы такой и чего стоите. Хотя и не показывает этого. Если вы иностранец, то вы можете вести себя как угодно: с вас другой спрос. Но если вы англичанин... Англичанин уверен, что он лучше всех. И именно поэтому он считает, что он должен себя вести х о - р о - ш о.

И опять: на раскаленную плиту моей души падали слова Пятигорского. Интересно: а есть ли народы, которые бы не питали надежды, что они — лучше всех? А — «хуже всех», но лишь бы — на виду у всех? А вести себя... да хоть бы и плохо, но непременно — «на весь мир»...

Англичанину все равно, что о нем подумает «весь мир». Он сам — «весь мир». Он ведет себя х о - р о - ш о, и точка.

Безумство болельщиков на стадионе Уэмбли — коррелят этой базисной черты «островитян»: там, на континенте, — как угодно, а тут, на «острове», — как хотим мы.

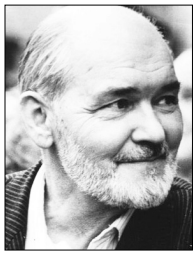
Последний штрих. Башня Лондонского университета (Сенат-хауз), огромная, тупая, давящая, из-под пяты которой я выбегал «посмотреть Лондон», оказалась достопримечательностью почище Гайд-парка.

— Она вам ничего не напоминает? — улыбались хозяева. — А вы присмотритесь. Здесь в войну размещалась служба радио, и здесь работал Оруэлл. Эта башня — прообраз антиутопии «1984».

С этого момента я уже не мог отвести от нее глаз: в центре Лондона, в центре «острова» — Столп Тоталитаризма, овеваемый облаками английского юмора.

«Из дневника литератора».
Журнал «Лепта» (2/1992)

*Моральные уроки советской истории**



«Не будем обольщаться внешним крахом коммунизма»

Юрий Карякин (1930–2011)

Вот капитальный факт: ни одна партия не совершила столько и таких преступлений, как коммунистическая. Никогда не было совершено столько и таких преступлений без покаяния. Наконец, никогда не было столько и таких преступлений, которые прошли бы столь безнаказанно. Фашизм получил по заслугам, но почему коммунизму все равно все сошло с рук? Суд, который сейчас происходит в Москве**, по-моему, лицемерный, политиканский... Представьте себе, что нацисты судят нацистов. Это какой-то абсурд! Но в самой беспокоянности коммунизма и в его безнаказанности нам явлен какой-то очень серьезный знак. По-видимому, здесь таится коренное отличие коммунизма от фашизма. Какое, надо еще думать.. Коммунизм сумел затронуть в людях такую струнку, которая до сих пор не может умолкнуть. «Социальный расизм», я бы так определил коммунизм... Там, в гитлеровском фашизме, была затронута струнка национальная. И она была сразу противопоставлена всем остальным людям и, естественно, вызвала у них соответствующую реакцию. Здесь затронута какая-то другая струна, которая продолжает в нас звучать. По-видимому, такая банальная вещь, как верность слову и расхождение между словом и делом... Расхождение между словом и делом коммунизма — это ловушка, в которой мы до сих пор

** Выступления участников швейцарской конференции печатаются с небольшими сокращениями.*

*** Имеется в виду «суд над гекачепистами», организаторами «августовского путча», членами Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям (ГКЧП): Г.И. Янаевым, вице-президентом СССР; В.А. Крючковым, председателем КГБ СССР; О.Д. Бакланов, первым заместителем председателя Совета обороны СССР; В.А. Павловым, премьер-министром СССР; Д.Т. Язовым, министром обороны СССР и др. Они были арестованы 22 августа 1991 года, помещены в тюрьму «Матросская тишина», где находились до марта 1994 года, когда Постановлением Государственной думы Федерального Собрания РФ были амнистированы.*

сидим и верим ему на слово, несмотря ни на что. По-видимому, это струнка жажды социальной справедливости.

Коммунизм произвел четыре расстрела. Первый расстрел — расстрел частной собственности, а тем самым заинтересованности в труде. Расстрел демократии, а тем самым всякой законности. Расстрел третий, можно сказать, традиций культуры. «Философский корабль» 22-го года — это страшный символ и физическая ощутимость разрыва с культурой. Были бы живы Сократ, Коперник, Пушкин, Достоевский, они были бы на этом корабле. Они, в сущности, и были на этом корабле... Расстрел четвертый — расстрел религии, совести.

Я поменял бы порядок этих четырех пунктов, поставив четвертый на первое место. Все теории земного рая в истории человечества — это какое-то беспрерывное соревнование, кто больше принесет жертв идеалу. Это соревнование в беспрерывном понижении цены человеческой жизни. И здесь, надо сказать, коммунизм вышел на первое место. Как можно ожидать от коммунистов покаяния, когда изначальная цель и была в ликвидации духовно-нравственной жизни как таковой? Когда изначальной целью, исходным пунктом и было убийство совести? А теперь от убитой совести мы будем ожидать возрождения? Это просто глупо. И апелляции к коммунистам покаяться — глупы интеллектуально...

Как угодно можно относиться к Марксу. Когда-то одно из моих первых прозрений состояло вот в чем. Я сравнил библиографические указатели у Маркса и Энгельса и у Ленина. И нашел, что у Маркса в пятьдесят раз больше ссылок на мировую литературу, чем у Ленина...

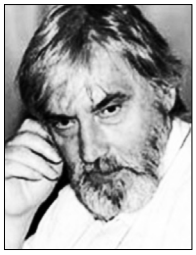
Закономерность понижения даже собственного низкого уровня есть закономерность коммунизма. Может быть, самое страшное состоит в том, о чем вчера говорил наш председатель и некоторые другие выступающие, что коммунизму удалось всех или почти всех вовлечь в свое преступление. Вдумаемся, до чего мы дожили! Когда началась и шла афганская война, народ-то промолчал. Матери тихо получали цинковые гробы, в которых часто лежали даже не трупы их детей, а другие. Смирились с воровскими, тайными похоронами своих детей! Я не знаю большего и закономерного итога. Никто, кроме Сахарова и еще десятка людей, не выступил против... Матери не выступили, отцы не выступили, братья, сестры! Поэтому, если не побояться смотреть правде в глаза, мы можем поздравить коммунизм со своеобразной победой и не питать особых иллюзий на покаяние.

Достоевский всю жизнь мечтал написать роман под названием «Житие великого грешника». Ему казалось, что если он создаст образ предельного грешника и приведет его к исповеди и покаянию, то эта искра зажжет сердца всех. И вспыхнет священный огонь, в котором мы все преобразимся. Его великие грешники — Свидригайлов, Ставрогин. Один пускает пулю в лоб, второй намыливает веревку и вешается. В нашей литературе говорится, что это художественная неудача Достоевского. Хорошая оговорка. А по-моему, здесь величайшее открытие, казалось бы, очень простое: когда переходится какая-то черта, то обратного хода нет.

Достоевский открыл невозможность, если хотите, покаяния в XX веке.
...Все вы помните, конечно, разговор Ивана Карамазова с Смердяковым, когда Смердяков говорит Ивану: «По вашему слову все сделано, вы главный убивец и есть! А я только слуга, Личарда ваш верный». Иван Карамазов, только подумавший об убийстве, оказывается главным убивцем и сходит с ума. Это классика понимания романа.
Это гениальный, но поверхностный слой романа. Поглядите на него с другой точки зрения, с точки зрения Алеши. Для чего Зосима посылает Алешу в мир? И вы обожжетесь, когда вспомните: «Поспешай, поспешай, поспешай и, быть может, спасешь еще братьев своих!». Алеша был послан спасти братьев своих, и не спас. И это скрытый, перечитайте, лейтмотив всего романа. И, если угодно, это роман о вине Алеши. Он главный виновник того, что произошло. Достоевский одновременно открыл невозможность покаяния тех грешников, о которых я говорил. И открыл бесконечные возможности совести. Ведь весь парадокс в том, что Смердяков не кается, Иван от чувства вины сходит с ума, а (я смею судить об этом по черновикам к роману) каяться будет Алеша. Очень грубо будет сказать, что нам здесь дана художественная модель покаяния и искупления. Потому что Достоевский очень точно определяет, различает такие три понятия, как признание, оно почти всегда вынужденное в преступлении, раскаяние и, наконец, искупление.
Я думаю, и у меня практическое предложение к устроителям нашего семинара, особенно, может быть, к Юрию Петровичу [Сенокосову], что некому, кроме как нам, издать, если хотите, библиотеку покаяния, библиотеку исповедей. Я далек от мысли, что люди прочитают нашу библиотеку и покаются. Но тем не менее это может быть маленьким шажком в нашем самопознании и хоть капельку поможет в нашем деле...
Ведь, в сущности говоря, что такое «Бесы» Достоевского? Это внутренняя исповедь самого Достоевского. Никогда он не смог бы написать этого романа, если бы не испытал искушение бесовщиной, когда он, его же словами говоря, воспринял все учение Белинского. Это давление коммунизма, революции изнутри.
Но не забудем — Бердяев, Булгаков, Струве, Франк — ...немыслимы без духовно-нравственного одоления двух вещей: и коммунизма, и догматической религиозности, догматического православия. Одно без другого невозможно. Когда я смотрю писания бывших коммунистов (наверное, я и сам сюда отношусь), я не могу отделаться от мысли, что это отказ чисто поверхностный, на уровне общественно-политических лозунгов, а не на уровне духовно-нравственного разрыва. На меня не обидится Саша Ципко, потому что я ему об этом говорил. В прошлом году в «Новом мире» была его статья «Разрыв с марксизмом», а рядышком была статья Франка. Я прочитал и сопоставил эти две статьи с ужасом, потому что увидел и свой грех. Уровни разрыва несопоставимы пока. Может быть, самое пронзительные строчки в «Архипелаге ГУЛАГ» — это строчки о своей личной вине даже в тюрьме, даже Солженицына, который еще верил Ленину, если вы помните. И там же

он говорит, что его чудо спасло от того, что он не стал служить в КГБ. И он находит в себе мужество признаться в этом и поблагодарить Бога. Я хочу сказать, что если такие люди, от Достоевского до Солженицына и Сахарова, оказались тоже на какое-то мгновение зараженными этим СПИДом, то не будем тешить себя иллюзией, что коммунизм одолен. Мы находимся еще в самом-самом начале его духовно-нравственного одоления. И не будем обольщаться внешним его крахом. По-видимому, не так обстоит дело, что был период греха, а теперь период покаяния. В каждой точке нашего духовного бытия все это присутствует до последнего мгновения нашей жизни: и грех, и порок.

... Одно из духовных преступлений коммунизма, предопределивших его беспокоянность, состоит в том, что он отменил понятия греха и порока. Он их заменил, на всякий случай, понятиями ошибок и недостатков.



«Жить не по лжи»

Лен Карпинский (1929–1995)

Уважаемые господа, я хочу начать с благодарности организаторам нашей конференции, а также особо отметить и поблагодарить господина Брайана Хэмлина, текст которого о движении за «Моральное перевооружение» я прочитал только здесь.

Еще одна оговорка: я рискую подвергнуть вас испытанию нетеоретическим мышлением, поскольку с философией я соприкасался профессионально сорок лет назад. И думаю, что это была не философия, а штудирование марксизма как высшей истины, не допускающей каких-либо других истин. Но это похоже на сон, а не на действительность. Остальная моя жизнь толкает меня к тому, чтобы я изложил эту тему скорее в биографическом плане. Тема — «Жить не по лжи», и величайшие трудности выполнения этого принципа многие из нас (они называются шестидесятниками, люди нашего возраста и нашей судьбы) пережили лично... Близкий в этом плане мне человек — Юрий Карякин, с которым мы как начали на одном факультете и в одно время, так вот и идем к концу за одним круглым столом в конференц-центре в Ко, пересекаясь тысячу раз на этом пути.

Конечно, это не Солженицын изобрел неучастие во лжи. Видимо, завет честности и правдивости существует тысячелетия. Но он был высказан в острое для нас время и сыграл свою роль. Насколько сложно его выполнение, вы можете судить хотя бы на примере моих замечатель-

ных взаимоотношений с КПСС. Во-первых, я родился в колыбели КПСС и, можно сказать, вступил в нее до того, как достиг соответствующего возраста. Поскольку мой отец*, в частности, здесь, в Женеве, вместе с Лениным много лет подряд вынашивал и организационные и идеологические основы этой партии. И позавчера, когда я побывал в кафе, где они неоднократно сидели, и, к моему повторному удивлению, именно здесь, в уютной Швейцарии, разрабатывали концепции насилия и диктатуры, я посмотрел на это кафе и столики, и еще раз говорю, что удивился.

Затем, конечно, я воспитывался в семье своего отца, большевика до мозга костей. И никаких сомнений в детском и подростковом возрасте в том, что я живу не в мире лжи, а в мире абсолютной истины, быть не могло...

Вообще я четыре раза вступал в КПСС. Дважды мне отказывали, дважды принимали. Один раз исключали за взгляды несовместимые... И один, последний, раз я вышел сам 13 января, в ночь после событий в Литве**. Это, конечно, может показаться смешным. Но, в общем, это отражает эволюцию попыток преодоления лжи...

Тут я вижу два процесса. Они взаимопереплетены, но все-таки различные. Во-первых, надо было еще опознать ложь. И поэтому процесс опознания лжи занял огромное количество времени. У нас, которые не испытывали никаких сомнений в том, что все это истина: эта система, эта идеология. Но после этого встал другой вопрос, вопрос о том, как действовать, что можно и что возможно сделать после того, как ложь опознана и совершенно неопровержимо предстала своим отвратительным лицом. Это разные процессы...

Скажу коротко о природе нашего общества, которое чрезвычайно затрудняло такое опознание. Причем под ложью в данном случае я имею в виду нечто онтологическое. Это не ошибка и не вранье отдельных людей, хотя и это тоже. Это, собственно, вся структура, весь социум,

---

** В.А. Карпинский (1880–1965) — деятель революционного движения, публицист, доктор экономических наук, Герой Социалистического Труда. Один из организаторов и руководителей харьковского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1904 года в Женеве под руководством В.И. Ленина работал в газетах «Вперед» и «Пролетарий»; сотрудничал в газете «Правда». В годы 1-й мировой войны наладил издание газеты «Социал-демократ». Во время Гражданской войны на агитационном пароходе «Красная звезда» редактировал газету «Красная звезда». В 1918–1927 годах — член редколлегии «Правды» и других газет и журналов. С 1936 года — в аппарате ЦК ВКП(б). В.И. Ленин написал В. А. Карпинскому свыше 100 писем.*

*** После окончания философского факультета МГУ Л. Карпинский преподавал в институте Нижнего Новгорода, был заведующим отделом пропаганды и агитации, затем секретарем ЦК ВЛКСМ (1958–1962). В 1967 году написал статью «На пути к премьере», в которой критически отозвался о практике цензуры в СССР, за что был уволен из «Правды» и назначен спецкором «Известий», откуда вскоре также был уволен за критику процесса «ресталинизации», начавшегося после смещения Хрущева. С 1969 по 1973 год работал в Институте социальных исследований АН СССР, затем — заведующим редакции в издательстве «Прогресс». В 1969 году, после вторжения советских войск в Чехословакию, написал статью «Слово — тоже дело», которая была изъята КГБ. В 1975 году исключен из КПСС и уволен из издательства «Прогресс». Долгое время был без работы. С 1989 года — политический обозреватель, с 1991 по 1993 год — главный редактор газеты «Московские новости».*

который мой друг и в какой-то мере учитель профессор Михаил Гефтер назвал социумом власти. Он настолько глобален и всеобъемлющ, что, в общем, пока сам не начал расшатываться, не оставлял никакой смотровой щели, лазейки долгое время. Это было то, что Мераб Мамардашвили на конференции, где я тоже был, назвал «необществом» во всех своих проявлениях. В этом необществе партия есть непартия, а, конечно, стержневой аппарат всеобъемлющей структуры власти. В этом необществе экономика есть, конечно, не экономика, а антиэкономика, которая производит не продукт, а процесс, в котором обязательно присутствует власть и через который она сама себя накапливает. Всякий прогресс здесь, конечно, возможен при условии регресса в каком-то другом, более существенном человеческом отношении. Короче говоря, некий антимир. И это естественно, поскольку утопия, реализованная в действительности, вытеснила эту действительность, поставила себя на место этой действительности и таким образом вывернула наизнанку весь спектр отношений. Находясь в такой замкнутой капсуле, было очень трудно вообще отличить, различить ложь. На это ушло очень много времени, пока это не было осознано...

И тут и возник вопрос, который я, Карякин, поэт Евгений Евтушенко, известный экономист и публицист Лацис и еще несколько человек, среди нас был и адмирал Тимур Гайдар, сын легендарного писателя и нынче отец руководителя реформ в России... И мы сформулировали проблему интеллектуальной совести. Может быть, не очень удачно. Но для нас это имело инструментальный характер для поведения. Это не та совесть, которая врождена или с молоком матери воспитана, не та, которая идет от восприятия или вообще от эмоциональной сферы и имеет чувственный характер. А та, которая идет от интеллектуального анализа, спускается в эмоциональную сферу, становясь нравственным императивом. Если мы видим, что расклад фактов таков и выводы таковы, то это уже нравственные требования вести себя соответствующим образом. Вот это и было самым трудным.

Конечно, среди нашего поколения были и героические формы реакции на такое опознание лжи. Это те, кто занимался самиздатом с риском для себя. Это те, кто вышел на Красную площадь в 68-м году. Это многие из тех, которые попали в Сибирь. Это открыто действующие диссиденты. Но во много раз большее количество людей вынуждено было не только по робости характера, но и по многим другим причинам избрать другие формы сопротивления. Я бы сказал, что здесь призыв не участвовать во лжи сам собой оборачивался призывом участвовать в системе мелких хитростей, уметь вводить в заблуждение и лукавить. Поскольку одно дело, когда вам говорят жить не по лжи, а другое дело, когда этот же вопрос выглядит, как выживать не по лжи. Просто обеспечить существование свое, своей семьи, своих детей, перед которыми мы тоже несем ответственность, а не только перед историей, прежде всего перед ними. Здесь существует огромная масса форм такого, я бы сказал, уклонения от лжи при помощи мелких хитростей и обманных движений.

Ну, например, недавно на презентации своей книжки Александр Яковлев, а это и есть Михаил Горбачев в его лучших проявлениях и достижениях, в Доме кино получил вопрос: «Правда ли, что вы были ответственным руководителем процесса писателей Синявского и Даниэля?». Первый процесс, когда писатели-инакомыслящие были осуждены и попали в заключение. Яковлев объяснил, как это было. Он сказал, что ему позвонил еще более большой начальник тех времен, Суслов, и сказал, что вам, как руководителю отдела пропаганды, надо управлять процессом Даниэля и Синявского. У него не было никакого другого выхода, кроме как сказать, что это все-таки писатели и это идет по отделу культуры ЦК, а не по отделу пропаганды. И таким образом он снял с себя ответственность хотя бы за личное участие в этом позорном процессе. Хотя, как он признался, увильнуть от разработки документа, как потом освещать в печати этот процесс, он не смог и был вынужден его написать. Не знаю, как мы сегодня будем оценивать эту маленькую хитрость. Но, во всяком случае, сам Андрей Синявский недавно встречался с Яковлевым. И они нашли общий язык в оценке тех лет и тех поступков.

Я мог бы привести огромное количество примеров, когда председатели колхозов, даже бригадиры, директора заводов (а не только представители интеллигенции), таких сотни и тысячи, хитрили и юлили для того, чтобы по форме обеспечить себе безопасные действия и развитие производства и обеспечение хоть какого-то экономического успеха. Многие из них прямо бросали вызов системе. Такие как председатель колхоза Худенко, который был арестован и погиб. Или как председатель подмосковного колхоза Иван Снимщиков, который был арестован, но не погиб. Или в академической среде академик Олег Богомолов, наш с Карякиным близкий друг. Его Институт экономики социалистических стран в течение многих лет разрабатывал рекомендации для ЦК КПСС как лучше управлять социалистическими странами. И этим академик Богомолов платил дань за то, чтобы прикрыть у себя людей, которые после 85-го года оказались пружиной, скакнувшей вперед и вверх. По сути, такие люди, как Клямкин, Ципко и другие интеллектуалы, и сделали первые три года перестройки на страницах печати, на митингах, в Верховном Совете, еще распущенного созыва, в межрегиональной депутатской группе. Этот потенциал был сохранен в том числе и в этом институте...

По существу брежневский период не был застоем, скорее это был процесс. Это был процесс распознания лжи, процесс накопления интеллектуального заряда, который ждал своего часа... Это был период глубокого обнажения внутреннего абсурда коммунистического монолита...

Появилась «армия», способная откликнуться на неосознанный или полуосознанный призыв Горбачева к гласности и к обновлению. В данном случае мы имели эффект реакции на сигнал, где реакция в сотни раз по силе и энергии превосходит силу и энергию самого сигнала. Так, выражаясь по-горбачевски, пошел процесс не только обнаружения лжи, но и процесс ее преодоления. Я думаю, как бы мы ни относились к Горбачеву и группе реформаторов — это три-четыре человека на самом

политическом верху — Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, из помощников Черняев, чуть-чуть Шахназаров — к их половинчатостям, иллюзиям, колебаниям, даже шкурническим мотивам, которые овладели ими в последнее время, надо сказать, что урок правды позволил провести его силами накопившихся противников лжи, осознавших и распознавших сущность этой лжи, возможно, не до конца, но достаточно.

После этого происходят все известные вам события, которые длятся до сих пор и которые вызывают у меня тревожные ощущения. Не предстоит ли и новому поколению работа по осознанию и преодолению лжи? И есть все основания считать, что от завершения этот процесс еще далек, если он вообще когда-нибудь сможет быть закончен. Видимо, он будет длиться всегда в той или иной симметрии, в тех или иных пропорциях. Я имею в виду приход на смену старой марксистской мифологии, которая заменила действительность и выстраивала из себя действительность, новейшей мифологии, связанной с послеавгустовскими действиями российских властей и правительства. Точнее говоря, это экономическая мифология, но она тоже претендует на монопольное положение. И перед нашей газетой, например, первые два месяца после начала реформ, у меня в том числе, не было сомнений, что надо поддерживать модель Гайдара только за то, что он начал, просто шагнул, вместо того чтобы суетиться на месте, как предыдущий правитель. Но потом начали возникать большие подозрения, что мы имеем дело с мифом, претендующим на все охватывающее и абсолютное значение. Либерализация цен оказалась просто хаотизацией произвола в становлении цен. Верхний произвол рассеялся в сотни тысяч очагов местного, низового произвола. И поэтому мы сталкиваемся не со свободными ценами, а с той известной корабельной бочкой, которая срывается с цепи и может ударить и покатиться в каком угодно направлении, которое нельзя предсказать.

Свобода вообще категория, которая не применима к товару или к деньгам. Свобода как категория применима к человеку. И когда мы это говорим, мы ставим вопрос: а кто стал свободным в результате освобождения цен? Покупатель — нет, поскольку прилавки не пополнились ассортиментом. Кроме того, пошел процесс обеднения и примитивизации ассортимента, поскольку монопольный производитель, который и остался монопольным, имеет два пути. Он может увеличивать производство и доходы, а может увеличивать цены и сокращать производство и таким образом сохранять доходы. Наш монопольный производитель пошел по второму пути. Значит, покупатель не стал свободен. Не стал свободен, между прочим, и производитель тоже. Наибольшую свободу получила опять чиновная структура, которая и не думала никуда исчезать и которая ухватила свой шанс, и пока его держит, соединить в одних руках собственность на властные функции с собственностью на капитал. Вот это коммерциализированное тоталитарное образование является для нас сейчас очень большой опасностью.

Поясню на примере московского правительства и его строительного министерства. С одной стороны, мои друзья-итальянцы с очень хоро-

шими капиталами, которые уже вложили 200 миллионов долларов в Россию, в развитие стеклопроизводства, например. Они хотят взять один из центральных кварталов Москвы, реконструировать его, вложить туда капитал с расчетом лет через пять получить какие-то доходы. Московское правительство, а я разговаривал с министром Ресиным, говорит «да-да», но одновременно советует вступить в партнерские отношения с некоей компанией под названием «Сатурн» при московском правительстве, которая помогла бы разобраться в этих дебрях предпринимательства в России. Мы встречаемся с руководителями этой компании. И они предлагают в течение недели собрать 17 необходимых властных подписей в правительстве, включая самого вице-мэра... И за это иметь более половины доходов, не вложив ни одного рубля, ни одного доллара, ни одного кирпича, просто за услуги в получении властных разрешений. Если бы это делалось только в единичном случае, то это можно было бы описать как фельетон, что мы и сделали. За что получили смертельную обиду московского правительства. Но это делается везде и повсюду ежедневно и ежечасно и в массовом масштабе. Есть еще несколько мифов, будто бы для того чтобы стабилизировать финансы, а на самом деле набить денежный мешок. Таким образом, правительство Гайдара, само того не осознавая, уходит от тоталитарной системы с помощью тоталитарной же методологии, где во главу угла ставится тот же государственный фетишизм. Государственный мешок полный денег, и затем государство через аппарат раздает это жалким производителям, которые так и не становятся самостоятельными субъектами. Это миф, из этого ничего не получится. Как может быть стабилизация рубля, когда он не становится рублем и вообще деньгами? Это же фикция. Наш рубль не отражает ни того же марксистского труда, ни соотношения спроса и предложения. Это вообще не деньги. Это талон, знак, некая ведомость к властному решению. Есть властное решение, потом подсчитывается количество талонов, то есть рублей, которые должны быть к этому талону приложены. Зачем их стабилизировать? И положение не изменится, пока настоящая приватизация опережающими темпами не пойдет в жизнь и не создаст определенную среду. Нам говорят, что нет инфраструктуры рынка. Мы спрашиваем: «Вы что, из государства ее будете выращивать? Она же тоже возникает на рыночной основе».

Я мог бы продолжать, но ограничусь этим. И вывод у меня такой: я думаю... следующим поколениям придется еще схватиться с проблемой лжи, мифологии и вложить немало труда в распознание и преодоление лжи. Основной мой вывод заключается в том, что, как кто-то недавно сказал: «В отличие от иллюзий шестидесятников прогресс льется из сосуда с очень узким горлышком». И даже не постоянной струйкой, а отдельными «бульками». Следовательно, моя личная задача состоит в том, чтобы дожить и доработать до следующего «булька» и принять в этом посильное участие.

Продолжение следует

CONTENTS
№ 1 (61) 2013

TO OUR READER 5

SEMINAR

Historical Memory and a Civic Stance
Alexander Daniel' 7

Discussion 18

THEME OF THE ISSUE

Priorities of the Society and Chances of the Opposition
Alexei Makarkin 26

PAGES OF HISTORY

From Solidarity to Self-Government
Natalia Bryzko 30

A VIEWPOINT

New Europe — Boundaries, Parameters and Place in the World
Andrei Zubov 43

Bestiary. Less college students? So what?
Giampaolo Pansa 53

IDEAS AND CONCEPTS

Society and Upbringing
Ernst-Jųrg von Studnitz 57

RUSSIAN EDUCATION

Are Russian Universities Competitive?
Tatiana Kastoueva-Jean 63

"Non scholae, sed vitae discimus"
Andrei Kolesnikov 76

OUR CIVIL HERITAGE

On Significance of Synonyms in Relation to Language Studies...
Alexander Trachevskii 86

CIVIL SOCIETY

"Parental Strategies" and Civil Practices
Tatiana Shmankevich 92

BOOKS

Marx Topsy-turvy
Maxim Trudol'ubov 99

Regional Book Review
Yulia Granat 103

Counterpoint
Vladimir Ryzhkov 106

NOTA BENE

A Few Words about London
Lev Anninskii 113

Moral Lessons of the Soviet History
Yurii Karyakin 116
Len Karpinskii 119

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:
ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

СЕМИНАР
(Голицыно, 25–27 апреля 2013 г.)

Наши авторы:

Клэр Асквит
Евгений Барабанов
Андрей Захаров
Иван Крастев
Катрин Лалюмьер
Джон Ллойд
Владимир Рыжков
Роберт Скидельски
Александр Согомонов
Никита Соколов
Михаил Сульман
Альваро Хиль-Роблес
Дмитрий Тренин
Рольф Эйдем
Турбьерн Ягланд

Подписано в печать 27.05.2013.
Формат 70×108/16.
Усл.-печ. л. 8.0.
Тираж 999 экз.
Заказ №

Московская школа
политических исследований
127006 Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: msps@msps.su
http://www.msps.su

ISBN 978-5-91734-037-1